

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2022. Т. 44, № 8

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 8

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)
- К. А. МЮКЛЕБУСТ**
д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2022. Vol. 44, No 8

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Кожевникова Ю. Н.</i>	
АРХЕОЛОГИЯ			
<i>Тарасов А. Ю., Сумманен И. М.</i>			
Рубящие орудия русско-карельского типа в Карелии и Северо-Восточной Европе: геохимический аспект	8	Памятники Петровской эпохи в монастырях Олонецкой епархии	76
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		<i>Шахнович М. М., Кутьков Н. П.</i>	
<i>Федоренко К. С.</i>		Дворец Петра I в поселке Марциальные Воды: история и археология	85
Предпосылки феномена Корейской волны (конец 1950-х – начало 1970-х годов)	20	<i>Яковлев В. В.</i>	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		Хронограф особого состава и русские летописи о поездке Петра I в Соловецкий монастырь в 1694 году	91
<i>Савицкий И. В.</i>		<i>Лиман И. Г.</i>	
Российские исследователи и публицисты о роли военных в Крымской весне	27	Социокультурные аспекты празднования двухсотлетнего юбилея Петра I в Олонецкой губернии . . .	97
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ	
<i>Дианова Е. В.</i>		<i>Бодрова О. А., Разумова И. А.</i>	
Кооперативная беллетристика Н. Г. Чернышевского . .	37	Интернет-технологии в этнокультурном брендинге (на примере Мурманской области)	105
<i>Жуковская Т. Н.</i>		<i>Змеева О. В.</i>	
Столичный город и университет: формы публичности и система взаимодействия в первой половине XIX века	50	Социальный порядок на Мурманстройке. Часть 2. Этнокультурные модели и социальная девиация.	111
<i>Котов П. П., Рожина А. В.</i>		Юбилей	
Иноческие обители Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX века: количество и виды.	57	К 75-летию со дня рождения Е. В. Анисимова	119
К 350-летию со дня рождения Петра Великого		Память	
<i>Пигин А. В.</i>		<i>Соломещ И. М., Такала И. Р.</i>	
Рукописная литература Петровской эпохи на Русском Севере	66	Памяти Л. В. Суни	120
		Научная информация	
		<i>Яковлев В. В.</i>	
		О журнале «Новый Часовой»	123
		Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.11.2022. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Изд. № 133

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОГО
СОВЕТА ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор Высшей школы
экономики, научный руководи-
тель Института Петра Ве-
ликого

Е. В. Анисимов

Evgeniy V. Anisimov,
Editorial Board Member,
Dr. Sc. (History), Professor,
Higher School of Economics,
Scientific Director,
Peter the Great Institute

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Всегда испытываю теплое чувство, когда вспо-
минаю Петрозаводск. Тут и историческая память –
для Петра Олонецкий край был очень важен и как
ближайший к Петербургу центр металлургии, и как
место облегчения от телесных страданий. Тут и моя
память о замечательном городе на берегу темно-
синего и похожего на море Онего, где всей грудью
вдыхаешь поистине морской воздух и вспоминаешь
Балтику.

Нигде нас, петербуржцев, так радушно не встре-
чают, как в Петрозаводске. Тут живут сдержанные,
но открытые и добрые люди. Я люблю и сам город,
который не кажется провинцией (аура столичности
в нем есть), и прекрасный музей, и университет вы-
сокого уровня, основательный и современный. А ка-
кая здесь замечательная Национальная библиотека
Республики Карелия! Если бы меня вдруг выслали
из Питера и предложили бы выбор, то я бы сразу
сказал: Петрозаводск. Так мне близок этот город
и его люди.

Пусть юбилейная петровская библиотека попол-
нится и нашим журналом!

От редакции. Недавно *Е. В. Анисимов* выло-
жил в сети Интернет «Биохронику Петра Велико-
го (1672–1725 гг.)» (<https://spb.hse.ru/humart/history/peter/>), которая содержит огромное количество фактов и может дать ответ на почти любой во-
прос, связанный с жизнью и деятельностью этого
выдающегося правителя России.

В ноябрьском номере журнала в рубрике
«К 350-летию со дня рождения Петра Великого»
опубликованы статьи, созданные на основе докла-
дов, заслушанных на конференции «Материальное
и нематериальное наследие Петровской эпохи на
Русском Севере» в июне 2022 года в Петрозаводске.
Также в этом номере публикуются исследования и
по другим областям исторических наук: археология,
отечественная история, историография, источ-
никоведение, методы исторического исследования,
этнология, антропология и этнография.

Рубрика «Память» посвящена замечательному
ученому и педагогу *Л. В. Суни*.

В рубрике «Научная информация» главный редак-
тор журнала «Новый Часовой» *В. В. Яковлев* рас-
сказывает о журнале и юбилейном номере, который
тоже посвящен Петру Великому.

АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ ТАРАСОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5737-5247; taleksej@drevlanka.ru

ИРИНА МИХАЙЛОВНА СУММАНЕН

кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора археологии Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7502-7687; irina.summanen@mail.ru

РУБЯЩИЕ ОРУДИЯ РУССКО-КАРЕЛЬСКОГО ТИПА В КАРЕЛИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ГЕОХИМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А н н о т а ц и я . Представлены результаты геохимического исследования материала для изготовления каменных рубящих орудий так называемого русско-карельского типа, активно использовавшихся для совершения обменных операций населением Северо-Восточной Европы IV–III тыс. до н. э. Исследование основано на результатах геохимического анализа 54 образцов с территории различных районов Карелии, Ленинградской области, Финляндии и Эстонии, проводившегося по методу ICP-MS в аналитической лаборатории Института геологии Карельского научного центра РАН. Целью работы являлось подтверждение высказанного в начале XX века предположения о том, что рассматриваемые орудия изготавливались в одном производственном центре на западном побережье Онежского озера (низовье р. Шуи) и распространялись путем обмена с помощью современного арсенала геохимии, сводящего к минимуму воздействие субъективного человеческого фактора. Впервые проанализированы изделия, обнаруженные на значительном удалении от известных мастерских, в том числе за пределами Карелии. Полученные данные в целом подтверждают тезис о том, что несомненные орудия русско-карельского типа, вне зависимости от места их обнаружения, происходят из шуйского производственного центра, сырьем для которого служили месторождения вулканических зеленокаменных пород («метатуф») в близлежащих скальных массивах. Статья продолжает исследования в области организации первобытного обмена в Северо-Восточной Европе, активно ведущиеся в настоящее время.

К л ю ч е в ы е с л о в а : каменная индустрия, рубящие орудия, энеолит, неолит, Карелия, Эстония, Финляндия, геохимия, ICP-MS, сырье, обмен

Б л а г о д а р н о с т и . Статья написана в ходе выполнения госконтракта в рамках плановой научной темы сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН. Авторы выражают глубокую признательность А. Крийска и К. Нордквисту за содействие в проведении исследований, М. А. Гоголеву и З. И. Слуковскому за предоставленные консультации.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тарасов А. Ю., Сумманен И. М. Рубящие орудия русско-карельского типа в Карелии и Северо-Восточной Европе: геохимический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 8–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.830

ВВЕДЕНИЕ. КАМЕННЫЕ РУБЯЩИЕ ОРУДИЯ РУССКО-КАРЕЛЬСКОГО ТИПА И СЫРЬЕ ДЛЯ ИХ ПРОИЗВОДСТВА

Индустрия орудий русско-карельского типа, производившихся на западном побережье Онежского озера в эпоху раннего металла и активно

использовавшихся для обмена, изучается на протяжении уже более ста лет. Благодаря работам финляндских исследователей первой половины XX века, прежде всего Э. Мякинена и А. Яюряпя, она стала одним из первых хрестоматийных примеров обмена в древности. Версия финских

авторов была воспринята большинством археологов, принадлежавших как к западной, так и советской традиции [1], [4: 246–247], [9: 196], [10], [11], хотя имеются и критические замечания, высказанные А. Я. Брюсовым [4: 246] и В. Ф. Филатовой [8].

Вторичное открытие мастерских в низовье р. Шуи в 1990-х годах [3: 21–22] позволило вернуться к данной проблематике и исследовать ее на современном уровне. В течение последних двух десятилетий открыты и частично изучены десятки новых мастерских, осуществлены раскопки наиболее крупной из них – Фофаново XIII, предоставившие чрезвычайно яркие свидетельства интенсивного производства каменных рубящих орудий, а также проведена значительная работа по картографированию находок изделий русско-карельского типа в Карелии и за ее пределами [13].

Исследования сырья для изготовления рассматриваемых орудий также имеют длительную историю. До самого последнего времени они производились с помощью петрографического метода. Основополагающее заключение было сделано Э. Мякиненем, установившим в начале XX века, что каменный материал для этих инструментов представляет собой породу вулканического происхождения (туф) из скальных массивов протерозойского возраста на западном побережье Онежского озера. С геологической точки зрения среди вулканогенных образований данного микрорегиона может быть выделено некоторое количество разновидностей [5], для которых по предложению эстонского геолога Ю. Кирсами используется обобщенное наименование «метатуйф» [7]. Последующие специализированные петрографические исследования орудий русско-карельского типа в целом подтверждают данный вывод [7], [11: 6–7]. Единственным исключением являются результаты анализа серии каменных изделий из поселения Охта I в г. Санкт-Петербурге, включая два орудия русско-карельского типа, наиболее вероятным источником материала которых названы зеленокаменные пояса Ялонваара-Хатту-Тулос на юго-западной границе Карельского кратона, на крайнем юго-востоке Финляндии [2].

Ввиду того что петрографический метод не может быть избавлен от влияния человеческого фактора, в настоящее время основным подходом при установлении источников сырья для изготовления древних каменных орудий является использование методов из арсенала геохимии. Исследования по методу ICP-MS (масс-спектрометрия с индуктивно связанной

плазмой) были начаты и для индустрии орудий русско-карельского типа. На первоначальном этапе исследования (20 образцов) проводилось сопоставление отщепов из мастерских низовья р. Шуи (Фофаново XIII, Фофаново VI, Шуя XXV, Шуя XXI, Низовье I) и мастерской Деревянное XVIII вблизи с. Деревянное с составами породных комплексов палеопротерозойского возраста, расположенных к северу от низовья р. Шуи. В качестве объектов сопоставления использовались пробы, взятые ранее в близлежащих к району исследований месторождениях в процессе работ, проводимых геологами Карельского научного центра РАН, а также некоторые образцы породы, взятые в местах возможной добычи каменного сырья в древности. Анализ продемонстрировал принципиальное сходство материала всех привлеченных мастерских, источниками сырья для которых действительно служили выходы вулканических пород западного побережья Онежского озера, вблизи озер Укшезеро и Кончезеро (притом что отмечено использование сырья из разных проявлений внутри единого крупного массива). Результаты исследования опубликованы [6].

Следующим необходимым этапом исследования является анализ материала готовых изделий русско-карельского типа, происходящих из археологических памятников различных регионов, в том числе находящихся за пределами Карелии. Такая работа проведена при подготовке настоящей статьи. В выборку, помимо образцов изделий, включены также образцы породы из нескольких локаций, выявленных в самые последние годы, в которых с большей или меньшей вероятностью могла происходить добыча каменного сырья в древности.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

С целью подтверждения либо опровержения гипотезы о том, что орудия русско-карельского типа, находимые за пределами шуйского производственного центра, не были связаны еще с какими-либо центрами и изготавливались из сырья, добытого из скальных массивов западного онежского побережья, была проведена следующая серия анализов, включивших, наряду с новыми образцами горной породы, также образцы изделий из поселенческих комплексов Онежского озера, оз. Сямозера, западного Прибеломорья, северо-западной части Приладожья, Финляндии и Эстонии (рис. 1). К настоящему моменту проанализированы 54 образца (рис. 2–4), сведения о которых систематизированы в табл. 1.

Таблица 1. Образцы, привлеченные для геохимического исследования
Table 1. Samples used for geochemical study

№	Памятник / место сбора	Описание образца	Место хранения	Категория образца	Географическая группа
1	Фофаново XIII	отщеп из раскопа, кв. 503/102 (2), гор. 3, F4	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
2	Фофаново XIII	отщеп из раскопа, кв. 502/101, гор. 1	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
3	Фофаново XIII	отщеп из раскопа, кв. 503/103 (2), гор. 3	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
4	Фофаново XIII	отщеп из раскопа, кв. 501/101 (3), гор. 2	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
5	Фофаново VI	отщеп, сборы	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
6	Фофаново VI	отщеп, сборы	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
7	Шуя XXV	отщеп из раскопа, кв. 501/600	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
8	Шуя XXV	отщеп, сборы	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
9	Шуя XXI	отщеп из раскопа, кв. 502/601	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
10	Шуя XXI	отщеп из раскопа, кв. 502/601	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
11	Деревянное XVIII	отщеп, сборы	КарНЦ РАН	отходы	Онежское озеро (Онего)
12	Деревянное XVIII	отщеп, сборы	КарНЦ РАН	отходы	Онежское озеро (Онего)
13	Деревянное XVIII	отщеп, сборы	КарНЦ РАН	отходы	Онежское озеро (Онего)
14	Низовье I	отщеп из раскопа, кв. 202/500, гор. 1	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
15	Низовье I	отщеп из раскопа, кв. 201/500, гор. 1	КарНЦ РАН	отходы	Шуя
16	п-ов Красков Наволок, берег	валун		сырье, валун	Красков Наволок
17	каменоломня Маткачи	кусок скальной породы из осыпи у подножия		сырье, массив	Маткачи
18	каменоломня Маткачи	кусок скальной породы из осыпи у подножия		сырье, массив	Маткачи
19	каменоломня Маткачи	кусок скальной породы из осыпи у подножия		сырье, массив	Маткачи
20	п-ов Красков Наволок, берег	валун		сырье, валун	Красков Наволок
21	Войнаволок XXVII	заготовка, колл. № 2/764	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
22	Войнаволок XXVII	скол с орудия, колл. № 2/340	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
23	Войнаволок XXVII	тесло, колл. № 2/1434, ст. 3 лот. 3	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
24	Войнаволок XXVII	желобчатое тесло, 2/408, ст. 3 лот. 3	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
25	Первомайская I	отщеп, раскоп 1973 г.	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
26	Первомайская I	отщеп, сборы 1976 г.	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
27	Первомайская I	скол с орудия, раскоп 1973 г., колл. № 912/7	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
28	Войнаволок XXV	фрагментированное орудие, колл. № 7/345	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
29	Войнаволок XXV	скол с желобчатого тесла, колл. № 7/1514	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
30	Шёлтозеро IX	отщеп, раскоп 1972 г., колл. № 896	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
31	Золотец VI	фрагментированное орудие, раскоп 1970 г., сл. 1, колл. № 677/9	КарНЦ РАН	изделия	Белое море
32	Золотец VI	фрагментированное орудие, раскоп 1970 г., сл. 1, колл. № 677/42	КарНЦ РАН	изделия	Белое море
33	Тунгуда V	фрагментированное орудие, раскоп 1980 г., колл. № 2323/141	КарНЦ РАН	изделия	Белое море
34	Золотец XI	фрагментированное орудие, колл. № 97/753	КарНЦ РАН	изделия	Белое море
35	Сяпса II	фрагментированное орудие, колл. № 2900/1787	КарНЦ РАН	изделия	Сямозеро
36	Берёзово XVII	фрагментированное орудие, раскоп 1989 г., колл. № 2327/14	КарНЦ РАН	изделия	Белое море
37	Кочнаволок VI	заготовка, раскоп 1961 г., колл. № 176/2	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
38	Суна VI	заготовка, раскоп 1975 г., колл. № 113/379	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
39	Суна VI	тесло, раскоп 1975 г., колл. № 113/400	КарНЦ РАН	изделия	Онежское озеро (Онего)
40	Кудома XI	тесло, раскоп 1979 г., колл. № 1630/639	КарНЦ РАН	изделия	Сямозеро
41	Кудома XI	тесло, колл. № 1325/2429	КарНЦ РАН	изделия	Сямозеро
42	Кудома X	тесло, колл. № 220/216	КарНЦ РАН	изделия	Сямозеро

Окончание табл. 1

№	Памятник / место сбора	Описание образца	Место хранения	Категория образца	Географическая группа
43	Шуйские скалы	кусок скальной породы из массива		сырье, массив	Шуйские скалы
44	Tartu Jacobi	желобчатое тесло, погребение 52, колл. № ТМА 222:9	Музей г. Тарту	изделия	Эстония
45	Akali	тесло, колл. № AI 4013:737	Исторический институт Таллинского университета	изделия	Эстония
46	Kuninguste	фрагментированное орудие, колл. № AI 4560:137	Исторический институт Таллинского университета	изделия	Эстония
47	Шуйская Чупа, берег	валун		сырье, валун	Шуйская Чупа
48	Шуйская Чупа, берег	валун		сырье, валун	Шуйская Чупа
49	каменоломня Косалма XI (гора Сампо)	кусок скальной породы из осыпи у подножия		сырье, массив	гора Сампо
50	каменоломня Косалма XI (гора Сампо)	кусок скальной породы из массива		сырье, массив	гора Сампо
51	приход Sakkola, д. Kiviniemi (Люсево)	случайная находка, колл. № 2668:5	Национальный музей Финляндии	изделия	Приладожье
52	приход Impilahti, д. Rakali	случайная находка, колл. № 3115:7	Национальный музей Финляндии	изделия	Приладожье
53	приход Пиелисярви (Лиекса)	случайная находка, колл. №1887:4	Национальный музей Финляндии	изделия	Финляндия
54	приход Isalmi (Hernesaaari)	случайная находка, колл. № 7954:2	Национальный музей Финляндии	изделия	Финляндия

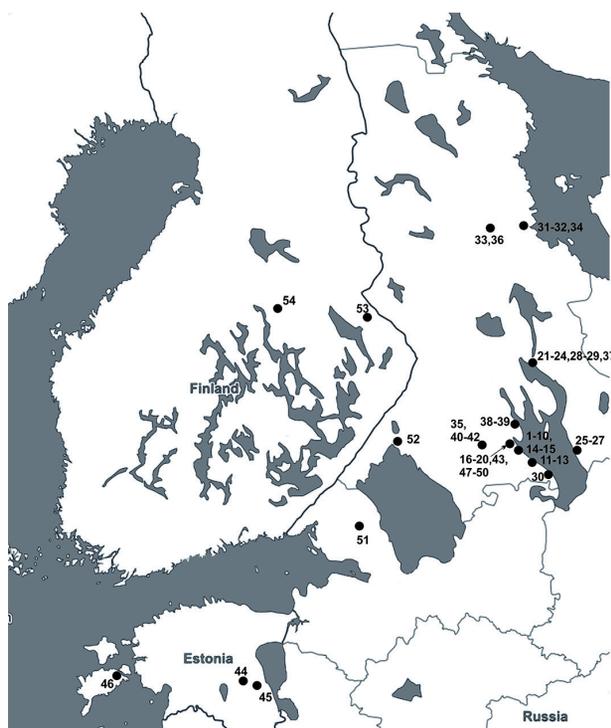

Рис. 1. Локализация мест происхождения образцов, привлеченных для геохимического анализа (номера на карте соответствуют номерам в таблице 1)

Figure 1. Location of the places of origin of the samples used for the geochemical investigation (numbers on the map correspond to Table 1)

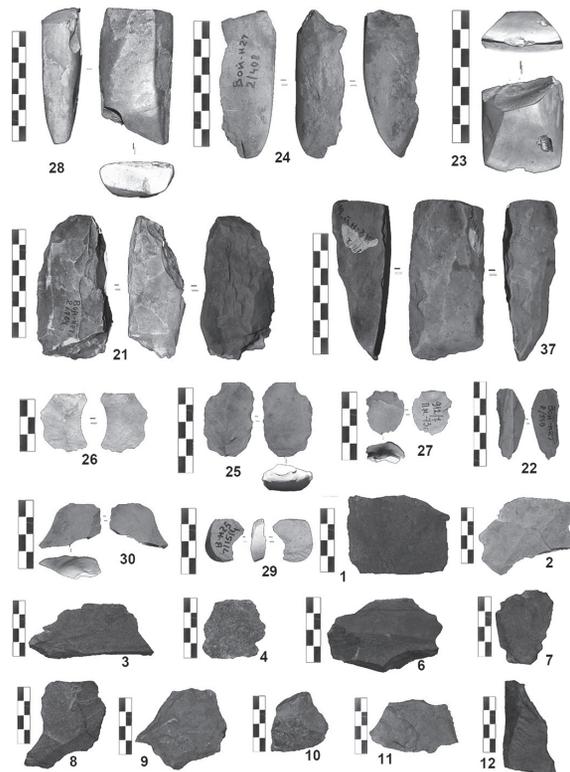

Рис. 2. Образцы из поселений и мастерских Карелии (номера соответствуют нумерации в таблице 1)

Figure 2. Samples from Karelian settlements and lithic workshops (numbers correspond to Table 1)

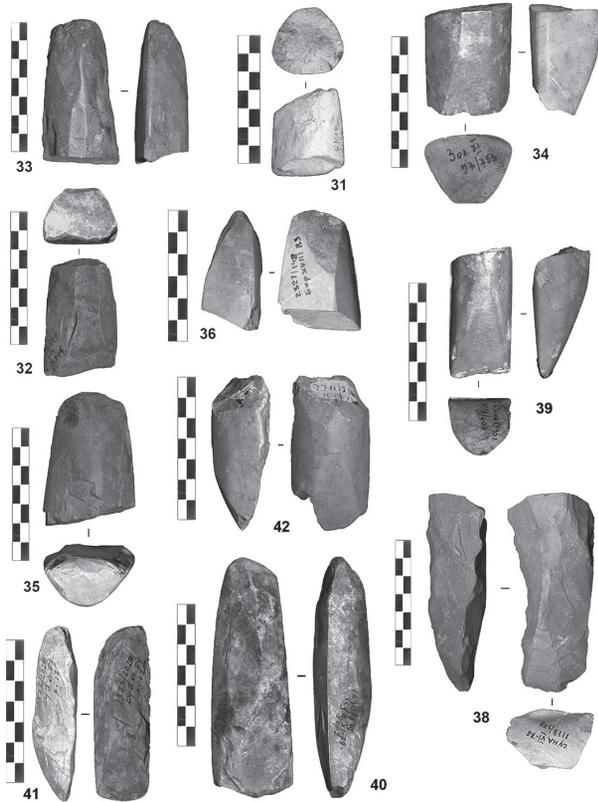

Рис. 3. Образцы из поселений Карелии (номера соответствуют нумерации в таблице 1)

Figure 3. Samples from Karelian settlements (numbers correspond to Table 1)

Геохимический анализ всех отобранных образцов выполнен на квадрупольном масс-спектрометре X Series 2 (Thermo Fisher Scientific) в аналитической лаборатории ИГ КарНЦ РАН. Методика пробоподготовки детально описана в отдельной статье [5]. В качестве контрольных образцов в лаборатории использовались российские и международные стандартные образцы горных пород СТ1, ВНВО2. Химические составы анализируемых образцов определялись по следующим элементам (г/т): 7Li, 9Be, 31P, 45Sc, 47Ti, 51V, 52Cr, 55Mn, 59Co, 60Ni, 65Cu, 66Zn, 69Ga, 85Rb, 88Sr, 89Y, 90Zr, 93Nb, 95Mo, 107Ag, 111Cd, 116Sn, 121Sb, 125Te, 133Cs, 138Ba, 139La, 140Ce, 141Pr, 142Nd, 147Sm, 151Eu, 157Gd, 159Tb, 161Dy, 165Ho, 166Er, 169Tm, 172Yb, 175Lu, 178Hf, 181Ta, 182W, 203Tl, 206Pb, 209Bi, 232Th, 238U (табл. 2).

Первоначальное сопоставление проанализированных проб проводилось на основе выделения общих топологических групп (трендов) в распределении редких и редкоземельных элементов, нормированных по примитивной мантии [12], с применением спайдер-диаграммы (рис. 5).

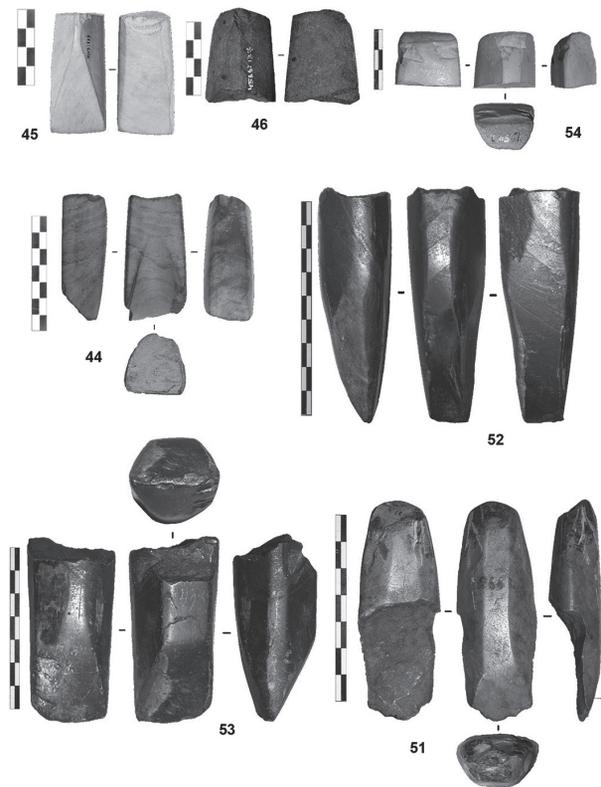

Рис. 4. Образцы из поселений и случайные находки из Приладожья, Финляндии и Эстонии (номера соответствуют нумерации в таблице 1)

Figure 4. Samples from settlements and stray finds from the Ladoga Lake area, Finland, and Estonia (numbers correspond to Table 1)

Элементы, по которым обнаруживалось наибольшее расхождение либо совпадение трендов, использованы для составления бинарных вариационных диаграмм, позволяющих нагляднее представить степень сходства либо различия отдельных образцов (рис. 6).

Для построения бинарных диаграмм образцы были сгруппированы по категориям и географическим группам (см. табл. 1), которым назначались маркеры разных форм и оттенков. Используются три основные категории: сырье – куски горной породы из каменоломен и предполагаемых мест забора сырья в древности; отходы – отщепы из мастерских; изделия. Среди «сырья» отдельно выделялись образцы из массива породы и валуны. Отметим, что использование валунного материала для прецизионного анализа не вполне корректно с геологической точки зрения, однако оправдано с точки зрения археологической, поскольку валунное сырье также использовалось при изготовлении орудий, соответственно, химическая композиция валунных россыпей должна быть установ-

Таблица 2. Химический состав проанализированных образцов (номера соответствуют нумерации в таблице 1)
Table 2. Chemical composition of the analyzed samples (numbers correspond to Table 1)

№	7Li	9Be	31P	45Sc	47Ti	51V	52Cr	55Mn	59Co	60Ni	65Cu	66Zn	69Ga	85Rb	88Sr	89Y	90Zr	93Nb	95Mo	107Ag	111Cd	116Sn	121Sb	125Te
1	21,53	0,96	682,80	12,53	9682,00	143,70	164,10	818,50	33,51	152,70	36,73	87,05	10,77	17,24	120,50	13,90	161,20	14,71	0,13	0,13	0,19	1,30	0,21	2,01
2	11,32	0,83	873,80	12,64	10330,00	164,70	270,50	945,20	30,51	151,90	148,20	70,83	9,77	16,43	111,10	15,40	143,50	13,86	0,73	0,24	0,19	1,20	0,18	2,12
3	12,29	<PO	661,60	7,92	4974,00	123,90	374,20	1039,00	28,91	191,40	136,70	59,28	8,14	107,10	207,10	9,11	93,03	8,93	1,94	0,08	0,06	1,10	0,10	1,03
4	16,88	<PO	<PO	<PO	4939,00	66,48	226,10	910,90	23,15	77,68	108,80	58,88	<PO	58,16	134,70	8,34	78,88	8,05	0,25	0,09	0,05	0,79	0,07	0,98
5	33,84	1,05	817,00	30,61	13160,00	248,00	132,70	1282,00	39,69	103,80	160,30	108,60	17,85	17,72	363,60	17,95	157,30	15,84	1,06	0,22	0,38	1,42	0,23	<PO
6	23,22	0,93	1043,00	31,41	12860,00	222,10	291,60	884,20	40,01	162,30	76,60	108,80	18,46	15,00	130,50	17,51	195,30	18,54	0,29	0,37	0,41	1,76	0,28	2,65
7	24,45	1,13	1023,00	27,30	12920,00	269,00	145,10	1334,00	40,35	112,50	177,90	105,00	18,09	35,56	399,30	18,12	155,80	15,78	1,60	0,33	0,44	1,58	0,19	2,12
8	22,42	0,85	799,60	28,21	12550,00	249,00	164,00	1425,00	39,03	119,60	177,80	99,85	18,51	26,47	576,30	17,49	152,10	15,59	1,45	0,39	0,42	1,59	0,14	2,35
9	21,32	1,10	789,40	28,01	12520,00	237,50	138,20	1350,00	38,23	105,10	159,10	108,60	17,07	38,99	357,90	17,34	154,60	15,47	1,07	0,24	0,42	1,46	0,22	2,07
10	19,46	1,05	883,00	28,24	12470,00	238,10	166,50	1176,00	38,13	121,00	175,80	98,04	16,14	27,36	371,00	17,18	153,00	15,45	1,29	0,22	0,42	1,59	0,13	1,98
11	23,77	1,08	1042,00	32,37	12560,00	249,30	143,10	1536,00	40,55	112,20	177,20	117,20	18,17	42,68	623,00	17,59	153,00	16,37	1,98	0,65	0,38	1,51	0,72	1,98
12	23,14	1,32	760,50	26,88	12540,00	227,20	129,90	1280,00	40,27	104,80	216,80	103,50	17,22	32,32	363,00	17,43	154,20	15,54	1,41	0,24	0,38	1,48	0,19	1,82
13	24,59	1,00	578,50	30,08	12480,00	240,20	134,00	1494,00	39,34	106,90	172,70	111,90	17,13	43,80	544,00	17,16	150,60	15,13	1,03	0,22	0,36	1,51	0,17	1,70
14	24,97	1,19	1146,00	31,70	13110,00	250,00	122,70	1309,00	41,25	103,10	64,80	115,60	17,93	45,70	456,80	18,17	158,30	16,18	0,65	0,32	0,30	1,54	0,13	2,25
15	17,58	0,90	740,50	21,15	9298,00	154,60	185,70	859,60	36,15	182,60	69,90	85,10	10,34	22,16	117,40	13,68	146,30	13,72	0,49	0,29	0,28	1,24	0,23	1,44
16	36,75	0,42	410,80	19,92	6683,00	123,30	219,20	611,10	19,36	113,00	119,60	66,20	9,97	42,24	109,80	10,01	116,00	11,12	1,19	0,22	<PO	1,32	0,12	1,18
17	37,22	0,78	672,00	32,36	10420,00	230,40	356,40	1317,00	47,76	129,10	90,67	98,39	15,44	34,75	373,10	13,14	95,26	9,71	0,52	0,23	0,19	1,11	0,08	1,25
18	19,27	0,78	777,20	31,67	9049,00	199,80	344,20	1191,00	41,77	117,20	117,70	86,26	14,51	32,96	494,90	12,28	89,06	9,22	0,95	0,21	0,15	0,96	0,15	1,11
19	31,71	0,45	693,50	34,69	10010,00	205,60	237,50	1338,00	46,01	108,80	118,40	93,57	15,95	20,51	455,00	13,10	93,30	9,54	0,45	0,12	0,13	0,93	0,13	1,27
20	23,10	1,20	733,30	23,63	11310,00	214,00	166,50	1309,00	38,04	93,79	114,40	91,49	16,31	22,66	462,20	16,29	149,80	13,95	0,87	0,28	0,30	1,34	0,24	1,86
21	7,86	0,42	371,60	15,56	5952,00	123,70	27,62	538,60	15,08	42,80	13,96	43,21	10,92	108,50	147,40	11,15	217,00	12,49	0,23	<PO	0,17	1,27	0,08	<PO
22	2,13	2,21	201,40	30,22	10510,00	168,30	282,30	55,80	3,03	14,21	11,60	14,38	7,89	56,65	104,30	8,66	831,80	16,92	0,39	0,12	0,44	1,55	0,06	0,08
23	3,61	0,64	524,90	15,44	5605,00	132,60	64,15	804,80	24,21	96,40	11,57	50,59	4,81	19,92	134,30	10,42	363,50	10,31	0,15	0,15	0,26	1,10	0,08	<PO
24	18,00	0,55	699,90	21,65	9082,00	173,80	60,52	553,10	26,41	73,37	34,09	60,88	19,03	1,32	42,06	19,31	370,80	20,40	0,68	0,00	0,26	1,71	0,07	0,17
25	6,37	0,52	545,70	16,50	7520,00	157,90	77,15	846,20	22,97	82,95	34,70	60,68	7,64	56,14	113,40	9,50	198,00	13,07	0,11	0,11	0,20	1,33	0,06	0,06
26	2,83	0,37	478,70	13,90	4938,00	126,80	61,93	606,50	22,25	99,20	25,27	52,42	4,43	63,42	98,94	9,02	239,30	9,12	0,14	0,31	0,17	0,99	0,05	<PO
27	9,35	0,57	715,50	15,06	8858,00	140,40	44,37	879,00	22,55	48,12	8,73	80,96	5,47	54,52	104,60	10,84	190,70	11,58	0,12	<PO	0,14	1,19	0,05	0,13
28	27,49	0,78	764,40	22,96	8919,00	202,80	134,40	724,50	31,78	104,00	35,25	93,96	16,07	21,12	133,00	17,69	239,60	16,83	0,14	0,09	0,20	1,50	0,05	<PO
29	31,37	0,94	737,00	24,40	9164,00	223,30	298,20	887,00	36,18	176,80	36,31	90,13	14,74	10,85	102,80	16,64	183,10	15,91	0,14	<PO	0,14	1,47	0,07	<PO
30	7,94	0,36	245,70	13,32	5668,00	124,80	31,02	615,30	19,85	80,23	9,59	59,63	6,55	43,19	123,00	8,57	183,60	11,19	0,07	0,02	0,15	1,11	0,04	<PO
31	31,01	0,39	1037,00	19,01	7310,00	187,70	194,40	792,50	34,68	163,20	193,10	119,70	11,93	78,88	123,30	13,39	265,00	12,47	0,25	0,29	0,22	1,11	0,06	0,17
32	6,98	0,52	1366,00	30,74	7133,00	244,70	143,00	929,60	38,34	89,84	28,19	64,59	16,52	13,84	326,50	9,63	310,00	9,86	0,29	0,20	0,28	1,02	0,05	<PO
33	18,96	0,79	620,10	19,70	8155,00	186,70	82,18	685,80	28,70	74,16	19,65	76,28	12,56	14,23	115,60	12,95	369,00	15,20	0,15	0,14	0,24	1,34	0,06	<PO
34	8,40	0,48	438,60	18,09	8984,00	186,20	132,70	526,00	21,45	84,83	36,82	52,81	11,55	21,00	95,57	11,25	272,70	15,19	0,14	0,18	0,20	1,37	0,06	<PO
35	19,66	0,51	607,80	20,10	7720,00	208,60	271,80	621,90	29,71	181,30	60,42	63,90	9,93	19,21	135,60	14,10	234,20	13,42	0,16	<PO	0,17	1,29	0,05	0,15
36	16,79	0,90	813,00	25,44	9670,00	258,30	45,25	949,80	31,36	31,39	20,50	82,89	19,24	24,16	436,00	18,33	393,90	15,67	0,68	0,17	0,33	1,54	0,05	0,15
37	16,79	0,86	584,70	25,26	10980,00	283,60	98,95	927,20	31,41	83,03	72,71	84,12	19,80	28,95	307,80	16,22	497,10	17,00	0,72	0,44	0,44	1,65	0,05	<PO

Продолжение табл. 2

№	7Li	9Be	31P	45Sc	47Ti	51V	52Cr	55Mn	59Co	60Ni	65Cu	66Zn	69Ga	85Rb	88Sr	89Y	90Zr	93Nb	95Mo	107Ag	111Cd	116Sn	121Sb	125Te
38	32,67	1,02	679,10	25,32	10240,00	273,90	99,35	1033,00	35,52	89,05	146,00	94,07	18,08	27,26	293,70	17,03	421,00	15,33	0,73	0,67	0,35	1,51	0,07	<PO
39	34,01	0,28	528,60	18,70	7451,00	157,50	215,10	526,50	27,90	150,30	44,50	67,59	10,24	34,98	11,44	561,70	12,43	0,58	1,36	0,37	1,17	1,17	0,05	<PO
40	10,50	0,95	1040,00	21,22	8690,00	203,20	189,60	736,90	33,85	162,90	30,45	77,43	14,97	15,83	71,58	14,14	427,50	15,21	0,22	0,61	0,32	1,52	0,05	0,23
41	18,05	0,81	1137,00	22,95	9613,00	229,40	249,80	671,30	35,17	172,10	59,31	101,40	18,74	30,11	146,70	18,48	349,80	17,60	0,24	<PO	0,28	1,56	0,06	<PO
42	9,22	0,68	496,90	30,90	6502,00	249,80	138,60	1055,00	44,09	99,50	92,77	134,70	14,63	11,85	399,30	10,61	260,20	9,07	0,64	0,91	0,26	0,96	0,16	<PO
43	17,49	0,77	698,50	29,61	9913,00	289,60	194,10	1223,00	40,40	118,60	98,52	89,88	15,29	17,38	460,80	17,57	207,30	14,75	0,44	<PO	0,23	1,47	0,08	<PO
44	5,79	0,86	513,00	22,03	4159,00	157,00	64,54	945,80	29,35	205,20	23,78	50,88	3,26	18,28	74,32	9,69	83,54	8,23	0,29	0,22	0,12	1,56	0,16	0,18
45	6,30	0,86	835,00	16,66	3359,00	111,30	53,04	1088,00	29,66	174,90	8,05	55,37	3,38	23,65	87,43	8,80	82,80	7,22	0,22	<PO	0,16	1,19	0,15	0,13
46	4,76	1,50	2750,00	31,40	16870,00	283,70	36,88	2207,00	40,23	44,54	29,24	174,20	16,57	14,08	291,20	33,16	229,00	10,38	0,86	0,11	0,44	1,95	0,07	<PO
47	25,57	0,83	634,00	32,27	12340,00	360,10	22,34	1664,00	47,77	42,13	146,80	134,10	16,50	9,12	179,80	21,91	128,50	10,63	0,26	0,12	0,22	1,56	0,11	0,15
48	36,64	1,40	836,00	33,25	13710,00	253,00	554,50	1042,00	47,56	276,00	38,03	95,79	26,33	35,11	618,90	19,17	187,30	22,97	0,29	<PO	0,26	1,88	0,25	<PO
49	19,97	0,82	711,70	26,79	9360,00	226,10	151,20	1280,00	37,34	58,52	60,98	80,36	14,21	19,41	354,30	17,14	275,00	11,07	0,19	0,04	0,30	0,37	0,04	<PO
50	8,72	<PO	396,60	11,12	3351,00	67,93	92,83	515,90	15,64	59,08	7,76	45,73	10,43	4,00	20,60	8,96	63,88	5,88	0,34	<PO	0,08	0,26	0,05	<PO
51	6,29	0,71	562,40	11,03	4928,00	110,80	133,30	781,80	218,30	144,80	19,68	106,40	5,50	28,13	103,00	8,15	95,97	9,06	126,90	0,11	0,39	1,06	<PO	0,07
52	20,86	0,74	771,10	26,91	12510,00	243,90	344,60	767,00	78,64	142,00	80,90	122,70	14,88	16,23	94,33	17,90	170,00	18,44	31,93	0,11	0,29	0,56	1,60	0,23
53	22,87	0,71	866,70	25,51	10930,00	200,10	253,70	766,10	145,60	126,20	28,53	101,30	14,93	22,96	165,50	16,12	167,90	16,97	79,02	0,18	0,30	0,65	3,07	0,23
54	6,15	0,42	831,40	17,60	7059,00	149,20	117,20	824,20	106,90	58,88	89,70	68,96	7,65	80,65	134,00	13,11	145,40	11,93	60,14	0,42	0,36	0,51	0,27	<PO

№	133Cs	138Ba	139La	140Ce	141Pr	142Nd	147Sm	151Eu	157Gd	159Tb	161Dy	165Ho	166Er	169Tm	172Yb	175Lu	178Hf	181Ta	182W	203Tl	206Pb	209Bi	232Th	238U
1	<PO	297,80	13,20	27,85	4,32	18,43	4,30	1,18	3,95	0,55	3,19	0,57	1,55	0,23	1,56	0,20	4,31	0,91	0,30	0,05	1,50	<PO	2,54	0,45
2	<PO	157,50	13,90	29,22	4,70	19,80	4,61	1,39	4,60	0,61	3,58	0,62	1,69	0,26	1,66	0,23	3,86	0,79	0,35	0,11	1,86	<PO	2,23	0,42
3	<PO	2247,00	7,81	18,58	2,86	8,86	3,30	1,31	3,10	0,39	2,17	0,38	1,01	0,15	1,02	0,15	2,60	0,55	0,73	0,39	2,26	<PO	1,72	0,27
4	<PO	2178,00	5,34	13,03	1,99	6,57	2,78	1,11	2,61	0,32	2,13	0,36	0,92	0,14	0,91	0,13	2,20	0,47	0,13	0,24	1,49	<PO	1,32	0,21
5	0,23	141,10	15,82	32,94	4,95	22,21	5,17	1,76	5,27	0,71	4,29	0,72	1,96	0,30	1,92	0,25	4,27	0,94	0,30	0,13	4,54	0,02	2,84	0,76
6	0,17	241,30	11,38	27,50	4,24	18,63	4,39	1,67	4,62	0,68	4,00	0,71	1,92	0,29	1,94	0,26	4,91	1,05	0,32	0,08	3,82	0,02	3,09	0,55
7	0,30	329,00	14,36	31,36	4,89	22,12	5,15	1,59	5,04	0,71	4,16	0,73	1,95	0,29	1,88	0,26	4,17	0,94	0,47	0,24	4,25	0,03	2,85	0,75
8	0,27	234,80	15,43	32,41	4,93	23,14	5,15	1,74	5,30	0,70	4,11	0,73	1,94	0,29	1,87	0,27	4,07	0,95	0,40	0,18	5,10	0,03	2,81	0,72
9	0,67	175,90	16,19	32,90	4,93	22,50	4,56	1,75	5,36	0,71	4,30	0,72	1,91	0,29	1,90	0,26	4,27	0,93	0,35	0,27	3,80	0,03	2,86	0,76
10	0,52	240,40	16,05	32,50	4,67	22,63	4,92	1,79	5,19	0,69	4,07	0,71	1,88	0,28	1,84	0,25	4,04	0,92	0,38	0,18	4,89	0,03	2,82	0,73
11	0,72	319,30	15,00	32,75	4,75	21,26	5,10	1,78	5,44	0,70	4,36	0,71	1,92	0,29	1,88	0,26	4,34	1,56	0,94	0,29	5,21	0,09	2,86	0,75
12	0,45	224,90	15,27	32,85	5,27	22,26	5,24	1,79	5,08	0,71	3,98	0,71	1,95	0,28	1,88	0,27	4,35	1,14	0,53	0,52	4,96	0,04	2,88	0,81
13	0,40	333,90	14,91	31,66	4,71	21,88	4,78	1,51	5,14	0,69	4,15	0,70	1,92	0,27	1,92	0,24	4,10	1,04	0,45	0,27	5,18	0,05	2,78	0,74
14	0,33	430,30	16,41	33,98	5,33	22,59	5,36	1,73	5,50	0,73	4,52	0,77	2,00	0,29	1,97	0,26	4,23	1,03	0,36	0,28	3,64	0,04	2,92	0,80
15	0,18	199,30	9,79	23,83	3,58	15,39	3,65	1,20	3,97	0,54	3,26	0,57	1,47	0,22	1,49	0,20	3,70	0,82	0,37	0,11	1,90	0,03	2,15	0,43
16	0,44	507,50	7,42	17,04	2,50	10,84	2,87	0,88	2,73	0,38	2,31	0,39	1,07	0,17	1,08	0,14	3,05	0,62	0,43	0,35	5,36	0,03	1,78	0,42
17	0,90	320,00	7,33	18,18	2,99	13,73	3,77	1,20	3,51	0,53	3,25	0,55	1,48	0,22	1,41	0,19	2,62	0,62	0,21	0,27	2,47	0,02	0,95	0,25
18	2,03	325,00	8,56	18,82	3,14	13,55	3,37	1,39	3,54	0,49	3,04	0,52	1,34	0,20	1,34	0,17	2,56	0,59	0,24	0,28	4,32	0,02	0,93	0,28

Окончание табл. 2

№	¹³³ Cs	¹³⁸ Ba	¹³⁹ La	¹⁴⁰ Ce	¹⁴¹ Pr	¹⁴² Nd	¹⁴⁷ Sm	¹⁵¹ Eu	¹⁵⁷ Gd	¹⁵⁹ Tb	¹⁶¹ Dy	¹⁶⁵ Ho	¹⁶⁶ Er	¹⁶⁹ Tm	¹⁷² Yb	¹⁷⁵ Lu	¹⁷⁸ Hf	¹⁸¹ Ta	¹⁸² W	²⁰³ Tl	²⁰⁶ Pb	²⁰⁹ Bi	²³² Th	²³⁸ U
19	0,85	323,40	9,01	19,75	3,22	14,28	3,59	1,28	3,70	0,52	3,22	0,54	1,45	0,22	1,39	0,19	2,63	0,60	0,19	0,19	2,92	0,02	0,97	0,26
20	0,53	358,70	16,54	33,02	5,04	20,79	4,92	1,57	4,59	0,66	3,79	0,65	1,81	0,26	1,73	0,24	4,06	0,84	0,28	0,17	4,86	0,04	4,22	1,20
21	0,44	971,10	10,20	21,81	2,33	9,30	2,53	1,12	2,79	0,41	2,47	0,46	1,88	0,18	1,20	0,17	5,08	1,48	0,35	1,23	2,92	0,05	2,33	0,49
22	0,49	675,40	6,03	17,11	2,34	9,13	2,24	0,95	2,20	0,34	2,00	0,39	1,45	0,13	0,92	0,13	16,84	1,26	0,42	0,48	5,05	0,05	2,90	1,29
23	0,14	314,60	8,17	20,87	2,52	11,31	3,00	0,85	3,04	0,41	2,33	0,41	1,60	0,17	1,00	0,15	7,79	0,93	0,24	0,33	1,77	0,05	2,04	0,48
24	0,06	27,47	13,56	33,08	3,86	16,69	4,29	1,87	4,67	0,69	4,09	0,81	2,55	0,32	2,09	0,30	8,25	1,47	0,61	0,12	7,71	0,34	3,95	0,75
25	0,19	671,40	9,72	20,01	2,51	9,79	2,46	1,11	2,36	0,36	2,11	0,42	1,40	0,15	1,03	0,14	4,73	1,01	0,24	0,63	5,71	0,05	2,00	0,45
26	0,32	552,40	11,71	22,88	2,73	11,07	2,55	1,00	2,54	0,35	2,09	0,39	1,27	0,14	0,90	0,12	5,49	0,74	0,19	0,86	2,70	0,03	1,93	0,41
27	0,22	559,60	9,06	23,93	2,95	12,39	3,06	1,12	3,18	0,43	2,49	0,50	1,50	0,17	1,09	0,15	4,65	1,02	0,29	0,61	2,00	0,03	2,17	0,39
28	0,12	247,90	17,67	36,84	4,32	17,49	4,17	1,69	4,40	0,69	3,72	0,77	2,36	0,27	1,80	0,26	5,78	1,50	0,27	0,22	1,79	0,03	3,38	0,56
29	0,14	123,50	17,11	38,98	4,85	20,18	4,42	1,31	4,45	0,66	3,58	0,71	2,16	0,24	1,61	0,24	4,54	1,46	0,33	0,23	2,45	0,03	2,73	0,57
30	0,18	480,40	5,74	13,55	1,55	6,69	1,94	0,93	2,29	0,33	2,01	0,36	1,22	0,16	0,92	0,14	4,48	0,95	0,22	0,57	2,12	0,02	1,76	0,32
31	0,37	1074,00	10,73	26,50	3,22	13,29	3,73	1,11	3,69	0,55	3,23	0,59	1,85	0,21	1,39	0,20	6,23	1,11	0,28	1,74	3,84	0,04	2,14	0,39
32	0,37	141,70	6,72	15,65	2,06	9,23	2,22	0,89	2,39	0,41	2,25	0,43	1,45	0,15	1,01	0,14	6,95	0,95	0,19	0,28	3,58	0,03	1,06	0,26
33	0,08	198,90	18,24	43,07	5,38	21,58	4,01	1,12	3,84	0,56	3,15	0,57	1,86	0,20	1,36	0,18	8,28	1,32	0,22	0,16	2,13	0,04	2,61	0,45
34	0,15	203,30	7,49	19,18	2,27	9,51	2,53	0,97	2,82	0,46	2,74	0,54	1,59	0,21	1,27	0,16	6,33	1,23	0,22	0,32	2,83	0,02	2,17	0,54
35	0,27	202,00	8,86	24,61	3,07	13,38	3,39	1,15	3,71	0,57	3,17	0,62	1,91	0,23	1,43	0,21	5,52	1,20	0,22	0,34	2,30	0,03	2,22	0,47
36	0,21	425,90	20,96	43,32	5,08	20,87	4,49	1,59	4,72	0,69	4,00	0,78	2,33	0,29	1,90	0,28	8,76	1,36	0,40	0,27	4,09	0,05	2,23	0,47
37	0,46	253,20	14,69	33,42	4,14	17,43	4,07	1,55	4,09	0,64	3,46	0,71	2,00	0,25	1,64	0,25	10,77	1,49	0,26	0,44	8,46	0,04	3,13	0,86
38	0,36	245,40	15,82	37,18	4,73	19,85	4,51	1,46	4,62	0,69	3,86	0,76	2,16	0,28	1,70	0,24	9,32	1,38	0,68	0,80	4,48	0,05	2,97	0,84
39	0,04	50,18	6,48	18,68	2,47	10,87	3,05	1,02	3,28	0,50	2,77	0,51	1,53	0,17	1,17	0,17	11,86	1,09	0,26	0,21	2,10	0,04	1,85	0,55
40	0,13	190,70	13,99	31,04	3,83	15,95	3,57	1,34	3,63	0,58	3,08	0,62	1,86	0,25	1,59	0,22	9,39	1,34	0,25	0,28	2,61	0,04	2,50	0,53
41	0,30	193,40	19,49	43,36	5,36	21,78	4,84	1,70	4,83	0,72	3,92	0,74	2,16	0,26	1,75	0,23	7,86	1,56	0,36	0,37	3,45	0,03	3,56	0,78
42	0,27	95,97	8,22	18,61	2,44	10,78	2,61	0,96	2,95	0,39	2,44	0,44	1,32	0,16	0,97	0,16	5,59	1,57	0,44	0,26	2,25	0,06	0,97	0,25
43	0,55	99,56	12,71	32,06	4,21	18,48	4,30	1,28	4,71	0,71	3,89	0,76	2,07	0,26	1,66	0,24	5,14	1,43	0,33	0,23	3,73	0,08	2,89	0,83
44	0,17	168,10	13,97	25,75	2,96	11,63	2,95	0,78	2,55	0,41	2,10	0,40	1,08	0,15	0,92	0,14	2,31	0,49	0,28	0,14	9,11	0,06	1,64	0,45
45	0,20	383,00	8,92	20,98	2,59	10,73	2,72	0,73	2,24	0,34	1,78	0,36	0,93	0,13	0,86	0,12	2,22	0,43	0,20	0,18	1,84	0,10	1,63	0,48
46	0,12	634,80	29,27	65,12	8,44	36,03	8,70	2,47	8,11	1,17	6,63	1,30	3,78	0,53	3,46	0,52	5,55	0,58	0,38	0,08	8,68	0,04	1,91	0,58
47	0,43	53,76	12,39	31,11	4,26	18,84	5,35	1,46	5,34	0,81	4,68	0,87	2,40	0,34	2,06	0,30	3,45	0,68	0,37	0,07	5,07	0,05	2,52	0,80
48	0,22	591,10	21,11	46,08	5,63	23,03	6,17	2,09	5,13	0,79	4,27	0,79	2,15	0,30	1,94	0,28	4,62	1,30	0,54	0,19	3,42	0,05	2,64	0,42
49	0,36	370,40	10,82	23,25	3,74	17,63	4,24	1,23	4,31	0,68	3,80	0,74	2,05	0,28	1,82	0,27	5,73	0,62	0,06	0,14	2,92	0,05	0,94	0,26
50	0,16	48,70	15,86	24,19	3,55	15,14	2,69	0,81	2,40	0,36	1,95	0,38	1,03	0,14	0,86	0,13	1,48	0,31	0,07	0,06	1,60	0,07	1,32	0,29
51	0,23	765,10	14,48	18,98	3,25	12,96	2,46	0,87	2,24	0,33	1,82	0,34	0,94	0,13	0,83	0,12	2,38	0,50	6,61	0,26	22,43	0,09	1,87	0,49
52	0,38	184,70	15,68	27,86	4,18	18,79	4,57	1,56	4,52	0,69	3,94	0,75	2,07	0,29	1,83	0,27	3,94	0,92	1,52	0,14	6,35	0,10	2,78	0,55
53	0,22	710,30	14,42	28,40	4,36	18,73	4,19	1,42	4,05	0,63	3,58	0,69	1,88	0,26	1,67	0,24	3,77	0,87	3,62	0,14	13,98	0,09	2,89	0,62
54	0,47	862,10	11,57	23,67	3,48	16,04	3,87	1,48	3,51	0,52	2,85	0,56	1,52	0,21	1,33	0,21	2,98	0,47	2,66	0,70	23,60	0,45	2,60	0,70

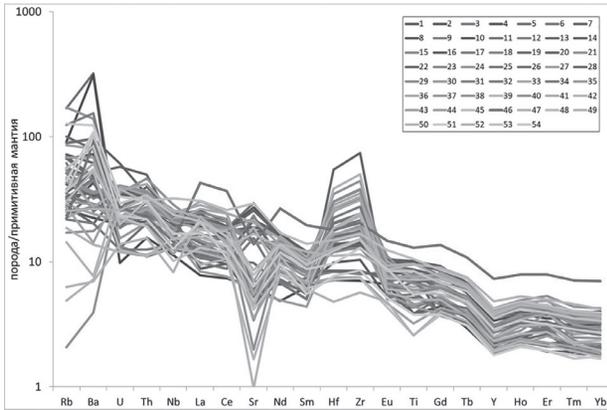

Рис. 5. Спайдер-диаграмма распределения химических элементов в проанализированных образцах, нормализованная по примитивной мантии [12] (номера соответствуют нумерации в таблице 1)

Figure 5. Primitive mantle-normalized spider diagram of chemical elements distribution in the analyzed samples [12] (numbers correspond to Table 1)

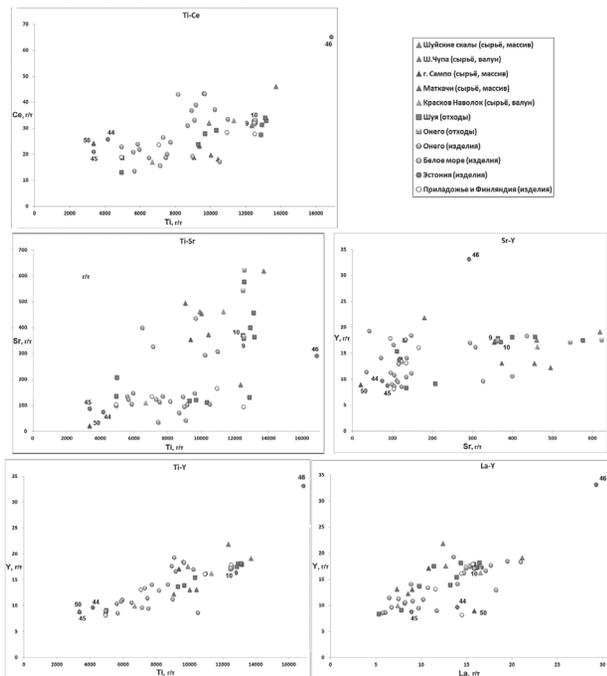

Рис. 6. Диаграммы Ti-Ce, Ti-Sr, Sr-Y, Ti-Y, La-Y, (г/т) распределения химических элементов в проанализированных образцах (номера соответствуют нумерации в таблице 1)

Figure 6. Ti-Ce, Ti-Sr, Sr-Y, Ti-Y, La-Y, (g/t) diagrams of chemical elements distribution in the analyzed samples (numbers correspond to Table 1)

лена. В «изделия», наоборот, объединены наряду с собственно орудиями также заготовки (поздних стадий обработки) и отщепы, происходящие из поселений. Это сделано в первую очередь для более компактного отображения данных. Однако такой подход представляется полностью

корректным. Заготовки поздних стадий, вынесенные за пределы производственного центра, также могут рассматриваться как продукция мастерских («полуфабрикаты»), важно подтвердить их связь с производственным центром западного побережья Онежского озера. Отщепы, найденные на поселениях, теоретически могли быть получены при завершении обработки заготовок поздних стадий подобно тому, как это имело место на мастерской Деревянное XVIII. Тем не менее, поскольку наличие мастерских не было отмечено при раскопках и данные отщепы не образуют значительных серий, более вероятно, что они получены в ходе ремонта и переоформления сложенных орудий.

Помимо больших географических групп, объединяющих предметы с побережья крупных водоемов (Онежское и Ладожское озера, Белое море, оз. Сямозеро) или стран (Финляндия, Эстония), в качестве отдельных географических групп учтены каменоломни и места сбора сырья и предметы (исключительно «отходы») из низовья р. Шуи. Сделано это для того, чтобы наглядно сопоставить изделия из разных регионов с источниками сырья и мастерскими. Предметы из Приладожья и Финляндии, ввиду их немногочисленности и смежного географического расположения, на графиках отображены в виде единой группы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

На спайдер-диаграмме (см. рис. 5) достаточно отчетливо выделяются два основных тренда, которые сильнее всего различаются по содержанию Sr и La, в меньшей степени – Ti и почти совпадают по содержанию Y и Ce. На бинарных диаграммах они прослеживаются также в более или менее выраженной степени (см. рис. 6). Наряду с ними можно выделить более узкие скопления. При этом важно, что по всему графику (в пределах скоплений) рассеяны образцы всех категорий, то есть те или иные примеры сырья из привлеченных месторождений западного побережья Онежского озера находят достаточно близкие аналоги среди отходов из мастерских – как низовья р. Шуи, так и более удаленной части онежского побережья (мастерская Деревянное XVIII), а те и другие вместе – среди изделий из различных регионов.

Таким образом, в целом результаты проведенного анализа подтверждают наблюдения Э. Мякинена, сделанные в начале XX века, о том, что территорией происхождения материала для изготовления орудий русско-карельского типа, в том числе найденных на значитель-

ном расстоянии от Онежского озера, являются скальные массивы вулканического происхождения с западного онежского побережья. Зафиксированная вариативность в распределении элементов связана с природными особенностями конкретных проявлений вулканических (метатуповых) пород внутри этого общего скального массива.

Единственным исключением является мелкий обушный фрагмент орудия (образец № 46) из поселения Кунигусте (остров Сааремаа, Эстония), который во всех случаях демонстрирует значительное отличие геохимического состава, отбиваясь от основных групп маркеров на приведенных диаграммах (см. рис. 6). Данный предмет (см. рис. 4: 46) морфологически соответствует русско-карельскому типу, поскольку имеет трапециевидное поперечное сечение. Однако уже при включении в общую выборку мы обратили внимание на то, что его материал отличается от характерных для русско-карельских изделий метатупов. Различие касается, во-первых, цвета: материал имеет коричневый цвет вместо зеленоватых и сероватых оттенков; во-вторых, твердости: порода мягкая (царапается медью), что также малохарактерно для изделий рассматриваемого типа. В этой связи не исключено, что его атрибуция в качестве вещи, относящейся к рассматриваемой традиции, все-таки ошибочна, а морфологическое сходство (зафиксированное только на небольшом фрагменте) случайно. Вместе с тем, согласно заключению Ю. Кирса, проанализировавшего породу находок русско-карельского типа с территории Эстонии, материал данного предмета также может рассматриваться как метатуп [7].

Помимо общего вывода о происхождении сырья для изготовления орудий русско-карельского типа из скальных массивов вблизи западного онежского побережья, анализ диаграмм позволяет сделать также некоторые более частные наблюдения. Несмотря на изолированное положение маркера образца из поселения Кунигусте, два других эстонских образца – орудия из поселения каменного века Акали и могильника Нового времени Тарту Якоби также заслуживают отдельного упоминания (см. рис. 4: 44–45). Почти на всех диаграммах (см. рис. 6) их маркеры располагаются очень близко к маркеру образца по-

роды из каменоломни на горе Сампо, взятому непосредственно из скального массива, что, по всей видимости, позволяет говорить о происхождении сырья конкретно из данной каменоломни. При этом необходимо оговориться, что маркер второго образца породы из этой каменоломни, взятый из осыпи и вблизи другого участка скалы, располагается на значительном расстоянии как от маркеров упомянутых эстонских образцов, так и от другого образца из этой же локации. Как представляется, это следует связывать в первую очередь с неоднородностью геологической структуры самой скалы, в которой имеются различные прослойки.

Проанализированные образцы из мастерской Деревянное XVIII, располагающейся на удалении около 40 км от основного производственного центра в низовье р. Шуи (группа «Онега, отходы»), скорее всего, происходят из одного месторождения (см. рис. 6). Для исследованных мастерских из шуйского центра, наоборот, выявляется тенденция одновременного использования сырья из разных месторождений. Исключением здесь является только Шуя XXI, оба проанализированных образца из которой (№ 9 и 10), почти тождественные между собой и близки материалу из Деревянного XVIII (см. рис. 6). Впрочем, при крайне небольшом количестве изученных образцов нельзя исключать, что при увеличении выборки различия обнаружатся и в коллекции этих двух памятников. Также нужно учитывать, что сами эти различия могут быть связаны с использованием валунного материала наряду с кусками коренной породы. Материал валунов, подобранных в непосредственной близости друг от друга, может сильно различаться.

ВЫВОДЫ

При всех указанных нюансах результаты проведенного анализа подтверждают или, по крайней мере, не опровергают тезис о том, что несомненные орудия русско-карельского типа, изготовленные из пород вулканического происхождения, где бы они ни были найдены, созданы в одном производственном центре на побережье Онежского озера. Соответственно, на более отдаленные территории эти вещи распространялись путем обмена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гурина Н. Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 138. Торговля и обмен в древности. М.: Институт археологии РАН, 1974. С. 12–23.
2. Желтова М. Н., Гусенцова Т. М., Кулькова М. А. Каменный инвентарь неолита и эпохи раннего металла памятника Охта 1 в Санкт-Петербурге (2008–2009 гг.) // Тверской археологический сборник. 2015. Вып. 10. Т. 1. С. 362–374.

3. Жульников А. М. Энеолит Карелии: Памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 1999. 224 с.
4. Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа: Экономический очерк. М.: Изд-во иностр. лит., 1953. 332 с.
5. Светов С. А., Голубев А. И., Степанова А. В., Куликов В. С. Палеопротерозойские вулканоплутонические комплексы Онежской структуры // Путеводитель геологических экскурсий XII Всероссийского петрографического совещания. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. С. 28–54.
6. Тарасов А. Ю., Гоголев М. А. Сырьевая база энеолитической индустрии рубящих орудий региона Онежского озера (опыт геохимического исследования) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 51–59.
7. Тарасов А. Ю., Крийска А., Кирс Ю. Свидетельства обмена между населением Карелии и Эстонии в финальном каменном веке: По результатам археологического и петрографического изучения рубящих орудий русско-карельского типа с территории Эстонии // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2010. № 4. Сер. «Гуманитарные исследования». Вып. 1. С. 56–65.
8. Филатова В. Ф. Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии // Советская археология. 1971. № 2. С. 32–38.
9. Фосс М. Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 29). М.: Изд-во АН СССР, 1952. 280 с.
10. Äugrää A. Itä-Karjala kivikautisen asekaupan keskustan. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten kokoelmien tutkimuksista // Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistoria, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Korrehtuurivedos. 1944. P. 53–73.
11. Heikkurinen T. Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat. Helsingin yliopiston arkeologian laitus. Moniste n:o 21. Helsinki: Helsingin yliopiston, 1980. 101 p.
12. Sun S. S., McDonough W. F. Chemical and isotopic systematics of oceanic basalts: implications for mantle composition and processes. (A. D. Saunders, M. J. Norry, Eds.). Magmatism in the ocean basins // Geological Society London Special Publications. 1989. № 42. P. 313–345.
13. Tarasov A., Nordquist K. Made for exchange: the Russian Karelian lithic industry and hunter-fisher-gatherer exchange networks in prehistoric north-eastern Europe // Antiquity. 2022. Vol. 96 (385). P. 34–50. DOI: <https://doi.org/10.15184/aqy.2021.133>

Поступила в редакцию 18.04.2022; принята к публикации 05.09.2022

Original article

Alexey Yu. Tarasov, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-5737-5247; taleksej@drevlanka.ru

Irina M. Summanen, Cand. Sc. (History), Research Associate, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-7502-7687; irina.summanen@mail.ru

CHOPPING TOOLS OF THE RUSSIAN KARELIAN TYPE IN KARELIA AND NORTH-EASTERN EUROPE: GEOCHEMICAL ASPECT

Abstract. The paper presents the results of a geochemical investigation of the raw material for making stone chopping tools of the so-called Russian Karelian type, which were actively used for exchange interactions between the peoples of the North-Eastern Europe in the IV–III millennia calBC. The study is based on the ICP-MS analyses of 54 samples from different regions of Karelia, Finland, and Estonia conducted in the analytical laboratory of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The investigation was aimed at confirming the proposition suggested in the early XX century that these tools were produced in one production centre on the western shore of Lake Onega (the outfall of the Shuya River) and spread by exchange. For this, the authors used the modern geochemistry methods, which greatly reduce the influence of the subjective human factor. The samples that were found at great distances from the known workshops, including those found outside Karelia, were analyzed for the first time. The new data generally confirm the idea that all certain tools of the Russian Karelian type, regardless of their discovery place, originate from the Shuya centre, and the raw material for this centre was taken from the volcanic greenstone rocks (“metatuff”) deposits that can be found in the vicinity. The study is well in line with the investigations of the organization of the prehistoric exchange in the North-Eastern Europe which are actively being carried out nowadays.

Key words: lithic industry, chopping tools, Eneolithic, Neolithic, Karelia, Estonia, Finland, geochemistry, ICP-MS, raw materials, exchange

Acknowledgements. The study was conducted as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (RAS KRC Institute of Linguistics, Literature and History). The authors

express their deep gratitude to A. Kriiska and K. Nordqvist for their assistance in conducting this research, as well as to M. A. Gogolev and Z. I. Slukovsky for their consultations.

For citation: Tarasov, A. Yu., Summanen, I. M. Chopping tools of the Russian Karelian type in Karelia and North-Eastern Europe: geochemical aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):8–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.830

REFERENCES

1. Gurina, N. N. On the question of exchange in the Neolithic epoch. *Short reports of the Institute of Archaeology*. Issue 138. Trade and exchange in the prehistory. Moscow, 1974. P. 12–23. (In Russ.)
2. Zheltova, M. N., Gusentsova, T. M., Kulkova, M. A. Lithic inventory of the Neolithic and the Early Metal Period from Okhta 1 site in Saint-Petersburg (2008–2009). *Tver Archaeological Collection*. 2015;10(1):362–374. (In Russ.)
3. Zhulnikov, A. M. Eneolithic of Karelia. Petrozavodsk, 1999. 224 p. (In Russ.)
4. Clark, J. G. D. Prehistoric Europe: The economic basis. Moscow, 1953. 332 p. (In Russ.)
5. Svetov, S. A., Golubev, A. I., Stepanova, A. V., Kulikov, V. S. Paleoproterozoic volcanic-plutonic complexes of Onega structure. *Guide-book of geological excursions of the XII Geological Meeting of the Russian Federation*. Petrozavodsk, 2015. P. 28–54. (In Russ.)
6. Tarasov, A. Yu., Gogolev, M. A. Raw material's base of the Eneolithic industry of chopping tools from Lake Onega (an attempt of geochemical study). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017;3(164):51–59. (In Russ.)
7. Tarasov, A. Yu., Kriiska, A., Kirs, Yu. Evidences of exchange between inhabitants of Karelian and Estonia in the Final Stone Age: Basing on results of archaeological and petrological study of wood-chopping tools of the Russian-Karelian type from the territory of Estonia. *Proceedings of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Series "Humanitarian Studies"*. 2010;4(1):56–65. (In Russ.)
8. Filatova, V. F. Russian Karelian type of tools in the Neolithic in Karelia. *Soviet Archaeology*. 1971;2:32–38. (In Russ.)
9. Foss, M. E. Ancient history of the Northern European part of the USSR. (Materials and studies on the archaeology of the USSR. No 29). Moscow, 1952. 280 p. (In Russ.)
10. Äyräpää, A. Itä-Karjala kivikautisen asekaupan keskustan. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten kokoelmien tutkimuksista. *Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistoria, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Korrehtuurivedos*. 1944. P. 53–73.
11. Heikkurinen, T. Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat. Helsingin yliopiston arkeologian laitus. Moniste n:o 21. Helsinki, 1980. 101 p.
12. Sun, S. S., McDonough, W. F. Chemical and isotopic systematics of oceanic basalts: implications for mantle composition and processes. (A. D. Saunders, M. J. Norry, Eds.). *Magmatism in the ocean basins. Geological Society London Special Publications*. 1989;42:313–345.
13. Tarasov, A., Nordqvist, K. Made for exchange: the Russian Karelian lithic industry and hunter-fisher-gatherer exchange networks in prehistoric north-eastern Europe. *Antiquity*. 2022;96(385):34–50. DOI: <https://doi.org/10.15184/aqy.2021.133>

Received: 18 April, 2022; accepted: 5 September, 2022

КРИСТИНА СЕРГЕЕВНА ФЕДОРЕНКО

соискатель кафедры всеобщей истории и международных отношений факультета истории, социологии и международных отношений

Кубанский государственный университет

(Краснодар, Российская Федерация)

fedorenko.k.s@yandex.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ ФЕНОМЕНА КОРЕЙСКОЙ ВОЛНЫ (конец 1950-х – начало 1970-х годов)

А н н о т а ц и я . Актуальность статьи связана с ростом интереса к популярности корейской поп-культуры во всем мире. Данный феномен, известный как Корейская волна, привлекает исследователей своим положительным влиянием на экономику и внешнюю политику Республики Корея. Началом Корейской волны считаются 1990-е годы. Однако проникновение корейской популярной культуры на Запад произошло раньше. Данная статья посвящена южнокорейским певцам, которые стали известными в Америке и Европе в конце 1950-х годов. Анализируются ситуация в музыкальной индустрии Южной Кореи в первое десятилетие после Корейской войны, история творческого роста на родине и обретения популярности на Западе «Ким Систерз», «Кориан Киттэнс», Пэтти Ким. Особое внимание уделяется знакомству мирового сообщества с элементами корейской и восточноазиатской культур через творчество этих артистов. Раскрываются особенности развития корейской музыкальной индустрии в период 1950-х – начала 1970-х годов, проявляющиеся в двойственном влиянии американской культуры на корейскую, а также смешении западной и восточноазиатской культур в сценических образах певцов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Корейская волна, Халлю, Республика Корея, музыкальная индустрия, «Ким Систерз», «Кориан Киттэнс», Пэтти Ким

Д л я ц и т и р о в а н и я : Федоренко К. С. Предпосылки феномена Корейской волны (конец 1950-х – начало 1970-х годов) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 20–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.831

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной историографии растет количество статей, посвященных феномену Халлю. Халлю (Корейская волна) – это распространение южнокорейской популярной культуры по всему миру, которое началось с конца 1990-х годов. В настоящее время активно изучается влияние популярности культуры Кореи за рубежом на экономическое развитие страны, а также рост количества иностранных туристов. В качестве примера можно привести статью Л. Л. Степановой «Влияние “Корейской волны” на экономику и туризм Южной Кореи» [4]. Также рассматриваются составные части феномена: дорамы (корейские сериалы) [1] и К-поп (корейская поп-музыка) [5]. Однако необходимо признать, что история Корейской волны в целом остается слабоизученной. В отечественной исследовательской литературе подвергаются анализу только отдельные факты из истории становления явления, отсутствует четкая периодизация его развития.

В зарубежной историографии тема Корейской волны и К-поп изучена лучше. Есть работы, в которых рассматриваются развитие и периодизация Халлю [12]. Встречаются внушительные исследования, посвященные истории отдельных составляющих феномена, например труд Ким Юнми «К-поп: новая сила в музыке». Однако стоит отметить, что это издание выпущено Корейской культурно-информационной службой (Korean Culture and Information Service (KOCIS)) [13].

В данной статье мы рассмотрим предпосылки Корейской волны, а именно появление в разрушенной войной стране звезд международного уровня. Ставится задача охарактеризовать творческий путь артистов, получивших мировую известность, а также проанализировать условия, повлиявшие на формирование их популярности у западной аудитории и широкое распространение корейской культуры в Америке и Европе. Временные рамки исследования, с одной стороны, ограничиваются концом 1950-х годов, когда корейских артистов впервые начали приглашать для выступлений за рубежом, а с дру-

гой – началом 1970-х годов, когда активность их творческой деятельности за пределами Республики Корея заметно снизилась.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИНДУСТРИЯ ЮЖНОЙ КОРЕИ ПОСЛЕ КОРЕЙСКОЙ ВОЙНЫ

В начале 1950-х годов музыкальная индустрия Южной Кореи находилась в кризисе. Корейская война 1950–1953 годов нанесла серьезный ущерб экономике страны. В 1953 году Американо-корейская смешанная экономическая комиссия (АКСЭК) взяла под контроль всю промышленную, аграрную и финансовую политику Сеула. До трех четвертей всей американской помощи тратилось на вооружение армии, остальные средства шли на восстановление сырьевой промышленности. В 1954 году валовой объем промышленного производства едва достигал 20 % по сравнению с 1945 годом. К концу 1955 года реально действовало лишь 32 % всех зарегистрированных промышленных предприятий. В мае 1958 года общее число полностью и частично безработных превышало 4,8 млн человек, или 36,6 % трудоспособного населения страны. В условиях экономической разрухи и хаоса цены на товары первой необходимости подскочили на 1800 % [6]. Поэтому на первом месте стояло жизнеобеспечение общества.

Из-за сложных экономических и политических условий во время президентства Ли Сынмана (이승만) (1948–1960) фактически отсутствовала культурная политика. Впервые государство обратило внимание на сферу культуры после прихода к власти Пак Чонхи (박정희) (1961–1979). Он ставил своей целью восстановить корейскую самобытность и укрепить существующий политический режим. В связи с этим проводился курс на ограничение иностранного влияния, в том числе в музыкальной сфере. Государство начало оказывать поддержку традиционной музыке. Была введена цензура для таких направлений популярной музыки, как трот¹ и рок. В общей сложности с 1965 по 1975 год в черный список были внесены 223 корейские песни и 261 западная поп-песня [16: 4]. Показательным является пример, когда в 1965 году, чтобы успокоить общество после подписания договора о нормализации отношений с Японией, было принято решение запретить популярную песню «Девушка-камелия» из-за японского стиля [10]. Ее исполняла известная трот-певица Ли Миджа (이미자). Рок-песни и движение хиппи противоречили государственной политике, в частности в вопросе участия Южной Кореи во Вьетнамской войне (1960–1975). Поэтому были

запрещены такие песни, как «Куда делись все цветы?» «Кингстон Трио». В 1972 году Син Джунхён (신중현), известный как «крестный отец корейского рока», отказался написать песню о правлении президента Пак Чонхи. После этого творчество музыканта оказалось под запретом до 1979 года. В 1975 году рокер попал в тюрьму [8: 109].

Сильное влияние на популярную корейскую музыку с 1945 по 1965 год оказывало американское присутствие на полуострове. Начиная с 1945 года на территории страны действовало «Шоу 8-го корпуса ВС США» – выступления артистов перед расквартированными в Корею американскими военными. В нем принимали участие как американские знаменитости, так и корейские музыканты, например известный корейский композитор Ким Хэсон с группой «КПК». Период с 1957 по 1965 год считается временем расцвета «Шоу». В 1957 году американские военные базы разместились по всей стране, что привело к росту спроса на живые концерты. Как следствие, возросло и число корейских артистов. Появилась необходимость в профессиональной подготовке и организации мероприятий. В 1957 году открылось первое агентство в сфере шоу-бизнеса «Хваян», за ним последовали «Юниверсал» и «Конъён» [3: 11]. Благодаря им были налажены обучение артистов, подготовка к прослушиваниям и выступлениям. «Шоу 8-го корпуса ВС США» привлекало корейских исполнителей хорошей оплатой на фоне экономической нестабильности. Так, к началу 1960-х годов заработок артистов мог достигать, по разным оценкам, от 1,2 до 1,5 млн долларов в год, что было почти эквивалентно общей стоимости всего южнокорейского экспорта в то время [3: 11], [13: 51]. В связи с ростом количества агентств и претендентов американское командование ввело прослушивания с целью контроля за качеством выступлений. В ходе таких отборов отклонялись музыка в корейском стиле и оригинальное звучание мелодии. Утверждали артистов с четким английским произношением, близким к оригинальной американской музыке исполнением [3: 12]. На «Шоу 8-го корпуса ВС США» был представлен разнообразный репертуар, включая кантри, ритм-н-блюз и рок-н-ролл, основанный на джазовых сессиях. Армейские клубы США открыли корейским артистам возможность познакомиться с западной поп-музыкой [13: 51]. «Шоу» стало тем местом, где корейские певцы могли не только заработать, но и отточить свое мастерство для покорения американской и европейской сцен.

КОРЕЙСКИЕ ЗВЕЗДЫ В ЕВРОПЕ И США (КОНЕЦ 1950-х – НАЧАЛО 1970-х ГОДОВ)

Самой известной корейской группой на Западе в послевоенный период была «Ким Систерз» (Kim Sisters, 김시스터즈). Коллектив состоял из родных сестер Ким Сукджа (Сью; 김숙자), Ким Эджа (김애자) и их двоюродной сестры Ким Минджа (Миа; 김민자). Девушки родились в музыкальных семьях. Ким Хэсон (김해송), отец Ким Сукджа и Ким Эджа, был известным композитором, а их мать, Ли Нанён (이난영), известной певицей. Ли Боннён, отец Минджа и старший брат Ли Нанён, также был популярным композитором. До Корейской войны Ким Хэсон вместе со своей группой «КПК» выступал для американских солдат в «Шоу 8-го корпуса ВС США». Во время войны он был пленен и убит северокорейцами. Лишившейся отца семье сестер Ким в условиях войны, а затем и послевоенной разрухи приходилось тяжело. Ли Нанён стала выступать в «Шоу 8-го корпуса ВС США» сначала самостоятельно, а затем и вместе со старшими дочерьми – Ёнджа и Сукджа. Они исполняли испанские песни и танцевали четчатку. Затем Ёнджа сменила Эджа, и к сестрам присоединилась их кузина Минджа. В 1953 году родилась группа «Ким Систерз» [7: 15].

Ли Нанён контролировала подготовку девочек к выступлениям. У нее был американский альбом с двумя песнями «Оле небо из пахты» и «Конфеты и торт», которым она научила сестер [17]. Кроме этого Ли Нанён ставила хореографию для группы. Девушки умели играть на более чем 20 музыкальных инструментах. По воспоминаниям Мии, сестры плохо говорили по-английски. Репертуар был скромным, но солдаты узнавали мелодию, и выступления группы пользовались успехом. Несмотря на популярность среди американских военных, американская сцена оставалась для девушек мечтой [17].

В 1958 году «Ким Систерз» заметил американский агент Том Болл. В следующем году группа приняла участие в «Ревью китайских кукол» в отеле «Тандерберд» в Лас-Вегасе. Изначально контракт был рассчитан на четыре недели, но впоследствии его продлили. Также коллектив играл в отеле «Стардаст», где в то время снималось «Шоу Эда Салливана». Их агенту удалось добиться участия группы в шоу [17]. В итоге с 1960 по 1967 год «Ким Систерз» выступали на «Шоу Эда Салливана» более 20 раз. При этом общее число выступлений группы намного превышало количество появлений таких прославленных коллективов, как «Битлз», «Роллинг Стоунз» и «Сьюпримс» [15: 1]. «Ким Систерз»

провели тур по США, посетив Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго и Даллас. Также они гастролировали по Европе, побывав в Риме, Париже, Венеции, Мадриде, Мюнхене, Лондоне и Монте-Карло [13: 52]. В 1959 году в журнале «Лайф» вышла статья о группе «Ким Систерз». В ней описывалось, как участницы группы соблюдали обычаи корейской культуры: отправляли домой большую часть заработанных денег и оставались верными традиции, согласно которой девушка не должна гулять одна, пока ей не исполнится 23 года [15: 4]. В 1970 году «Ким Систерз» вернулись в Корею, а в 1973 году коллектив распался. Миа осталась в Лос-Анджелесе вместе с мужем. В 1975 году к Сукджа и Эджа присоединилась их старшая сестра Ёнджа, и «Ким Систерз» продолжили выступать. Спустя 10 лет Ёнджа ушла из группы. Сукджа и Эджа, объединившись с младшими братьями Ёнилем и Тхэсоном, образовали группу «Ким Систерз энд Ким Бразэрз». В 1987 году Эджа умерла от рака, и группа продолжила выступать как «Сью Ким энд Ким Бразэрз». В 1994 году Сукджа попала в ДТП и перестала выходить на сцену.

В конце 1950-х годов в Корее появилась еще одна восходящая звезда – певица Ким Хеджа (김혜자), взявшая сценический псевдоним Пэтти Ким (Patti Kim, 패티김) в честь американской певицы Патти Пейдж (Patti Page). В 1958 году она дебютировала в «Шоу 8-го корпуса ВС США» [9]. Согласно другим источникам, дебют певицы состоялся в 1959 году². Она неуклонно набирала популярность благодаря харизме и вокальному таланту [14]. В 1960 году Пэтти Ким стала первой корейской певицей, выступившей в Японии: она была приглашена на телеканал «Эн-эйч-кей». Это было важное событие как для Ким Пэтти, так и для всей страны, ведь всего 15 лет назад Корея освободилась от японской оккупации. В интервью, посвященном 50-летию карьеры, Ким Хеджа рассказала, что выступление в Японии было самым сложным за все годы ее певческой деятельности:

«Я пыталась сохранить свое достоинство кореянки. Я и так была очень высокой, но я вышла в туфлях на высоких каблуках и высоко зачесала волосы, пытаясь выглядеть намного крупнее и выше, чем японцы»³.

В 1963 году певицу пригласили выступить в Лас-Вегасе. В этом же году она спела на «Вечернем шоу с Джонни Карсоном»⁴. Это шоу выходило с 1962 по 1992 год с Джонни Карсоном в качестве ведущего и стало основой для вечерних ток-шоу, где монолог ведущего разбавлялся скетч-комедией, а затем шли интервью с гостями, выступления стендап-комиков и музыкан-

тов. За время своего пребывания в США Пэтти Ким восемь раз появлялась на «Вечернем шоу». Даже годы спустя певица продолжала радовать иностранных поклонников. В 1989 году она дала сольный концерт в Карнеги-холл в Нью-Йорке. В Корее Пэтти Ким пользовалась неизменным успехом на протяжении 50 лет.

На «Шоу 8-го корпуса ВС США» дебютировала и Юн Бокхи (윤복희), в 1963 году ставшая лидером группы «Кориан Киттэнс» (Korean Kittens, 코리아안 키튼즈). Она родилась в семье артистов. Ее отец, Юн Бугиль, был популярным комиком, мать, Сон Гёнджа, известной балериной, а старший брат, Юн Ханги, участником музыкального коллектива «Кей войс». В 1963 году Юн Бокхи выступила на открытии курорта «Уокер Хилл» в Сеуле, разделив сцену с Луи Армстронгом. Она смогла произвести впечатление на американскую звезду, чем привлекла внимание публики. Слава певицы росла, и уже в октябре того же года она впервые выступила за рубежом – на Филиппинах. В октябре 1964 года, после просмотра ее выступления в Сингапуре, промоутер английского шоу Чарльз Оу предложил ей присоединиться к вокальной группе «Кориан Киттэнс» [11]. В 1964 году они выступили на телеканале «Би-би-си» в «Вечернем шоу» с кавером на песню «Битлз» «Любовь не купишь»⁵. В 1966 году группа приняла участие в «Рождественском шоу Боба Хопа во Вьетнаме» на базе американской армии во Вьетнаме⁶.

«Кориан Киттэнс» долго гастролировали по Европе и Америке, успев появиться на шоу «Валпати 65» (ФРГ) в 1965 году, «Шоу Майка Дугласа» (Америка) в 1967 году, «Ревью Рега Варни» (Великобритания) в 1972 году⁷. Популярность Юн Бокхи росла и на родине. В 1967 году ее выход из самолета в аэропорту Кимпхо в мини-юбке произвел фурор и наделал много шума [11], причем певицу до сих пор вспоминают именно в связи с этим событием. В 1975 году лидер «Кориан Киттэнс» вернулась в Южную Корею [11]. Спустя много лет она покорила западную сцену в качестве актрисы мюзиклов. В 2006 году Юн Бокхи выступила на сцене Нью-Йоркского фестиваля музыкальных театров в мюзикле «Мария, Мария» [18], 16 июня 2009 года – в «Театре Роуз» в Кингстоне на торжественном открытии третьего фестиваля искусств Нью-Малден [11].

ГИБРИДИЗАЦИЯ КУЛЬТУР В ВЫСТУПЛЕНИЯХ КОРЕЙСКИХ АРТИСТОВ НА ЗАПАДЕ

Зачастую выступления корейских артистов на западной сцене являлись примером куль-

турной гибридизации. Это возникновение новых творческих форм путем смешения культурных элементов разного происхождения. Примером может служить исполнение на английском, а иногда и японском языке, выступление корейских групп в китайских костюмах перед американской публикой.

В настоящее время отдельные выступления группы «Ким Систерз» на «Шоу Эда Салливана» можно найти на официальном канале шоу в ютьюбе. В записи от 24 января 1960 года сестры выступают в ципао с узором на фоне пагоды, исполняя «Теннессийский вальс» («The Tennessee Waltz»)⁸. Эта песня, написанная американцами Реддом Стюартом и Пи Ви Кингом, стала популярна в исполнении Патти Пейдж в 1950 году. В 1965 году она была выбрана официальной песней штата Теннесси⁹. Ципао (на кантонском диалекте чонсам) – это китайское женское платье, появившееся в 1920-х годах. Знакомый приталенный силуэт и вырезы по бокам оно приобрело в 1930-х годах. В 1960-х годах к ципао пришла известность в связи с ростом китайского кинематографа. Длина юбки и высота разрезов менялись с течением времени. Данный наряд вдохновлял западных звезд, таких как Грейс Келли, создавать собственные модели платьев, что еще больше его популяризировало [2]. По нашему мнению, использование ципао в выступлениях корейских певиц связано с тем, что это был более понятный и растиражированный символ принадлежности к азиатскому миру, чем кимоно или ханбок. В таких американских фильмах, как «Любовь – самая великолепная вещь на свете» (1955), «Солдат удачи» (1955), «Мир Сьюзи Вонг» (1960), «Дорога в Гонконг» (1962), одежда служила отражением западного или восточного мира. Ни одна американка в этих фильмах не появилась на экране в ципао.

Отличается от остальных запись выступления коллектива от 20 ноября 1960 года. В самом начале сестры исполняют песню Ариран¹⁰, играя на традиционных инструментах. Девушки одеты в ханбоки¹¹, а за ними расположены ширмы, имитирующие бамбуковые перегородки¹². Также в 1960 году «Ким Систерз» впервые появились на «Шеврале шоу Дина Шор». Девушки в яркосиних шелковых ципао без рукавов с белыми цветами начали с песни японского певца Сакамото Кю «Китайские ночи». Во время исполнения они крутили бамбуковые зонтики с узором из бело-голубых спиралей, смешивая тем самым в своем выступлении корейские, японские и китайские культурные символы [15: 4]. В 1964 году «Кориан Киттэнс» выступили на телеканале «Би-би-си»

в «Вечернем шоу» с кавером на песню «Битлз» «Любовь не купишь». Сохранилась запись, где участницы группы энергично исполняют песню в коротких черных ципао. В припеве строчка «Can't buy me love» («Любовь не купишь») заменена на корейскую «어디에 사랑» («Одие саран»), что в переводе означает «Где любовь?»¹³. На данный момент на ютьюбе есть запись выступления и Пэтти Ким в «Музыкальном клубе ЮСАК» в 1971 году. Примечательно, что в начале записи ведущий приветствовал слушателей как на английском языке, так и по-корейски. Большая часть выступления представляет собой исполнение каверов на такие популярные песни, как «Мой путь» (композитор Клод Франсуа, автор английского текста Пол Анка), «Без тебя» (композитор Пит Хэм, авторы текста Пит Хэм, Том Эванс – участники рок-группы «Бэдфингер»). В завершение концерта прозвучала песня «Моя любящая Мария» (사랑하는 마리아) (автор текста и композитор Киль Огюн (길옥윤)¹⁴).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, уже в конце 1950-х годов творческий потенциал корейских певцов делает возможным их выход на международную сцену. Американское присутствие оказало неоднозначное влияние на корейскую музыкальную индустрию. С одной стороны, после долгой оккупации и братоубийственной войны корейская индустрия развлечений была разрушена и не могла конкурировать с американской. Корейские

певцы пели на чужом для них языке зарубежных песни в ущерб собственной самобытности. С другой стороны, благодаря участию в «Шоу 8-го корпуса ВС США» артисты развивали свои творческие возможности, учили английский язык и западные хиты, что проложило им путь на американскую и европейскую сцену. На дальнейшее развитие корейской популярной музыки оказала влияние культурная политика государства. Цензура, направленная на сохранение корейской идентичности, сковывала творческий потенциал начинающих звезд, и новое поколение певцов на смену таким коллективам, как «Ким Систерз», так и не пришло. Данная ситуация изменилась только после демократизации корейского общества. Однако процесс гибридизации культур существовал уже в конце 1950-х годов. В выступлениях «Ким Систерз», «Кориан Киттэнс», Пэтти Ким соединялись восточноазиатские и западноевропейские музыкально-сценические образы. Появляющиеся таким образом культурные формы обладали привлекательной новизной для аудитории. По отдельным строчкам песен, элементам выступлений мы видим, что корейские исполнители, выступая в другой стране на чужом языке, сохраняли вместе с тем традиции и достоинство южнокорейцев. В целом же деятельность данных музыкальных коллективов позволила широкой иностранной аудитории познакомиться с национальной корейской культурой, а также послужила стимулом к росту ее популярности на Западе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Трот (트로트) – музыкальный стиль в корейской музыке, возникший в начале XX века. Трот сформировался под влиянием корейской, японской и западной музыки. Есть мнение о происхождении трота от энка – популярного японского музыкального жанра.
- ² Patti Kim Marks 50th Anniversary of Singing Career // The Chosunilbo. 25.03.2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2008/03/25/2008032561012.html (дата обращения 24.02.2022).
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Korean Kittens – Can't Buy Me Love (1964) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=RaFej2a7LF0> (дата обращения 24.02.2022).
- ⁶ The Korean Kittens What'd I Say [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=x9A66z3oiow> (дата обращения 24.02.2022).
- ⁷ Korean Kittens [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.imdb.com/name/nm3626853/> (дата обращения 24.02.2022).
- ⁸ The Kim Sisters “Tennessee Waltz” on The Ed Sullivan Show [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=PMXmc3pSEBs> (дата обращения 24.02.2022).
- ⁹ Pee Wee King // Country Music Hall of Fame and Museum's Encyclopedia of Country Music [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20120419172923/http://countrymusichalloffame.org/full-list-of-inductees/view/pee-wee-king> (дата обращения 24.02.2022).
- ¹⁰ Ариран (아리랑) – одна из наиболее популярных народных корейских песен. В 2012 году она была внесена ЮНЕСКО в список нематериального наследия человечества. Вот уже 600 лет она передается из поколения в поколение как северных, так и южных корейцев и насчитывает 3600 вариантов [8].
- ¹¹ Ханбок (한복) (в северокорейском варианте чосонот (조선옷)) – традиционный костюм жителей Кореи. Женский ханбок состоит из короткой блузки чогами (저고리) и широкой юбки чхима (치마). Хотя эта сце-

на быстро сменяется выступлением на американский манер, в данном эпизоде мы видим, что национальная культура исполнительниц привлекает внимание зрителей.

- ¹² The Kim Sisters [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=aeU5FwDAqKk> (дата обращения 24.02.2022).
- ¹³ Korean Kittens – Can't Buy Me Love (1964) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=RaFej2a7LF0> (дата обращения 24.02.2022).
- ¹⁴ Patti Kim On Stage Live at USEC 1971 Korean Diva (Full Album) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=MrTCR5yZQKU> (дата обращения 24.02.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ерохина Т. И., Сандроян Д. С. Экзистенциальные мотивы в корейской драме (на примере драмы «Токкэби» / «Демон») // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 290–295.
2. Захарова К. Ципао. Краткая история самого сексуального китайского платья // ЭКД. 20.06.2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ekd.me/2020/06/cipao-kratkaya-istoriya-samogo-seksualnogo-kitajskogo-platya/> (дата обращения 24.02.2022).
3. И Гиун. «Шоу 8-ой армии США» и корейская популярная музыка // Koreana. 2020. Т. 16, № 2. С. 10–13.
4. Степанова Л. Л. Влияние «Корейской волны» на экономику и туризм Южной Кореи // Казанский вестник молодых ученых. 2020. Т. 4, № 2. С. 60–64.
5. Титкова Н. Е. К-поп как феномен современной массовой культуры // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 5. С. 56–61.
6. Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли В. Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/li_vladimir/koreyskiy_poluostrov_metamorfozi_poslevoennoy_istorii.html#659709 (дата обращения 23.02.2022).
7. Чан Ю. Как «Kim Sisters» завоевали Лас-Вегас // Koreana. 2020. Т. 16, № 2. С. 14–15.
8. Хонг Ю. Корейская волна. Как маленькая страна покорила весь мир. М.: Эксмо, 2021. 256 с.
9. Chung A. “Arirang” makes it to UNESCO heritage // The Korea Times. 06.12.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.koreatimes.co.kr/www/news/culture/2013/03/317_126329.html (дата обращения 24.02.2022).
10. Chung J. Unfair censors put blame on popular singer // Korea JoongAng Daily. 19.01.2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2005/01/19/columns/91FOUNTAIN93Unfair-censors-put-blame-on-popular-singer/2519401.html> (дата обращения 31.05.2022).
11. Gorman Ph. Yoon Bok-hee: a Korean Kitten in Kingston // London Korean Links. 17.06.2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://londonkoreanlinks.net/2009/06/17/yoon-bok-hee-a-korean-kitten-in-kingston/> (дата обращения 24.02.2022).
12. Kim B. R. Past, present and future of Hallyu (Korean Wave) // American International Journal of Contemporary Research. 2015. Vol. 5, № 5. P. 154–160.
13. Kim Y. K-pop: a new force in pop music. Seoul, 2011. 95 p.
14. Kwon J. Veteran singer Patti Kim says goodbye to fans // The Korea Times. 28.10.2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/04/719_145079.html (дата обращения 24.02.2022).
15. Seid D. Forgotten femmes, forgotten war: The Kim Sisters' disappearance from American screen and scene // Center for Gaming Research. 2016. № 38. P. 1–10.
16. Srcibiorska-Kowalczyk I., Cichon J. The significance of cultural policy – case study of South Korea // Sustainability 2021. 13, 13805. P. 1–15.
17. Teszar D. From Seoul to Las Vegas: story of the Kim Sisters // The Korea Times. 21.09.2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.koreatimes.co.kr/www/news/special/2011/09/178_95166.html (дата обращения 23.02.2022).
18. Windman M. Korean musical Maria, Maria makes U.S. premiere at NYMF // Playbill. 20.08.2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.playbill.com/article/korean-musical-maria-maria-makes-us-premiere-at-nymf-com-134394> (дата обращения: 24.02.2022).

Поступила в редакцию 31.03.2022; принята к публикации 05.09.2022

Original article

Kristina S. Fedorenko, Postgraduate Student Researcher, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)
fedorenko.k.s@yandex.ru

PREREQUISITES FOR THE “KOREAN WAVE” PHENOMENON (late 1950s – early 1970s)

Abstract. The relevance of the article is determined by the growth of scholarly interest in the rising popularity of Korean pop culture all over the world. This phenomenon known as the “Korean Wave” attracts researchers’ attention

because of its positive impact on the economy and foreign policy of the Republic of Korea. The 1990s are considered to be the beginning of the “Korean Wave”. However, the first contact between Korean popular culture and western audience happened long before that. The article focuses on the South Korean singers who became popular in the USA and Europe in the late 1950s. Firstly, the author analyzes the situation in the music industry of the Republic of Korea during the first decade after the Korean War (1950–1953). Secondly, she describes the history of the creative growth of Kim Sisters, Korean Kittens and Patti Kim and the rise of their popularity in the West. The article pays a particular attention to how these artists’ performance presented the elements of Korean and East Asian cultures to the international audience. The author identifies the features of the Korean music industry development during the 1950s and the early 1970s manifested in the ambivalent American influence on Korean culture and the mixing of Western and East Asian cultures in the singers’ stage images.

Key words: Korean Wave, Hallyu, Republic of Korea, music industry, “Kim Sisters”, “Korean Kittens”, Patti Kim

For citation: Fedorenko, K. S. Prerequisites for the “Korean Wave” phenomenon (late 1950s – early 1970s). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):20–26. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.831

REFERENCES

1. Erokhina, T. I., Sandrosyan, D. S. Existential motives in the Korean drama (on the example of the drama “Tokkebi” / “Demon”). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2017;6:290–295. (In Russ.)
2. Zakharova, K. Qipao. A brief history of the sexiest Chinese dress. *EKD*. 20.06.2020. Available at: <http://ekd.me/2020/06/cipao-kratkaya-istoriya-samogo-seksualnogo-kitajskogo-platya/> (accessed 24.02.2022). (In Russ.)
3. Lee, Kee-woong. Eighth U.S. Army shows and Korean pop music. *Koreana*. 2020;16(2):10–13. (In Russ.)
4. Stepanova, L. L. The impact of the “Korean Wave” on the economy and the tourism of South Korea. *Kazan Bulletin of Young Scientists*. 2020;4(2):60–64. (In Russ.)
5. Titkova, N. E. K-pop as a phenomenon of modern mass culture. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research*. 2020;5:56–61. (In Russ.)
6. Torkunov, A. V., Denisov, V. I., Lee, V. F. Korean Peninsula: metamorphoses of post-war history. Moscow, 2008. Available at: https://royallib.com/read/li_vladimir/koreyskiy_poluostrov_metamorfozi_poslevoennoy_istorii.html#659709 (accessed 23.02.2022). (In Russ.)
7. Zhang, E. The Kim Sisters wow Las Vegas. *Koreana*. 2020;16(2):14–15. (In Russ.)
8. Hong, E. The birth of Korean cool: How one nation is conquering the world through pop culture. Moscow, 2021. 256 p. (In Russ.)
9. Chung, A. “Arirang” makes it to UNESCO heritage. *The Korea Times*. 06.12.2012. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/news/culture/2013/03/317_126329.html (accessed 24.02.2022).
10. Chung, J. Unfair censors put blame on popular singer. *Korea JoongAng Daily*. 19.01.2005. Available at: <https://koreajoongangdaily.joins.com/2005/01/19/columns/91FOUNTAIN93Unfair-censors-put-blame-on-popular-singer/2519401.html> (accessed 31.05.2022).
11. Gowman, Ph. Yoon Bok-hee: a Korean Kitten in Kingston. *London Korean Links*. 17.06.2009. Available at: <https://londonkoreanlinks.net/2009/06/17/yoon-bok-hee-a-korean-kitten-in-kingston/> (accessed 24.02.2022).
12. Kim, B. R. Past, present and future of Hallyu (Korean Wave). *American International Journal of Contemporary Research*. 2015;5(5):154–160.
13. Kim, Y. K-pop: a new force in pop music. Seoul, 2011. 95 p.
14. Kwon, J. Veteran singer Patti Kim says goodbye to fans. *The Korea Times*. 28.10.2013. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2019/04/719_145079.html (accessed 24.02.2022).
15. Seid, D. Forgotten femmes, forgotten war: The Kim Sisters’ disappearance from American screen and scene. *Center for Gaming Research*. 2016;38:1–10.
16. Srcibiorska-Kowalczyk, I., Cichon, J. The significance of cultural policy – case study of South Korea. *Sustainability*. 2021;13(13805):1–15.
17. Teszar, D. From Seoul to Las Vegas: story of the Kim Sisters. *The Korea Times*. 21.09.2011. Available at: https://www.koreatimes.co.kr/www/news/special/2011/09/178_95166.html (accessed 23.02.2022).
18. Windman, M. Korean musical Maria, Maria makes U.S. premiere at NYMF. *Playbill*. 20.08.2006. Available at: <https://www.playbill.com/article/korean-musical-maria-maria-makes-us-premiere-at-nymf-com-134394> (accessed 24.02.2022).

Received: 31 March, 2022; accepted: 5 September, 2022

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ САВИЦКИЙ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

sawiz@onego.ru

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ПУБЛИЦИСТЫ О РОЛИ ВОЕННЫХ В КРЫМСКОЙ ВЕСНЕ

А н н о т а ц и я . Исследуются военные аспекты Крымской весны 2014 года в российской исторической литературе (историографии, публицистике и частично – документально-художественном творчестве). Цель работы – формулировка основных вопросов военной истории Крымской весны и систематизация результатов исследований российских историков. Автор анализирует взгляды исследователей на причины военной операции, состав силовых формирований, начало героизации их деятельности, причины неэффективности действий украинских войск, а также общий характер операций российских военнослужащих. В отличие от других сюжетов Крымской весны, данная тема пока не стала популярной из-за узости доступной источниковой базы и смысловой незавершенности «крымского» этапа российско-украинских отношений к началу 2022 года. Недостаточная ретроспективность сюжета обусловила удовлетворенность общества (в том числе научных специалистов) публицистическими результатами исследований. Автор приходит к выводам о неравномерном интересе исследователей к различным вооруженным участникам и событиям Крымской весны, некорректности применения к ней термина «гибридная война», показывает несогласие общественного мнения с преувеличением роли профессиональных военных, немногочисленные попытки исследователей преодолеть узость источниковой базы и неминуемую героизацию событий 2014 года. При этом отмечается разнообразие местных военизированных группировок и необходимость анализа действий российских военнослужащих лишь как составной части акторов Крымской весны. Материал основан на информации из открытого доступа. Для сравнения с точкой зрения российских историков используются работы украинских и британских авторов. Продолжение исследований будет зависеть от расширения источниковой базы.

Ключевые слова: Крымская весна, публицистика, историческое знание, военная история, «вежливые люди», народное ополчение

Для цитирования: Савицкий И. В. Российские исследователи и публицисты о роли военных в Крымской весне // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 27–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.832

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения военных аспектов Крымской весны обусловлена не только важным для России значением военно-морской базы в Крыму: от роли военных зависит терминологическое определение самой Крымской весны, в научной литературе колеблющееся от сецессии до аннексии. Кроме того, успешные действия российских военнослужащих в Крыму стали первым (из известных широкой общественности) показателем модернизации российских Вооруженных сил.

Первоначально замалчивая факты участия российских военнослужащих в операциях на Крымском полуострове в феврале 2014 года,

отечественные средства массовой информации вскоре создали героический образ «вежливых людей», актуализировав интерес исследователей к военным аспектам Крымской весны. Однако по понятным причинам круг общедоступных источников о роли военных ограничен в основном материалами средств массовой информации и личными «полевыми» наблюдениями авторов. Ведомственные военные документы в оборот не введены, что затрудняет изучение данного вопроса. Известный публицист А. Б. Широкоград в 2016 году даже констатировал опускание «информационного занавеса» в изучении событий Крымской весны [21: 2], однако непрекращающийся поток публикаций не подтвердил

его опасений. Ощущение «занавеса» возникает не из-за каких-то цензурных ограничений, а из-за быстрой исчерпанности доступной источниковой базы. Исследователи пытаются найти выход из ситуации разными способами, в том числе уходя в жанр «документально-исторического романа»¹. При этом в романе приводятся «рассекреченные» российские документы, впоследствии использованные и в научной литературе [8: 254]. Не исключено, что в будущем обнаружившаяся информация о военных аспектах Крымской весны будет применяться ограниченно. По наблюдениям Г. А. Куренкова, организация системы защиты государственной тайны связана как с известными факторами, так и с неизвестными событиями в будущем и потому всегда содержит признаки и элементы неопределенности [9: 86]. Дополнительную актуальность теме придала серия нормативных актов – постановление Правительства РФ об изменениях в «Правила отнесения сведений, составляющих государственную тайну, к различным степеням секретности» от 30 октября 2021 года и особенно утвержденный приказом ФСБ России № 379 от 28 сентября 2021 года «Перечень сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые <...> могут быть использованы против безопасности Российской Федерации» (но при этом не являются секретными). Не вдаваясь в дискуссии о качестве формулировок, адресной направленности и потенциальной эффективности правового творчества силовиков, необходимо сформулировать позицию историка относительно использования материалов, уже являвшихся предметом широкого изучения и позднее отнесенных к сведениям ограниченного пространства или вовсе засекреченным.

Среди исследователей распространена точка зрения о том, что воспроизведение в современных исследованиях материалов, уже опубликованных и впоследствии отнесенных к секретным сведениям, не является правонарушением. Такая позиция представляется весьма сомнительной, так как нормативные акты (в том числе об ограничении распространения информации) не подразумевают возможности разночтений и должны исполняться в соответствии с их формулировками. Среди четырех видов информации, установленных статьей 5 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ (от свободно распространяемых до запрещенных сведений), статуса «временно рассекреченной» информации не существует. Она либо может распространяться, либо нет. Поэтому, если исследователь намерен использовать опубликованную в широком доступе и впоследствии закрытую для распространения информацию, целесообразно

ограничиться лишь ссылкой на первоначальную публикацию без каких-либо цитирований и намеков на ее фактическое содержание. Будет ли указанный источник изыматься или нет – проблема соответствующих органов, исторический опыт в нашей стране имеется. Однако если исследователь в своей статье сам воспроизводит опубликованные когда-то данные, ныне относимые к сведениям ограниченного доступа, то вопрос о составе правонарушения станет актуальным. Исследовательский энтузиазм в таком деле является плохим союзником.

Несмотря на «свежесть» темы, в 2020 году профессором МГУ им. М. В. Ломоносова В. А. Томсиновым был опубликован первый историографический обзор европейских исследований, посвященных крымской сецессии и связанной с нею роли военных [19]. В этом же году на русском языке была опубликована написанная в 2017 году монография британского историка, отставного генерал-майора Мунго Мелвина (ссылки в статье даются на британское издание [25])². На этом фоне отсутствие систематизирующих работ применительно к российским публикациям выглядит досадным белым пятном.

Цель данной статьи – формулировка основных вопросов военной истории Крымской весны, интересующих российских авторов, и систематизация результатов их исследований. В настоящий период это именно вопросы, не приобретшие проблемных формулировок из-за довольно схожих исследовательских подходов. Умозрительно можно было бы выделить несколько ключевых пунктов для сравнения исследовательских позиций: военные предпосылки принятия Республики Крым и города Севастополь в состав Российской Федерации, состав использовавшихся вооруженных формирований, терминологическое определение роли военных формирований в Крымской весне, причины успеха военной операции (в том числе практического отказа украинских войск от сопротивления), а также последствия крымских событий для военно-стратегического положения России. Однако не все перечисленные вопросы на сегодняшний день стали объектами дискуссий ввиду недостаточной ретроспективности сюжета – их обсуждение для современников представляется банальным.

Учитывая анализ точек зрения авторов на современные им события, историк не должен отказываться от использования в историографическом исследовании и публицистических работ. В настоящий период публицистика представляется в качестве начального, довольно эмоционального этапа развития исторического знания о Крымской весне. Подобный подход был обоснован еще в советской историографии, в частности

одним из создателей томской историографической школы Б. Г. Могильницким [11]. При этом необходимо учитывать такие особенности публицистики, как некритическое отношение к источниковой базе, частое игнорирование вклада своих же коллег в изучение вопроса, слабость и поверхностность выводов, внутренняя противоречивость³, а также яркая политическая ангажированность большинства подобных публикаций. Тем не менее ценность публицистического подхода видится в спонтанной постановке важных вопросов, обновлении терминологического аппарата и сохранении эмоционального фона, сопровождавшего изучаемые исторические процессы.

* * *

Военно-стратегические интересы России в Причерноморском регионе всегда были в фокусе внимания историков и политологов⁴. Несмотря на то что ни в одной серьезной работе заинтересованность России в сохранении военно-морской базы на Крымском полуострове не ставится в качестве главной причины крымской сецессии, обеспокоенность за ее судьбу (в том числе и со стороны Украины) никогда секретом не являлась. Хотя харьковское «Соглашение между Российской Федерацией и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины» от 21 апреля 2010 года продлеvalo существование базы ВМФ минимум до 2042 года, было много причин опасаться за его выполнение. Причины обеспокоенности России были обобщены профессором КубГУ А. В. Барановым: так, еще в 2006 году украинским руководством был поднят вопрос о повышении стоимости аренды земли для базы ВМФ вдвое, выдвинуты требования предоставить план вывода Черноморского флота с территории Украины, запретить свободное передвижение российских военнослужащих по украинской территории. Украинское руководство раздражала предельная численность российских войск (хотя вместо оговоренных 25 тысяч на полуострове дислоцировались 14–16 тыс. российских военнослужащих, что было значительно меньше численности украинских войск в Крыму) и проживание на полуострове демобилизованных россиян. Наконец, само существование российской военно-морской базы логически не соответствовало стремлению Украины в Евросоюз и НАТО [1], [2: 16–17]. Первые шаги нового правительства в Киеве после свержения президента В. Януковича (в том числе освобождение из заключения противницы российского военного присутствия – Ю. Тимошенко) не оставляли у российского руководства ника-

ких сомнений в дальнейшем развитии событий. В итоге профессор Института экономики РАН, ветеран Великой Отечественной войны А. Н. Быков (1924–2015) назвал угрозу российской военно-морской базе в Севастополе одной из трех основных причин принятия Крыма в состав России (наряду с обострением ситуации на Украине и угрозой русскоязычному населению Крыма) [3: 61]. При этом российское военное присутствие в Крыму изначально было не компактным, а «рассеянным», что создавало условия для перемещения воинских подразделений по всему полуострову и положительно сказалось на событиях Крымской весны [21: 224].

Однако каким могло быть дальнейшее развитие событий? Этот вопрос возник именно в военной публицистике. Одним из первых его поднял блоггер и общественный деятель Д. Н. Верхотуров. Работая над масштабным обзором военной истории Крыма (и совершенно забывая о тематической направленности своей работы применительно к разделу о Крымской весне), автор задался вопросом о причинах отказа России от признания Крыма независимым государством по примеру Абхазии и Южной Осетии, не получивших международного признания [4: 263–264]. Собственного варианта ответа на поставленный вопрос автор не привел. Точку зрения политолога высказал профессор Волгоградского института управления И. Л. Морозов, акцентируя внимание на непродуманности со стороны российского руководства последствий проводимых акций: по его мнению, Россия рассчитывала на признание де факто своих действий мировым сообществом и благоприятных для себя политических изменений в западном лагере. Однако если в случае с северокавказскими новообразованиями Россия понесла серьезные репутационные потери и получила «отложенный» территориальный конфликт [12: 346–347], то в крымской ситуации наша страна оказалась под жестким давлением международных санкций.

Примечательно, что за кадром обсуждения причин воссоединения Крымского полуострова с Россией у исследователей остаются не только территориальная изолированность Крыма (по договору 2010 года мост на материк должен быть построен уже к 2014 году), но и его сложная административная структура: объединение Республики Крым в одно государственное образование со всегда претендовавшим на особый статус городом-героем Севастополь могло породить ненужные в тот момент споры. В тени исследований остался и анализ степени доверия российской политической элиты к обновленному крымскому руководству; известно,

что в предшествовавшие десятилетия отношения между пророссийскими движениями Крыма и Москвой не всегда были эффективными⁵. Отделяющемуся от Украины Крыму должен был понадобиться огромный объем ресурсов (энергетических, промышленных, продовольственных и т. д.), стоимость которых вряд ли компенсировала бы арендная плата за воинские объекты. Кроме того, готовность России вмешаться в крымские дела в любом случае вызвала бы недовольство со стороны ведущих европейских и американских государств, поэтому вариант принятия Республики Крым и Севастополя в состав России представляется оптимальным, а в отечественной трактовке международного права – и легитимным.

Наиболее пристальное внимание военным аспектам Крымской весны среди российских авторов уделил А. Б. Широкоград. Он стал одним из первых российских исследователей, включивших материалы о Крымской весне в свои книги (так, «Битва за Крым» была подписана в печать уже 16.04.2014 г.). Но особое значение имела претендовавшая на статус монографии книга [21], опубликованная после издания в Киеве подробного очерка Т. В. Березовца [23]. В условиях информационной войны был важен российский ответ на украинские обвинения, однако А. Б. Широкоград такой цели не преследовал. Его вклад можно свести к нескольким пунктам. Во-первых, это подробное описание событий не только с почасовой точностью, но и с указанием воинских частей, номеров и названий кораблей (в основном украинских). Подобная манера могла ассоциироваться с добротным позитивизмом, если бы не отсутствие видимой критики источников («я лично слышал») и, соответственно, сложность верификации приводимых сведений. Во-вторых, А. Б. Широкоград является сторонником мнения об изначальной неготовности ни российских, ни украинских сил в Крыму к серьезным военным операциям, что может частично объяснить относительно мирный ход событий. Все силы, обеспечившие успех Крымской весны, были брошены на полуостров в феврале – марте 2014 года. Более того, А. Б. Широкоград солидарен с точкой зрения о якобы отсутствии у российского руководства к началу марта плана включения полуострова в состав страны [21: 171]. В-третьих, его публицистический стиль носит специфический характер, ассоциирующийся с самосознанием русскоязычного населения Крыма постсоветского периода. В работе проскальзывает недоверие как к российским государственным структурам, так и к прежнему украинскому руководству, активно используется понятие «украинская оккупация Крыма» и акцентирова-

ется роль пророссийских организаций в Крымской весне. Автор часто цитирует воспоминания севастопольцев⁶ и не стремится ориентироваться на официальные российские документы, в том числе приводя сведения о жертвах в ходе нейтрализации украинских военных баз [21: 197] (это противоречит содержанию президентского Послания от 18.03.2014 г.). Историки обычно критикуют А. Б. Широкограда с профессиональных позиций, однако его работы о Крымской весне выходят за пределы компилятивной исторической публицистики и интересны как минимум с источниковедческой точки зрения – как и книга В. Н. Баранца (там, где он использует свои информационные источники).

Кто конкретно выполнял боевые задачи в период Крымской весны? Учитывая гражданский статус большинства исследователей, участвовавшие в крымской операции силовые структуры выглядят единым блоком («комбатанты без опознавательных знаков различия» [12: 347]), чаще всего ассоциирующимся с термином «вежливые люди»⁷. Более широко состав ударных сил в Крымской весне сформулировал профессор ЮФУ, полковник Д. А. Лоншаков – «армия, ополченцы и казаки» [10: 412], подразумевая под «армией» прежде всего войска Черноморского флота России и спецназ. Видимо, в состав последнего нужно включить и бывшее спецподразделение МВД Украины «Беркут», в разгар крымских событий подчиненное севастопольскому и республиканскому руководству. Поэтому представление о местных силах лишь как о плохо подготовленных ополченцах явно не соответствует действительности.

Для самих крымчан было понятно, что занявшие здание Верховного Совета Крыма в ночь на 27 февраля «люди в черном» и знаменитые «зеленые человечки» – это разные подразделения, что было видно по экипировке, выполняемым задачам и различной степени доверия к ополченцам. При этом в литературе сложился своеобразный «ангельский» образ защитников здания Верховного Совета, неизвестно откуда взявшихся и пришедших на помощь пророссийским силам. Лишь в мемуарной литературе можно заметить уверенность, что эти силы были связаны с председателем крымского парламента изначальн⁸.

Если первоначально участие российских военнослужащих в операциях на территории Крыма отрицалось, то в дальнейшем усилению общественного интереса к этой теме способствовали российские средства массовой информации и кинематограф. Особое значение до сих пор играет фильм «Крым. Путь на Родину» (2015) со сценами захвата украинских баз российскими

военными⁹. Можно предположить, что заказчиком подобных фильмов стала российская элита в лице силовых структур, заинтересованная в ухудшении имиджа страны за рубежом.

В условиях информационной войны в сеть Интернет было выложено множество видеосюжетов из жизни российских боевых подразделений, атакующих воинские объекты. Однако подлинность их не доказана: так, некоторые видео с десантирующимися в Крым военнослужащими включают в кадр маковые поля, что говорит о съемке тренировочных сюжетов в мае – июне на территории уже российского Крыма (а может, и не Крыма вообще). Более того, сенсационный репортаж в упоминавшемся фильме о штурме феодосийской базы морской пехоты, входившей в состав сил немедленного реагирования НАТО, первоначально не нашел ожидаемого отклика у исследователей и был сведен в статье полковника Д. А. Лоншакова к кулачному столкновению «стенка на стенку» с участием старших офицеров [10: 412]. Позднее другими историками операция была описана с участием вертолетного десанта и бронетранспортеров; при этом источником информации стали испуганные признания украинского командира [8: 267–268]. Лишь в изложении В. Н. Баранца все детали соединились в «очень серьезную потасовку со стрельбой в воздух и мордобоем»¹⁰.

Гиперболизацию роли военных в освещении крымских событий первыми заметили сами крымчане. В частности, резкую критику с их стороны вызвали документальный фильм «4-я оборона Севастополя» и художественный фильм «Крым», в которых якобы слабо прослеживалась роль региональной общественности. Создателям фильмов было вменено выражение украинской точки зрения, согласно которой события февраля – марта 2014 года были «актом военной агрессии» со стороны России [17: 164]. Одной из причин такой реакции крымчан было принижение роли в весенних событиях не только гражданского населения, но и крымского ополчения (отрядов самообороны, «блокпостовцев»). Между тем народное ополчение в Севастополе начало оформляться еще в декабре 2013 года; 23 февраля 2014 года здесь были сформированы десять рот ополчения. За несколько дней численность ополченцев достигла 10 тыс. человек [15: 217, 221], была создана даже крымско-татарская рота [5: 120]. По словам очевидцев, к 26 февраля отряды самообороны еще не представляли реальной силы из-за разрозненности и личных амбиций лидеров¹¹, зато в этот же день спецподразделение «Беркут» было подчинено новому руководству Севастополя. Несмотря на публикацию мемуаров¹², операции гражданского населения в рядах

ополченцев на сегодняшний момент практически не изучены, об их штурме военного корабля «Славутич» в Севастополе упоминает только А. Б. Широкоград [21: 231].

По словам С. В. Аксёнова, у ополчения с самого начала было достаточно гладкоствольного оружия: «мы могли перешеек занять сразу и сюда уже никого не пускать» [5: 27]. Однако одним Перекопским перешейком события ограничиваться не могли. Анализируя фотоматериалы, профессор канадского университета «Мемориал» А. Н. Олейник отметил, что ополчение имело на вооружении современное стрелковое оружие и другую технику российской армии (интересно, сколько среди имеющихся снимков было постановочных «фото на память»?). Это должно было говорить о поддержке ополченцев со стороны военного руководства, так как, «полагаясь на инициативу снизу, получить такую технику и оружие вряд ли возможно» [16: 198]. Но предложенное А. Н. Олейником распространение на отряды самообороны термина «титишки» было дружно проигнорировано в отечественной литературе не только ввиду оскорбительного для крымчан происхождения, но также цели создания, численности и степени организованности отрядов самообороны в Крыму – показателей, явно не стыкующихся с деятельностью хулиганских временных провластных группировок на Украине.

Еще меньше повезло в историографии казакам Кубанского войска, чья численность известна [10: 412], но действия не изучены; мемуаристы отмечают лишь отдельные шаги по защите памятников культуры и пресечению земельных самозахватов¹³. Между тем важность изучения казачества обусловлена его статусом общественной организации с четкой субординацией и навыками владения оружием. Это делает возможным привлечение казаков к решению сложных вопросов с другими (в том числе национально ориентированными) организациями Крыма без вмешательства силовых структур и возможных репутационных потерь для государства.

Важным вопросом стали причины пассивного поведения украинских войск, количество которых первоначально намного превышало численность российских. Изначально все исследователи отметили небоеспособность украинских воинских частей и невозможность своевременной переброски новых подразделений с континентальной Украины на полуостров. Подобные формулировки подразумевали желание сопротивляться при фактической беспомощности. Иной акцент поставил московский политолог П. В. Тарусин, назвав причиной выжидательной позиции украинских войск разрушение поли-

тических каналов управления армией, что сделало невозможным не только сопротивление, но и организованный выход украинских войск с полуострова [18: 244]. Такой подход вообще ставит под вопрос изначальное желание украинских войск выполнять свой профессиональный долг. Косвенно схожей позиции придерживается и Д. А. Лоншаков с версией о потенциальных серьезных последствиях разгрома ВСУ для Украины, вплоть до очередной смены политического режима в Киеве [10: 413]. Не забыта и агитационная работа в украинских воинских частях со стороны крымчан, предотвратившая выступление военных на стороне Киева [8: 267]. Наконец, в публицистике высказывается мнение об изначальном предназначении украинских войск лишь для возможной борьбы против местного населения [21: 239].

Более системно к этому вопросу подошел британский генерал-майор Мунго Мелвин, сформулировав четыре причины пассивности украинских войск: тесные контакты между украинскими и российскими военнослужащими в Крыму, дезинформация СБУ и других структур проникшими в них российскими агентами (один из таких случаев описан В. Н. Баранцом¹⁴), отсутствие волевых решений со стороны киевского командования и массовое дезертирство украинских военнослужащих [25: 616–617]. Последние два пункта частично основаны на российских источниках.

Как ни странно, слабо обсуждаемой проблемой является характер использования российских вооруженных сил в Крымской весне. На это повлияли, с одной стороны, общая эйфория от их успеха, с другой – нежелание акцентировать использование отнюдь не «мягкой» силы на территории соседнего суверенного государства. Генеральной линией отечественных историков является мнение о том, что присутствие российских военнослужащих лишь позволило избежать кровопролития и свободно осуществить крымчанам свое волеизъявление [8: 279], [21: 239]. По словам А. Р. Никифорова, российские военные не осуществляли непосредственного вмешательства в ход политических процессов в Автономной Республике Крым [14: 750]; видимо, описываемое им же давление на «неудобных» политиков осуществляли силы самообороны. По словам самих участников сопротивления, при блокировании украинских частей российские войска «всегда находились позади нас», а массовое присутствие гражданских лиц «не позволило украинским военным выполнять приказы из Киева»¹⁵.

Пользуясь ситуацией, инициативу взяли в свои руки политологи, охарактеризовав-

шие произошедшее как «гибридную войну»¹⁶. По мнению А. Н. Харьбина, в ее состав следует включить три основных компонента – информационно-психологическое давление, партизанские и диверсионные операции, а также активную роль местного населения как «пятой колонны» [20: 24]. Такой подход удобен отсутствием акцента на каком-либо упомянутом компоненте, что импонирует участникам ополчения и СМИ. С другой стороны, он оставляет лишь одно определение действиям российских военных – диверсионная операция, что вряд ли укладывается в привычное значение этого термина. Однако историки не спешат с использованием понятия «гибридная война» применительно к Крымской весне. Различный характер событий в Крыму и в Восточной Украине в 2014–2021 годах неоднократно подчеркивался и российским руководством при обосновании причин использования военных сил («чтобы не было так, как на Донбассе»). Станет ли Крымская весна изучаться как один из этапов большой «гибридной войны» – покажет время. Так или иначе, на сегодняшний момент четко озвучить несогласие с термином вновь пришлось британскому специалисту. Во-первых, Мунго Мелвин предложил собственный термин применительно к войнам нового типа – «многомерная» (multi-dimensional) война; во-вторых, он призвал не пользоваться шаблонами и исходить из конкретики, в данном случае – открытого военного базирования российских войск на полуострове и поддержки со стороны большинства местного населения [25: 628–630], что никак не ассоциируется с действиями диверсантов и партизан. Тем не менее отдельные элементы «гибридных войн» в крымских событиях присутствуют, и в их методологическом понимании Мелвин ориентируется на известную статью своего российского коллеги¹⁷.

После блестящего успеха российских военных в Крыму у общества появилась потребность в героизации характера их действий, открыто претендующей на мифотворчество. Стремление к мифологизации и сакрализации эпизодов Крымской весны было отмечено специалистами Российского института стратегических исследований. Так, к мифам отнесены термины «вежливые люди» и «идеальные солдаты» из спецподразделения «Беркут». Наличие позитивных мифов (формируемых ныне профессионалами) в статье рассматривается в качестве надежной основы агитации и пропаганды [7: 209–210], образцом чего и стал цитируемый публицистический опус.

Героизация военных сюжетов Крымской весны идет гораздо медленнее ожидаемого и выражается в работе над образом «вежливых лю-

дей», в честь которых в 2015 и 2021 годах были установлены Дни Сил специальных операций и «вежливых людей». Нехватка конкретных героев среди рядового воинского состава говорит об отсутствии жертв и относительно мирном характере операций; в научной литературе не отражены и действия конкретных руководителей, в том числе награжденных по итогам крымских событий. Однако общество всегда нуждается в объектах поклонения. В итоге затопленный в заливе Донузлав российский противолодочный корабль «Очаков» был признан «сыгравшим исключительную роль» в истории России и вызвал ассоциацию с подвигом крейсера «Варяг»¹⁸. В украинской литературе работа в данном направлении идет более активно, и даже «экзотичная процессия» (выражение В. Н. Баранца) украинской 204-й авиационной бригады на Бельбек названа «моральной победой» и «психологической атакой» на агрессивных «зеленых человечков» [23: 118].

Наиболее ярко сакрально-религиозную концепцию роли российских военных представила красноярский историк Е. А. Шушканова. Рассматривая события 2014 года как «военный конфликт нового формата», она пришла к выводу о мессианском характере действий российских военнослужащих. Такой поворот в ее интерпретации связан «с особенностью российского культурного кода, национального менталитета, русского архетипа». При этом автор признала, что мессианство как таковое не вписывается в рамки рационального подхода и ассоциируется у части интеллигенции с общественно-политическими деформациями [22: 184]. Свои претензии к использованию данного термина (напрямую связанного с Апокалипсисом) могут высказать и теологи, хотя на бытовом уровне многие крымчане действительно воспринимали российских военнослужащих как спасителей от победившего в Киеве режима. Религиозная сторона военных сюжетов вполне могла быть изучена и на вполне рациональной основе, если бы роль православных священников в Крымской весне не освещалась крайне редко¹⁹.

Никаких дискуссий ни в российской, ни в зарубежной литературе не вызвал вопрос о численности российских войск. Даже в решающие моменты крымских событий она не превысила предварительных договоренностей с Украиной и составила около 22 тыс. из допустимых 25 тыс. военнослужащих. При этом известные украинские авторы признают, что при внешней сопоставимости количественных показателей личного состава и вооружения российских и украинских войск число боеспособных батальонов наземных

сил РФ в 4,4 раза превышало показатель украинских подразделений [6: 48].

Не вызвали дискуссий и военные последствия Крымской весны. В отечественной науке они оцениваются только положительно. Это объясняется реальным достижением поставленных перед военизированными подразделениями задач и незавершенностью комплекса их последствий до настоящего времени. Но если вначале исследователи отмечали лишь качественно новый уровень развития военно-стратегического положения России, то в конце 2010-х годов значение Севастополя как военно-морской базы стало выявляться более рельефно из-за операций в Средиземноморье [13: 299]. Таким образом, вооруженные силы стали одной из сторон, усиливших свое влияние из-за Крымской весны.

ВЫВОДЫ

На сегодняшний момент изучение роли военных в Крымской весне ведется как в научной литературе, так и в публицистике при значительном превалировании последней. Это объясняется ранним этапом развития исторического знания о событиях 2014 года и специфическими функциями публицистики, в том числе в формировании массового сознания. Под влиянием общественной эйфории и узкого спектра источников историческое знание изучаемых аспектов находится в форме художественных образов и наукообразного мифотворчества. Необходимо признать, что такова специфика проблемы: военная история традиционно обрастает иррациональными образами, отвечая на идеологические и эстетические запросы общества. Тем не менее историки стремятся корректировать явные перехлесты в анализе событий, опираясь на доступную источниковую базу.

Несмотря на тактический успех «маленькой победоносной весны», в настоящий период изучение ее военных аспектов находится в «режиме ожидания». В научной литературе не обоснована ни одна версия о происхождении военнослужащих, захвативших здание Верховного Совета и Совета Министров Крыма²⁰ (для одних современников это был «вопрос не первый, не второй и даже не десятый»²¹, а других он просто раздражает [5: 91]); слабо изучены действия Черноморского военно-морского флота; не проанализирован механизм перехода на российскую сторону (так называемой «мягкой интеграции») представителей дислоцированных в Крыму украинских силовых структур (в том числе их высших чинов). Список белых пятен обширен. Но причина временного отказа от всестороннего изучения военных аспектов событий 2014 года заключается не столько в недоступности ряда ведомственных

документов, сколько в удовлетворенности общества результатами публицистического освещения недавних событий. Длинные цитаты непроверенного содержания из «документально-исторического романа» встречаются даже в научной литературе [8: 241–245]; на публицистику ссылаются и при описании количественных показателей украинской армии [14: 749]. Такая ситуация объективна и будет меняться по мере расширения источниковой базы.

Так или иначе, изучение военных аспектов не может быть искусственно изолировано от ана-

лиза как действий местных сил самообороны, так и развития ситуации на материковой части Украины. При этом необходимо акцентировать поддержку силовыми структурами именно действий регионального сообщества, которое по сути было неотделимо от военнослужащих и их семей (например, в Севастополе). Военные формирования не должны быть представлены в качестве инородного тела, исполняющего свои узкоспециализированные задачи лишь по указаниям из Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Баранец В. Н. Спецоперация Крым – 2014. М.: Комсомольская правда, 2019. 460 с.
- ² По словам председателя спецкомитета британского парламента по обороне Джулиана Льюиса (впоследствии председателя комитета по разведке и безопасности), в книге «дается удивительно краткий отчет об опасной поляризации, которая произошла к 2014 году между частями Украины (включая Крым)». По его мнению, «Мелвин не является апологетом одностороннего захвата территории Россией: его анализ великолепно сбалансирован и осмотрителен» [24: 123]. В данной статье книга Мелвина используется для сравнения с российскими точками зрения на крымские события.
- ³ Например, крымский журналист В. А. Жуков в марте 2014 года считал, что захватывать здание крымского парламента и правительства российским спецназом не имело смысла, так как депутаты и без того проголосовали бы за продиктованные из Москвы решения. Однако к началу 2015 года его позиция диаметрально изменилась, и теперь лишь под прикрытием спецназовцев депутаты «отважились» на принятие решения о референдуме: Жуков В. А. Крым в гавани. Б. м.: ЛитРес: Самиздат, 2018. Ч. 1. С. 6, 58 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=628318&p=1&ysclid=lacgj9cy51245250569> (дата обращения 12.03.2022).
- ⁴ Напр.: Усов С. А. Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003. 33 с.; Федоровых А. П. Проблема Черноморского флота в российско-украинских отношениях: 1991–2000 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 27 с.; и др.
- ⁵ Русская община Крыма: путь в Россию. Ч. 1. Воспоминания ветеранов Общины. Симферополь: Медиацентр им. И. Гаспринского, 2018. С. 63.
- ⁶ «Чегевара прилетает утром...». Воспоминания сепаратистов / В. Н. Горелов, Г. Г. Донец, С. П. Кажанов, В. А. Посметный, Е. Е. Репенков. Изд. 2-е, доп. М.: Прондо, 2016. 270 с.
- ⁷ В литературе высказаны несколько версий происхождения термина: из блога севастопольца Бориса Рожина [7: 209] и интервью сторожа здания Верховного Совета АРК (Баранец В. Н. Указ. соч. С. 222).
- ⁸ Косарев В. Е. Крымский выбор. М.: Алгоритм, 2018. С. 57.
- ⁹ Косвенно вероятность реальности съемок захвата украинских военных объектов объяснил В. Н. Баранец, говоря о постановочном характере ряда столкновений по взаимной договоренности украинских и российских военнослужащих: Баранец В. Н. Указ. соч. С. 315.
- ¹⁰ Баранец В. Н. Указ. соч. С. 318, 359.
- ¹¹ «Чегевара прилетает утром...». С. 60.
- ¹² Там же. С. 232–255.
- ¹³ Кнырик К. С. Крымский фронт Русской весны. Симферополь: Антиква, 2018. С. 80–82.
- ¹⁴ Баранец В. Н. Указ. соч. С. 316.
- ¹⁵ «Чегевара прилетает утром...». С. 254; Кнырик К. С. Указ. соч. С. 75.
- ¹⁶ По наблюдениям А. Н. Харыбина, в российской научной электронной библиотеке eLibrary до 2014 года отсутствовали публикации на тему «гибридных войн», зато в 2014–2017 годах их насчитывалось уже 288 [20: 24].
- ¹⁷ Герасимов В. В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. 27 февраля.
- ¹⁸ Горбачев С. П., Затулин К. Ф. От Третьей обороны – к Русской весне: фотоальбом. Севастополь, 2015. С. 74–75.
- ¹⁹ Пророссийская поддержка со стороны православных служителей видна визуально из опубликованных фотоматериалов: Горбачев С. П., Затулин К. Ф. Указ. соч. С. 25, 76–81.
- ²⁰ В случае подтверждения данных К. С. Кнырика о взятии 27.02.2014 г. здания Верховного Совета Крыма силами севастопольского «Беркута» (схожей информацией располагал и экс-глава СБУ Е. К. Марчук), роль севастопольцев в событиях Крымской весны можно будет признать ведущей: Кнырик К. С. Указ. соч. С. 71.
- ²¹ «Чегевара прилетает утром...». С. 149.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. В. Конкуренция России и НАТО в Черноморском регионе: военные аспекты // Потемкинские чтения: Сб. материалов II Междунар. науч. конф. / Отв. ред. О. В. Ярмак. Севастополь, 2017. С. 75–76.

2. Баранов А. В. Этнополитические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. 235 с.
3. Быков А. Н. Украинские события и их воздействие на интеграционный процесс на постсоветском пространстве // Вестник научной информации. М.: ИЭ РАН, 2015. № 2: Украинский кризис: причины, эволюция, уроки. Ч. 1. С. 61.
4. Верхотуров Д. Н. Военная история Крыма. От Ивана Грозного до Путина. М.: Яуза, 2016. 288 с.
5. Григорьев М. С., Ковитиди О. Ф. Крым: история возвращения. М.: Кучково поле, 2014. 400 с.
6. Донбасс и Крым: цена возвращения / В. П. Горбулин, А. С. Власюк, Э. М. Либанова, А. Н. Ляшенко. Киев: НИСИ, 2015. 224 с.
7. Кризис на Украине и крымские события 2014: практика информационной войны. М.: РИСИ, 2015. 628 с.
8. Крым в новейшей истории российско-украинских отношений / В. Г. Егоров, С. Я. Лавренов, О. А. Зозуля, Д. М. Майборода. СПб.: Алетейя, 2021. 364 с.
9. Куренков Г. А. На стыке истории, права и защиты информации (вопросы изучения истории государственной тайны) // Историческая наука в XXI веке в фокусе современного гуманитарного знания: традиции, новации, преемственность. Рязань: РязГУ, 2016. С. 84–88.
10. Лоншаков Д. А. Деятельность российской армии по обеспечению мирного характера воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура. Краснодар: КубГУ, 2019. С. 408–414.
11. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли как предмет историографического исследования // Проблемы историографии и истории общественной мысли: к 75-летию академика М. В. Нечкиной. М.: Наука, 1976. С. 233–243.
12. Морозов И. Л. «Крымский прецедент» в геостратегии современной России // Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура. Краснодар: КубГУ, 2019. С. 341–349.
13. Мохов А. В., Сениюшкина Т. А., Муравьева Н. Н. Воссоединение Крыма с Россией как геополитический процесс // Причерноморье в контексте обеспечения национальной безопасности России. Краснодар: КубГУ, 2020. С. 297–301.
14. Никифоров А. Р. «Крымская весна» 2014 г. // История Крыма: В 2 т. / Под ред. А. Ю. Юрасова. М.: Кучково поле, 2019. Т. II. С. 741–752.
15. Никифоров А. Р. «Крымская весна»: замыкая круг // Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны». М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 210–224.
16. Олейник А. Н. Аналитический обзор событий «Россия – Украина» // Политическая концептология. 2014. № 4. С. 197–216.
17. Соколов Д. В. Историография «Крымской весны»: интерпретации, проблемы и перспективы // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1 (12). С. 158–170.
18. Тарусин П. В. «Крымская весна»: выбор пути на историческую родину // Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны». М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 225–252.
19. Томсинов В. А. Референдум о сецессии в конституционном и международном праве // Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция «крымской весны». М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 83–105.
20. Харьбин А. Н. Присоединение Крыма к России в 2014 году: особенности и основные проблемы // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2018. № 3 (23). С. 22–29.
21. Широкоград А. Б. Крым – 2014. Как это было? М.: Вече, 2016. 352 с.
22. Шушканова Е. А. Военный конфликт в контексте проблемы русского мессианства (на историческом примере присоединения Крыма) // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX – начала XXI в. Стерлитамак: БашГУ, 2019. С. 181–187.
23. Березовець Т. В. Анексія: Острів Крим. Хроніки «гібридної війни». Київ: Брайт Стар Паблішинг, 2015. 391 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/book/berezovets_taras/aneksya_ostrv_krim_hronki_gbridnoy_vuni.html (дата обращения 20.02.2022).
24. Lewis J. Рец. на кн.: Melvin M. Sevastopol's Wars: Crimea from Potemkin to Putin. Oxford; New York: Osprey Publishing, 2017. 752 p. // British Journal for Military History. 2017. Vol. 4, № 1. P. 122–124.
25. Melvin M. Sevastopol's Wars: Crimea from Potemkin to Putin. Oxford; New York: Osprey Publishing, 2017. 752 p.

Поступила в редакцию 08.04.2022; принята к публикации 05.09.2022

Review article

Ivan V. Savitsky, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
sawiz@onego.ru

RUSSIAN RESEARCHERS AND PUBLICISTS ON THE ROLE OF THE MILITARY IN THE CRIMEAN SPRING

Abstract. The paper addresses the military aspects of the 2014 Crimean Spring events covered by Russian historiography, historical journalism and some documentary features. The research was aimed at framing the fundamental questions concerning the military history of the Crimean Spring and systematizing the findings of Russian researchers. The author analyzed how the researchers perceived the reasons for the military operation, the composition of the forces, the beginning of their heroization, the reasons for the Ukrainian troops' inefficiency, and the general nature of the Russian military operations. This particular research topic has been less popular than other dimensions of the Crimean Spring due to the limited availability of sources and incomplete comprehension of the "Crimean" phase of Russia-

Ukraine relations by early 2022. The lack of retrospective interpretation explains why researchers as well as the general public have been satisfied with the results of journalistic investigations. The author concludes that the researchers demonstrate unequal levels of interest in various armed participants and events of the Crimean Spring and that it would not be correct to describe these events as a “hybrid war”. The research findings revealed the discrepancy between the public opinion and an enhanced role of professional soldiers, the researchers’ rare attempts to overcome the limitations of the sources, and the beginning of the 2014 events heroization. With all the variety of local defense groups, it is necessary to analyze the actions of the Russian troops only as one part of the Crimean Spring equation. The author retrieved all the study materials from open sources and compared Ukrainian and British opinions with those of the Russian experts. The research may be continued or expanded in the future with the expansion of the source base.

Key words: Crimean Spring, historical knowledge, journalism, military history, “polite people”, people’s army

For citation: Savitsky, I. V. Russian researchers and publicists on the role of the military in the Crimean Spring. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):27–36. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.832

REFERENCES

1. Baranov, A. V. Competition of the Russian Federation and NATO in the Black Sea region: military aspects. *Potemkin Readings: Proceedings of the II international research conference*. Sevastopol, 2017. P. 75–76. (In Russ.)
2. Baranov, A. V. Ethno-political conflicts in the northwestern Caucasus and Crimea: comparative analysis. Rostov-on-Don, 2015. 235 p. (In Russ.)
3. Bykov, A. N. Events in Ukraine and their impact on the integration processes on the former Soviet Union territory. *Scientific Bulletin*. Moscow, 2015. No 2: Ukrainian crisis: reasons, evolution, lessons. Part 1. P. 61. (In Russ.)
4. Verhoturov, D. N. Military history of Crimea. From Ivan the Terrible to Vladimir Putin. Moscow, 2016. 288 p. (In Russ.)
5. Grigor’ev, M. S., Kovitidi, O. F. Crimea: history of return. Moscow, 2014. 400 p. (In Russ.)
6. Donbass and Crimea: the price of return. (V. P. Gorbulin, A. S. Vlasyuk, E. M. Libanova, A. N. Lyashenko). Kyiv, 2015. 224 p. (In Russ.)
7. Ukrainian crisis and the Crimean events of 2014: information war practices. Moscow, 2015. 628 p. (In Russ.)
8. Crimea in the contemporary history of Russia-Ukraine relations. (V. G. Egorov, S. Ya. Lavrenov, O. A. Zozulya, D. M. Maiboroda). St. Petersburg, 2021. 364 p. (In Russ.)
9. Kurenkov, G. A. At the junction of history, law and information protection (study of state secrets history). *Historical science in the XXI century in the spotlight of modern humanitarian knowledge: traditions, innovations, continuity*. Ryazan, 2016. P. 84–88. (In Russ.)
10. Lonshakov, D. A. Actions of the Russian army aimed at peaceful Crimea’s reunification with the Russian Federation. *The Black Sea region in the context of Russian civilization: history, politics, culture*. Krasnodar, 2019. P. 408–414. (In Russ.)
11. Mogilnitsky, B. G. History of historical thought as a subject of historiographical research. *Issues of historiography and social thought history: celebrating the 75th anniversary of academician M. V. Nechkina*. Moscow, 1976. P. 233–243. (In Russ.)
12. Morozov, I. L. “Crimean precedent” in modern Russia’s geostrategy. *The Black Sea region in the context of Russian civilization: history, politics, culture*. Krasnodar, 2019. P. 341–349. (In Russ.)
13. Mokhov, A. V., Senyushkina, T. A., Muravyova, N. N. Crimea’s reunification with the Russia as a geopolitical process. *The Black Sea region in the context of safeguarding Russia’s national security*. Krasnodar, 2020. P. 297–301. (In Russ.)
14. Nikiforov, A. R. The “Crimean Spring” of 2014. *History of Crimea: In 2 vols.* (A. Yu. Yurasov, Ed.). Moscow, 2019. Vol. II. P. 741–752. (In Russ.)
15. Nikiforov, A. R. The “Crimean Spring”: coming full circle. *The Crimeans’ right to self-determination: prerequisites and evolution of the “Crimean Spring”*. Moscow, 2020. P. 210–224. (In Russ.)
16. Oleinik, A. N. Analytical review of the events “Russia-Ukraine”. *The Political Conceptology*. 2014;4:197–216. (In Russ.)
17. Sokolov, D. V. “Crimean Spring” historiography: interpretations, issues, perspectives. *Journal of Historical Research*. 2018;1(12):158–170. (In Russ.)
18. Tarusin, P. V. The “Crimean Spring”: choosing a way to the historical homeland. *The Crimeans’ right to self-determination: prerequisites and evolution of the “Crimean Spring”*. Moscow, 2020. P. 225–252. (In Russ.)
19. Tomsinov, V. A. Secession referendum in constitutional and international law. *The Crimeans’ right to self-determination: prerequisites and evolution of the “Crimean Spring”*. Moscow, 2020. P. 83–105. (In Russ.)
20. Kharybin, A. N. The annexation of Crimea to Russia in 2014: features and basic problems. *National Security and Strategic Planning*. 2018;3(23):22–29. (In Russ.)
21. Shirokorad, A. B. Crimea – 2014. How did it all happened? Moscow, 2016. 352 p. (In Russ.)
22. Shushkanova, E. A. Military conflicts in the context of Russian messianism (the historical example of Crimea annexation). *Russia in wars and local military conflicts of the XX and the early XXI centuries*. Sterlitamak, 2019. P. 181–187. (In Russ.)
23. Berezovets, T. V. Annexation: the Crimean Peninsula. Chronicle of the “hybrid war”. Kyiv, 2015. 391 p. Available at: https://royallib.com/book/berezovets_taras/aneksya_ostrv_krim_hronki_gbridnoy_vyni.html (accessed 20.02.2022).
24. Lewis, J. The book review: Melvin, M. Sevastopol’s Wars: Crimea from Potemkin to Putin. Oxford, New York, 2017. 752 p. *British Journal for Military History*. 2017;4(1):122–124.
25. Melvin, M. Sevastopol’s wars: Crimea from Potemkin to Putin. Oxford, New York, 2017. 752 p.

Received: 8 April, 2022; accepted: 5 September, 2022

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА

доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

elena-dianowa@yandex.ru

КООПЕРАТИВНАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

А н н о т а ц и я . Рассматривается кооперативная беллетристика Н. Г. Чернышевского, представленная двумя романами: «Что делать?» и «Отблески сияния». Научная новизна статьи состоит в том, что в ней анализируется кооперативный дискурс романов Чернышевского, созданных в заточении в Петропавловской крепости и на каторге в Вилуйском остроге. Нарратив данных произведений связан с кооперативной теорией товарищества, изложенной Чернышевским в статье «Капитал и труд» и «Очерках из политической экономии (по Миллю)». Актуальность исследования заключается в необходимости осмысления творческого наследия Чернышевского, одного из основоположников кооперативной теории, ее влияния на социально-экономическое развитие страны. На примере мастерской Веры Павловны и кооперативной фабрики Авроры Васильевны выявлены виды кооперативных товариществ (производительных ассоциаций), представленные в данных романах. На основе мемуаров современников Чернышевского показано влияние романа «Что делать?» на общество, особенно на революционно настроенную молодежь, которая приняла его как руководство к действию. Инициативы народнической интеллигенции по организации артельных мастерских совпали с первым этапом артельного движения. Стремление как можно быстрее осуществить задуманное дело приводило к краху артельных начинаний народников. В статье изложены причины неудач социальных экспериментов по переустройству общества на основе производительных ассоциаций. Роман «Отблески сияния» не был доступен современникам, знакомство читателей с ним произошло довольно поздно, поэтому он не оказал никакого влияния на общество. Вместе с тем литературно-художественная репрезентация производительной ассоциации, предпринятая в романе, позволяет отнести его к кооперативной беллетристике.

К л ю ч е в ы е с л о в а : кооперативная беллетристика, кооперация, производительные ассоциация, артельные мастерские

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дианова Е. В. Кооперативная беллетристика Н. Г. Чернышевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 37–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.833

ВВЕДЕНИЕ

В многочисленных исследованиях Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) представлен как писатель-демократ, литературный критик, публицист, ученый, философ-материалист, «революционер и мыслитель» [14: 109], «вождь революционно-демократического движения» [22: 870], идеолог народничества [8], социалист-утопист [18], который, по словам В. И. Ленина, «мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину»¹.

В трудах дореволюционных авторов К. А. Пажитнова², С. Н. Прокоповича³, М. И. Туган-Барановского⁴, М. Л. Хейсина⁵ Чернышевский выступает как первый теоретик русской кооперации. В советской историографии кооператив-

ные взгляды Чернышевского рассматривались в русле его социально-экономических воззрений [1], [11] и социалистических идей [30]. Всплеск интереса к теоретическому наследию Чернышевского по кооперации отмечен в годы перестройки и в постсоветский период [25], [29]. Чернышевский вновь стал считаться «духовным отцом» кооперативного движения в России, который «намного опередил свое время, предвосхитил многое из того, что и сегодня приковывает внимание» ученых [24: 124].

Научная биография и трагическая судьба Чернышевского, его философские, политические, литературно-теоретические взгляды притягивают внимание и современных исследователей [9], [13]. По-прежнему довольно высока его «востребованность» как выдающегося ученого и писателя-де-

мократа [26]. В настоящее время труды Чернышевского актуальны в связи с изучением проблем социальных изменений [16] и проектированием утопических моделей альтернативного общества [15]. С советского времени не ослабевает интерес обществоведов, литературоведов, филологов России и других стран к роману «Что делать?» [4], [20]. Историко-функциональное исследование данного произведения [31], новое прочтение романа позволили найти там модели знакового поведения в обществе [23], выявить соотношение социалистических идей, мелкобуржуазной идеологии и народного идеала [32], определить значение романа для радикальной молодежи середины 60-х годов XIX века [33]. Авторы принимают попытки несколько поправить

«иконописный лик Чернышевского, монополюбно присутствующий в советской историографии... рисуя его весьма противоречивым, неоднозначным и потому – живым и привлекательным» [2: 6].

С одной стороны, личность Чернышевского воспринимается как «общественный идеал анархиста», с другой – «от его речей и статей вовсе не “веет духом классово-борьбы”, но духом мирного социализма и просветительского реформаторства» [2: 6]. В соединении социалистических и просветительских идей воплощен синкретический характер мировоззрения Чернышевского, поскольку оно отражало и утопические теории раннего социализма Западной Европы, и представления отечественных мыслителей о самобытном характере русской общины, и новейшие учения западных экономистов о кооперации и ассоциации, и идеи европейского Просвещения.

Актуальность исследования заключается в необходимости дальнейшего осмысления творческого наследия Чернышевского, одного из первых теоретиков кооперации, его влияния на социально-экономическое развитие страны. Цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть романы Чернышевского «Что делать?» и «Отблески сияния» как кооперативную беллетристику, выявить виды кооперативных товариществ, представленные в данных произведениях; показать примеры создания артельных мастерских под влиянием кооперативной беллетристики Чернышевского и показать причины неудач осуществлявшихся на практике социальных экспериментов, соотнести их с общей практикой кооперативного движения в стране. Основными источниками стали произведения Н. Г. Чернышевского и воспоминания Н. П. Баллина, Е. Н. Водовозовой, В. А. Обручева, Л. Ф. Пантелеева, А. М. Скабичевского, Н. В. Шелгунова

и других его современников, труды экономистов В. П. Воронцова и В. С. Садовского.

КООПЕРАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ТОВАРИЩЕСТВА

Социально-экономические взгляды Чернышевского формировались под влиянием трудов европейских социалистов-утопистов, предлагавших «ведение лучшего порядка» на основе ассоциации, способного обеспечить «переход к такому устройству экономического производства, которое может дать благосостояние целому народу»⁶. В Россию из Западной Европы вместе с учением утопического социализма попали и кооперативные идеи «духовных отцов» кооперации Роберта Оуэна, Анри Сен-Симона, Шарля Фурье. Особенно большое воздействие на Чернышевского и его современников оказало учение Фурье, привлекавшее тем, что оно как будто давало готовый рецепт изменения производственных отношений путем создания производительных ассоциаций. По мнению адептов фурьеризма, «счастье на земле состояло в преобразовании общества путем фаланг и фаланстеров Фурье»⁷.

Оценивая развитие революционных идей в России, А. И. Герцен заметил, что

«петербургской учащейся молодежи больше подходит фурьеризм... который стремился к немедленному претворению в жизнь, требовал практического приложения, который тоже мечтал, но основывал свои мечты на арифметических выкладках и скрывал свою поэзию под именем промышленности, а любовь к свободе – под объединением рабочих в бригады», поэтому «фурьеризм должен был найти отклик в Петербурге»⁸.

Наряду с учением Фурье ранние дневниковые записи и письма Чернышевского свидетельствуют о его увлечении трудами французского социалиста Луи Блана «Организация труда» («Organisation du travail». Париж, 1839) и «Социализм. Право на труд» («Le socialisme. Droit au travail». Париж, 1848), что подтверждает его собственное признание: «Теоретически я всегда более сочувствую Луи Блану, потому что он первый был моим учителем»⁹. В советской историографии Луи Блана (1811–1882), активного участника революции 1848 года и деятеля рабочего движения Франции, называли родоначальником оппортунизма и реформизма (луиблановщины). Между тем в истории и теории кооперации Луи Блан известен как один из основоположников учения о производительных ассоциациях. Он выступал за всемерную правительственную поддержку кооперативных мастерских и государственную организацию производительных ассоциаций среди рабочих.

По примеру французских социалистов Чернышевский занялся теоретическим обоснованием «союзного (коллективного) производства» на основе принципа ассоциации (кооперации). В статье «Капитал и труд», опубликованной в журнале «Современник» в 1860 году, он представил проект организации товарищества, взятый из книги «Организация труда» Луи Блана. В «Очерках из политической экономии (по Миллю)» Чернышевский повторил план создания товарищества и заметил, что для написания статьи «Капитал и труд» «нам вздумалось взять в пример тогда Луи Блана»¹⁰.

Автор статьи «Капитал и труд» не только популяризировал западные идеи об организации производительных ассоциаций, но и предлагал свой план осуществления «теории товарищества». По мнению Чернышевского, в основе эффективности производства лежит «принцип о соединении труда и собственности в одних и тех же лицах и из права собственности каждого лица на продукты его труда». Лучшей формой соединения свободного хозяйствования и личного интереса работника Чернышевский считал объединение трудящихся в кооперативное товарищество (производительную ассоциацию): «Товарищество есть единственная форма, при которой возможно удовлетворение стремлению трудящихся к самостоятельности»¹¹. Организацией товарищества должен заниматься инициативный человек, давший «надлежащие гарантии знания и добросовестности». Правительство назначает его директором товарищества, а тот, в свою очередь, обладает властью «с осмотрительностью» принимать людей в члены товарищества. Контроль за деятельностью директора осуществляет «промысловый совет». По истечении года товарищество имеет право отказаться от услуг директора и выбрать «всех своих управителей»¹². Товарищество создается путем объединения 1500–2000 человек обоего пола. По уставу, вступление в товарищество осуществляется на добровольных началах, «по своему желанию»; «выходить из него каждый может, когда ему вздумается». Все желающие записаться должны понимать, что

«товарищество существует для возможно большего удобства и благосостояния своих членов, что сущность его состоит в устройстве, по которому каждый работник был бы свободным человеком и трудился бы в свою пользу, а не в пользу какого-нибудь хозяина».

По роду своей деятельности товарищество «будет заниматься и земледелием, и промыслами или фабричными делами, какие удобны в той местности», при разделении труда возможна «живая смена разнообразных занятий»¹³.

Чернышевский был убежден в возможности осуществления плана по организации производственных товариществ: «Нам кажется, что во всем этом нет пока ровно ничего особенно ужасного и стеснительного», поскольку главными принципами объединения были добровольность, самостоятельность, свобода выбора, отсутствие всякого принуждения:

«Живи, где хочешь, живи, как хочешь, только предлагается тебе средства жить удобно и дешево и кроме обычной платы получать дивиденд. Если и это стеснительно, никто не запрещает отказываться от дивиденда»¹⁴.

Казалось, что кооперативная теория в простом, доступном изложении найдет своих приверженцев и последователей, которые сразу же возьмутся за организацию производительных ассоциаций. Однако должного эффекта не последовало. Пространственный текст статьи «Капитал и труд», как и других трудов Чернышевского, оказался сложен для восприятия и понимания. Так, революционер и сотрудник журнала «Современник» начала 1860-х годов Владимир Александрович Обручев (1836–1912) признавался: «Статьи Николая Гавриловича были вообще для меня трудноваты, а некоторые из них я даже не покушался читать»¹⁵. Поэтому не стоит удивляться тому, что статья Чернышевского «Капитал и труд» не вызвала такого живейшего интереса со стороны читателей, как созданный в Алексеевском равелине Петропавловской крепости роман «Что делать?», который был начат 14 декабря 1862 года (в день восстания декабристов) и закончен 4 апреля 1863 года. Публикация романа состоялась в том же году в журнале «Современник» в № 3, 4 и 5.

КООПЕРАТИВНАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА: РОМАН «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Неоднократно отмечалось, что с художественной точки зрения роман «Что делать?» Чернышевского не выдерживает никакой критики, что данное произведение вовсе и «не роман в том смысле, как это принято понимать, а публицистический трактат на социально-общественную тему»¹⁶, но вместе с тем он считается первым произведением из кооперативной беллетристики, где в литературной форме изложены идеи Луи Блана об организации производительной ассоциации. В романе дается прямое указание на сходство предприятия Веры Павловны с западноевропейскими производственными товариществами. В то же время роман «Что делать?» с полным основанием можно назвать фурьеристским. Чернышевский «проповедовал – в прикровенной форме, но вполне по-

нятно для читателей – фурьеризм, изображая в привлекательном виде коммунистические ассоциации производителей»¹⁷. В целом фурьеристский контекст романа отчетливо проявился в знаменитых снах Веры Павловны, где дана репрезентация социальной утопии Фурье с картинами будущего идеального общества, земледельческими ассоциациями (фалангами) и хрустальными дворцами-фаланстерами [10].

Что касается кооперативного дискурса романа «Что делать?», то на примере мастерской Веры Павловны показано, как можно быстро и без особых хлопот устроить ассоциацию или товарищество: «Основания были просты, вначале даже так просты, что нечего о них и говорить; дело не представляло ничего особенного»¹⁸. У вдумчивого читателя возникали вопросы о материальной стороне дела: «На какие средства основана мастерская, закуплены материалы, машины, взято в аренду помещение?» По всей видимости, швейная мастерская основана на средства Веры Павловны. Также можно предположить, что Чернышевский, как последователь Луи Блана, в создании производительных ассоциаций рассчитывал на государственную помощь и получение денежной субсидии от правительства, которое назначало директора ассоциации. Вера Павловна, руководитель товарищеской мастерской, проявила себя как «хорошая хозяйка, у которой дело пойдет: умеет вести». Ей оставалось только набрать умелых и добросовестных работниц, причем в мастерской обещали давать «плату несколько, немного побольше той, какую швеи получают в магазинах»¹⁹.

Чернышевский не скрывал от читателей, что в простом, на первый взгляд, деле по устройству кооперативной мастерской могут возникнуть трудности, избежать которые поможет знание экономических основ товарищества. Главное условие успешности кооперативного предприятия состоит в умелом ведении дел и хозяйственном расчете, но не менее важным является правильное распределение дивиденда:

«Труднее всего было развить понятие о том, что простые швеи должны все получать одинаковую долю из прибыли, хотя одни успевают зарабатывать больше жалованья, чем другие, что швеи, работающие успешнее других, уже достаточно вознаграждаются за успешность своей работы тем, что успевают зарабатывать больше платы»²⁰.

Для Чернышевского очень важной «была проблема более равномерного общественного распределения». В мастерской Веры Павловны «господствовало равенство как наиболее справедливый принцип распределения»²¹, поэтому прибыль равномерно делилась между всеми чле-

нами артели: «Они работают на свой собственный счет, они сами хозяйки; потому они получают ту долю, которая оставалась бы в прибыли у хозяйки магазина»²². Распределение прибыли в товариществе демонстрировало «результат общего характера мастерской, результат ее устройства, ее цели». Цель артельной мастерской –

«всевозможная одинаковость пользы от работы для всех, участвующих в работе, каковы бы ни были личные особенности; что от этого характера мастерской зависит все участие работающих в прибыли; а характер мастерской, ее дух, порядок составляется единодушным всех, а для единодушия одинаково важна всякая участница: молчаливое согласие самой застенчивой или наименее даровитой не менее полезно для сохранения развития порядка, полезного для всех, для успеха всего дела, чем деятельная хлопотливость самой бойкой или даровитой»²³.

Наряду со швейной мастерской на артельных началах появились ссудный кооперативный банк, агентство для совместных покупок продуктов потребления (потребительное общество), кооперативное общежитие. На Невском проспекте был открыт кооперативный магазин с названием «Au bon travail. Magasin des Nouveautés» – «На хорошей работе. Магазин новинок». Однако название магазина оказалось далеко небезобидным с точки зрения политической благонадежности. В романе есть намек на вызов Кирсанова в Третье отделение, орган политического розыска и управления высшей (жандармской) полицией, где жандармы указали на непозволительный смысл названия магазина. Слова «Au bon travail» для полиции означали,

«что надобно все магазины так устроить, тогда только будет хорошо рабочему сословию. И само слово travail – это ясно – взято из социалистов, это революционный лозунг»²⁴.

Слово travail в сознании властей ассоциировалось с формулой французских социалистов-утопистов, в частности Луи Блана, – droit au travail (право на труд). Книга Луи Блана «Социализм. Право на труд» («Le socialisme. Droit au travail») не раз использовалась русскими революционными деятелями. В «интересах общественной пользы» вместо старой вывески «Au bon travail» появилась новая – «A la bonne foi» – «В добросовестности» или «В доброй вере», что с точки зрения охраны имело даже оттенок консерватизма. В результате заменой слова travail словом foi общество было «спасено от опасности пропаганды социализма»²⁵.

Привлекателен результат работы кооперативной мастерской:

«Вместо бедности – довольство; вместо грязи – не только чистота, даже некоторая роскошь ком-

нат; вместо грубости – порядочная образованность; все это происходит от двух причин: с одной стороны, увеличивается доход швей, с другой – достигается очень большая экономия в их расходах»²⁶.

Таким образом, кооперативная теория товарищества Чернышевского, представленная ранее в статье «Капитал и труд», получила популярное и доступное разумению самого неискушенного читателя изложение в романе «Что делать?». Надо полагать, что Чернышевский поступал так осознанно, поскольку понимал значение литературы для духовного развития общества, особенно если из-под пера писателей и поэтов выходила «вовсе не милая безделица, а серьезная вещь, которая поболее иного указа имела влияние на судьбу народа»²⁷.

ВЛИЯНИЕ РОМАНА «ЧТО ДЕЛАТЬ?» НА ОБЩЕСТВО

По словам литератора Александра Михайловича Скабичевского (1838–1910), «влияние романа было колоссально на все наше общество». Молодежь искала

«в романе вовсе не каких-либо эстетических красот, а программы для своей деятельности, и отнюдь не верного изображения действительности, современной нам, а той, какой еще нет, но к осуществлению которой следует стремиться»²⁸.

Надо признать, что Чернышевский чутко реагировал на социальные запросы общества. Как вспоминал народник Николай Аполлонович Чарушин (1851–1937),

«в русской литературе мы искали уже не только отображения в художественных образах русской жизни, но и откликов на современность, а также образов и типов не только отрицательных, но и положительных, могущих служить нам путеводителями в нашей жизни» [12: 101].

Мемуарист Лонгин Федорович Пантелеев (1840–1919), лично знавший Чернышевского, полагал, что тот обладал некоей интуицией, позволившей ему стать «властителем дум молодого поколения» и предложить способы борьбы за лучшее будущее и образцы новых жизненных стратегий. В романе дан ответ на вопрос: «Что делать и главное, как делать?»²⁹ Чернышевский был пророком университетской молодежи, «приходившей в неистовый восторг от того, что они находили в строках, а еще больше от того, что читали потом между строками»³⁰.

Публицист и революционер-демократ Николай Васильевич Шелгунов (1824–1891) отмечал особенность «умственного движения» 1860-х годов: «Все стали думать и думать в одном направлении, в направлении свободы, в на-

правлении разработки лучших условий жизни для всех и для каждого». Появление людей, которые стали представителями или толкователями общих стремлений, смогли выразить эти стремления точными идеями и указать «точные формулы жизни», было не только «счастливой случайностью или подарком природы», но и «логической неизбежностью»³¹.

Для русской молодежи примерами для подражания явились неоднократно упоминаемые в романе «Что делать?» «добрые и умные люди» – социалисты Оуэн, Сен-Симон, Фурье, их последователи Кабе и Консидеран, а также «новые люди» – Лопухов, Кирсанов, Рахметов, Вера Павловна. Литературные образы предлагали вполне реально осуществимые инновационные концепты жизненного пути и не встречавшиеся ранее паттерны поведения. На молодежь особое впечатление производил образ Рахметова, им не только восхищались, ему стремились подражать. «Новые люди» моделировали различные способы изменения действительности, воплощая в жизнь один из главных жизненных принципов – разумный труд, основанный на равенстве, справедливости и взаимопомощи [21].

В середине – второй половине XIX века роман «Что делать?», по словам П. А. Кропоткина, для молодого поколения был «своего рода откровением». Он излагал программу деятельности по мирному преобразованию существующих порядков. Предлагаемые «в привлекательном виде» способы переустройства старого мира и созидания нового общества на кооперативных началах казались настолько осуществимы, что у действующих лиц литературного произведения нашлось довольно много последователей, стремившихся воплотить в жизнь готовые рецепты по устройству товариществ, совместных мастерских и коммун.

В воспоминаниях есть немало свидетельств о влиянии кооперативных идей Чернышевского на молодежь и юношество. Роман «Что делать?» вызвал много попыток открытия различных артельных производственных мастерских:

«Всюду начали заводиться производительные и потребительные ассоциации, мастерские, швейные, сапожные, переплетные, прачечные, коммуны для общежития, семейные квартиры с нейтральными комнатами и пр.»³²

Известный деятель российского и международного кооперативного движения Николай Петрович Баллин (1829–1904) отмечал, что

«знаменитая швейня романа “Что делать?” вызвала в России, по крайней мере, столько же подражателей, сколько вызвала подражаний Рочдельским пионерам, их история, написанная Холиоком»³³.

Напомним, что последователь кооперативных идей Роберта Оуэна и кооператор Джордж Джекоб Холиоок (1817–1906) одним из первых описал основание и деятельность Рочдельского потребительного общества. Его книга «History of cooperation in Rochdale» (1872) дала толчок возникновению в течение двух лет около 250 рабочих кооперативных товариществ. Другой его труд по кооперативной тематике «History of cooperation in England» был издан в Лондоне в 1875–1879 годах³⁴. В России книги Д. Д. Холиоока «История рочдельских пионеров» и «Современное кооперативное движение» вышли в начале XX века.

Сначала Н. П. Баллин сам проповедовал идеи Фурье, но вскоре от утопического социализма перешел к пропаганде кооперации. Особый интерес он проявлял к производительным и потребительным ассоциациям. В Харькове образовался

«целый кружок лиц, глубоко заинтересованных кооперацией. Тут витали идеи Фурье, Оуэна, здесь обращали внимание не на практические назидания Шульце-Делича, а широкую постановку английской кооперации»³⁵.

В 1868 году Н. П. Баллин стал одним из инициаторов создания Харьковского потребительного общества, под влиянием романа Чернышевского «Что делать?» в Харькове основал швейную артельную мастерскую, общежитие и кооперативную столовую.

АРТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ «В ОБЛАСТИ ПРОИЗВОДСТВА»

Кооперативные идеи определили новые социальные ориентиры и оказали воздействие на выбор жизненного пути многих молодых людей. Ко второй половине 1860-х – началу 1870-х годов относится первый этап развития артельного движения (в форме производительных ассоциаций). Этот период «отличается сильным увлечением нашего общества идеей артели и попытками применения ее к области производства»³⁶, когда все начинания передовой русской молодежи стремились к казавшейся всем самой справедливой артельной форме труда и быта. В артели объединялись не только студенты-нигилисты, но и офицеры, чиновники, художники и музыканты. Среди них – «Петербургская артель художников» (1863–1871) и «Товарищество передвижных художественных выставок» (1870–1923), созданные на кооперативных началах.

Во второй половине XIX века в «народной хозяйственной жизни» России существовали две группы артелей, отличавшихся друг от друга по способу организации. К первой группе относились «бытовые» артели, то есть «выросшие самостоятельно, как бы органически, без замет-

ного сознательного воздействия в этом смысле на народ со стороны других классов общества»³⁷. Артельные объединения кустарей создавались для приобретения и хранения сырья, сбыта готовой продукции, но они не охватывали непосредственно само производство.

В создании кустарно-промысловых артелей участвовали земства. Так, в 1870-е годы в Тверской губернии земская управа прилагала усилия к созданию гвоздарных, смолокурных и сапожных артелей. В Олонецкой губернии земское собрание выступило с предложением организовать в Вытегорском уезде смолокурные артели, а в Лодейнопольском – лесотехнические артели.

Содействие Павловской кузнечно-слесарной артели оказывало Министерство финансов вместе с Петербургским отделением Комитета о сельских ссудо-сберегательных товариществах³⁸. Поддержка правительства способствовала успешной деятельности Павловской артели в течение ряда лет.

Во вторую группу артелей входили производственные «предприятия, возникшие по инициативе лиц или учреждений, стоящих вне народа», представителей «образованного общества»³⁹. Комитет о сельских ссудо-сберегательных товариществах собирал статистические данные о количестве ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, потребительных обществ и маслодельных артелей. Сведения о производственных артелях, основанных интеллигентами, зачастую находятся в источниках личного происхождения.

В России инициаторами создания производительных ассоциаций стали революционно настроенные студенты и представители демократической интеллигенции. П. А. Кропоткин в «Записках революционера» восхищался тем, что «молодое поколение отрекалось от этого хлеба и от богатств, накопленных отцами при помощи подневольного труда людей – крепостных или закабаленных на фабрике»⁴⁰, решив самостоятельно добывать себе средства к существованию.

Именно такой жизненный путь отречения «от старого мира» выбрали члены созданного в Москве в 1863 году кружка студентов, руководителем которого стал студент Николай Андреевич Ишутин (1840–1879). Некоторые участники кружка Н. А. Ишутина были владельцами «значительных состояний», но, уйдя от родителей, объединились для совместной борьбы,

«жили по три, по четыре человека в одной комнате, никогда не расходовали больше, чем по десяти рублей в месяц на каждого, и все состояние отдавали на устройство кооперативных обществ, артелей, в которых сами работали»⁴¹.

Ишутинцы считали себя учениками Чернышевского и по примеру героев романа «Что делать?» создавали производительные ассоциации – артели и производственные мастерские. Их организация была одним из основных программных положений ишутинского кружка [6: 53]. В Москве в 1864 году Н. А. Ишутин с товарищами устроил переплетную мастерскую, в 1865 году появилась швейная мастерская сестер Ивановых, а П. А. Спиридов и А. И. Мамонтов при типографии организовали коммуну наборщиц. В Можайском уезде ишутинцы пытались устроить ватную фабрику на артельных началах и объединить рабочих в ассоциацию. В Калужской губернии они планировали организовать на артельных началах чугуноплавильный завод, а в Симбирской губернии – сельскохозяйственную ассоциацию [7: 256–301]. К сожалению, ишутинцам не удалось получить разрешения, чтобы открыть эти производительные ассоциации. По мнению В. Ф. Антонова,

«они оказались первой народнической организацией, которая из-за невозможности конструктивно сотрудничать с властями самодержавной России вынуждена была отказаться от надежд на мирное преобразование страны и перейти к подготовке и осуществлению насильственных мер уже с целью ниспровержения самого режима самодержавия, оказавшегося столь холодным в отношении к их горячим намерениям помочь народу лучше жить» [2: 165].

Зачастую у тех, кому удалось организовать товарищество и артель, дело обстояло не самым лучшим образом. В отличие от артели, выдуманной Чернышевским, настоящие мастерские не могли выдержать испытания суровой действительностью. Так, потерпел неудачу видный идеолог народничества Николай Константинович Михайловский (1842–1904), который в молодости, будучи последователем Чернышевского, пробовал организовать переплетную мастерскую по примеру героев романа «Что делать?». Как и в других подобных случаях,

«это был один из многочисленных прямых откликов на задачу, завещанную Чернышевским, столь легко и успешно осуществленную в романе “Что делать?”, но столь же легко разрушавшуюся при соприкосновении с реальной жизнью» [5: 26].

ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ АРТЕЛЬНЫХ НАЧИНАНИЙ НАРОДНИКОВ

Кооперативные мастерские, создаваемые интеллигентами, разорялись, не выдерживая конкуренции с частными фирмами и фабриками. Справедливости ради надо сказать, что Чернышевский не мог дать точных прогнозов как относительно коммерческих рисков в деятельности

ассоциации, так и срока существования товариществ, созданных на артельных началах; не имел возможности предвидеть форсмажорных обстоятельств и неблагоприятных ситуаций. Трудность первопроходцев на кооперативном пути заключалась в отсутствии опыта организации подобного рода мастерских и товариществ.

Писательница Е. Н. Водовозова в своих воспоминаниях «На заре жизни» рассказала о двух известных ей швейных мастерских, открытых по примеру и в подражание мастерской Веры Павловны, которые закрылись, «не успевши расцвести». Причины краха артельных начинаний состояли в том, что «вновь открытые мастерские были состряпаны на скорую руку», «во главе этих предприятий стояли женщины, не знающие швейного дела». Организаторы не имели начального и оборотного капитала, который складывается из членских и паевых взносов. Между тем, «приступая к устройству мастерской на новых началах, необходимо иметь средства на ее открытие, а вовсе не рассчитывать на сбор денег среди знакомых». Кроме того, «нельзя устраивать модный магазин и придавать ему нигилистическую внешность». Швейное ателье, рассчитанное на клиентов даже среднего достатка, должно привлекать их манекенами, модными журналами, зеркалами, хорошей мебелью. К заказчикам

«распорядительница мастерской обязана являться всегда одетою как настоящая мадам, хотя бы она и презирала наряды; при этом она сама должна уметь прекрасно шить, кроить и обладать изящным вкусом».

Однако данные условия противоречили взглядам демократической молодежи, демонстрировавшей «презрение к роскоши»⁴². Между тем в России в середине XIX века печатались труды о кооперации, авторы которых раскрывали определенные требования к устройству ассоциаций. Так, в Одессе вышла книга В. С. Садовского «О развитии рабочих ассоциаций как меры государственного благоустройства» (1868). В связи с массовым увлечением молодежи созданием производительных ассоциаций и рабочих артелей на кооперативных началах В. С. Садовский предупреждал о том, что применение принципа содействия (кооперации), как правило, должно начинаться с организации самых простых форм объединений – обществ взаимного вспомоществования. Они удовлетворяют «самые насущные потребности недостаточных классов» и «не требуют со стороны своих участников той степени самодеятельности и подготовки, каковою решительно не располагает рабочий класс на первых порах».

Следующая форма народных ассоциаций – потребительные общества – является «приготовительной, переходной формой к дальнейшему развитию кооперативного движения, которое стремится к кооперативному производству», предполагающему «самостоятельное занятие известной отраслью промышленности совокупными усилиями товарищей-предпринимателей»⁴³. Организация кооперативных производственных объединений проходит через определенные этапы: сначала создаются общества для оптовой закупки сырья для производства; следующей ступенью развития кооперативного производства становятся общественные магазины, через них ремесленники сбывают свою продукцию. Когда все отдельные операции сольются в одном общем предприятии и появятся совместные производственные мастерские, только тогда принцип кооперативного производства получит наиболее полное применение. Таким образом, между различными формами кооперативов существует преемственность в применении принципа содействия (кооперации), а создание производительных ассоциаций, то есть кооперативных предприятий, «составляет заключительный момент в развитии кооперативного движения»⁴⁴. Устройство производительных артелей стало очередной попыткой интеллигенции сблизиться с народом. «Действенное народничество» 1860–1870-х годов проявилось в конкретных практических действиях, поскольку «народнический интеллигент ощущал себя прежде всего деятелем, а потом уже мыслителем» [19: 231]. Неслучайно имели место попытки практического применения идеи кооперации даже

«в тех отношениях, в которых самим народом она не применялась, и в тех новых формах, которые выработаны практикой более образованных народов, но остаются нашему населению неизвестны»⁴⁵.

Применяя артельные начала «к различным сторонам народной хозяйственной деятельности», народники нарушали последовательность создания кооперативных объединений, наивно полагаясь на «коммунистический инстинкт» русского мужика. По мнению народнического экономиста В. П. Воронцова,

«господство среди крестьян формы общинного владения землей и распространение артельных предприятий было в глазах образованных людей очевидным доказательством подготовленности нашего народа к кооперативной форме ведения промышленных дел, почему казалось несомненным, что эта форма может быть применена и в тех случаях, в которых само население к ней не прибегало; что ею можно воспользоваться для организации и народного кредита, и народного производства, и сбыта продуктов народного труда»⁴⁶.

Духовную драму, а подчас настоящее горе испытали те подвижники, которые, оказавшись под влиянием «хороших людей» из романа «Что делать?», безуспешно пытались устроить артельные мастерские. У подвижников, переживших крушение своих идеалов, остались «кругом и сзади – поверженные идолы и потухшие алтари», но духовная трагедия усиливалась еще и тем, что они видели, как «сжигается то, чему поклонялись, и снова поклоняются тому, что сожигали»⁴⁷. Как следствие, с середины 1870-х до середины 1880-х годов обнаруживается «равнодушие общества к идее промышленных артелей и отсутствие сколько-нибудь широких попыток осуществления их на практике»⁴⁸, что совпадает со вторым этапом развития артельного движения. В это время из-за краха надежд, возлагавшихся на производительные ассоциации, среди русской интеллигенции зародилось скептическое отношение к заимствованию иностранного опыта по их устройству.

КООПЕРАТИВНАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА: РОМАН «ОТБЛЕСКИ СИЯНИЯ»

Идейные разочарования шестидесятников, неудачи в пропагандистской деятельности вызвали ожесточение у народников, все сильнее склонявшихся к террору как единственному способу борьбы с самодержавием. В 1879 году исполком «Народной воли» вынес смертный приговор царю Александру II. В это время в сибирской ссылке Чернышевский начал сочинять свой последний (незаконченный) роман «Отблески сияния» (1879–1883) [17]. Принципиально отвергая насилие как метод борьбы за прогресс, он «торопится остановить молодежь, отвлечь ее от них и в новых условиях жизни страны предлагает новые формы мирных преобразовательных действий». Только «здесь представлено не швейное, а кондитерское производство», называемое то товариществом, то фабрикой [2: 166].

Главная героиня романа Аврора Васильевна (Лоренька, как зовут ее дома) организовала кооперативную фабрику. На примере «товарищества Лореньки» Чернышевский представил план создания трудовой садоводческой ассоциации и кооперативного фабричного производства.

«Фабрикою называлась кондитерская мастерская, в которой готовились всевозможные конфетные и десертные продукты из фруктов, начиная с обыкновенного русского варенья и кончая самыми мудреными изобретениями французского и итальянского кондитерского искусства»⁴⁹.

Важным фактором успешной работы перерабатывающего предприятия является наличие сырьевой базы. В целях обеспечения кооператив-

ной фабрики сырьем в имении высажен «сад простых, давно акклиматизированных пород фруктовых деревьев и кустарников, не нуждающихся в прикрытии от зимнего холода... для орошения которого доставало воды в богатой обильными родниками долине». В саду

«шла постепенная замена прежних сортов этих пород новыми, лучшими, произведенными здесь посредством заботливого воспитания; и новыми в том крае породами южной Франции и северной Италии, акклиматизированными до способности выдерживать без прикрытия здешнюю зиму»⁵⁰.

В имении был создан агропромышленный комплекс: грунтовые сады, теплицы и оранжереи обеспечивали фабрику сырьем – ягодами и фруктами. Чернышевский разработал «модель сырьевого обеспечения перерабатывающих предприятий, входящих в вертикально-интегрированную структуру» [3: 211] по переработке плодово-ягодного сырья и производству кондитерских изделий. На самой фабрике внедрены современные научно-технические достижения:

«Работы на фабрике велись как в химической лаборатории; каждая печь или плита была устроена с тепломерными аппаратами, показывавшими на висевших подле нее термометрах температуру в разных частях ее»⁵¹.

Оборудование привезено из Англии, на фабрике благодаря использованию машин внедрен непрерывный цикл производства, при этом рабочий день длится всего 8 часов. Безусловно, Чернышевский показал себя «сторонником промышленного прогресса»⁵², но описание данной фабрики с передовыми производительными силами и производственными отношениями в последней четверти XIX века воспринималось как несбыточная утопия. Вместе с тем Чернышевский выполнил заложенную в социальной утопии великую идею, поскольку всякий

«утопист стремится – и в этом его сила – разбудить способность человека размышлять о плачевном состоянии общества, способность смоделировать новое общество, разбудить веру в силу человеческих рук, воздвигающих его, в возможность общественного устройства, ведущего к совершенству» [27: 222].

Надо отдать должное Чернышевскому, который предвидел возможность устройства артельных мастерских и кооперативных фабрик задолго до их появления. В России широкое кооперирование кустарных промыслов началось лишь в первые десятилетия XX века. К 1914 году, по одним данным, насчитывалось 244, по другим – 600 кустарно-промысловых кооперативов. Они объединялись в кустарно-промысловые союзы или входили в непрофильные объединения [28: 201]. Одновременно в системе потребитель-

ской кооперации отмечено развитие фабричного производства (крахмалопаточных, кожевенных, мыловаренных заводов, кондитерских фабрик, заводов сельскохозяйственных машин и других кооперативных предприятий).

Кооператоры России высоко чтити Чернышевского как основоположника кооперативной теории. Относительно производительных ассоциаций, на которые Чернышевский и его последователи второй половины XIX века возлагали большие надежды, можно сказать, что

«все-таки мысль, лежащая в их основе, получила практическое осуществление в широких размерах, но только в иной форме – именно в виде целого ряда предприятий при потребительных кооперативах и их союзах»⁵³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, кооперативная беллетристика Н. Г. Чернышевского представлена двумя романами, написанными в крайне тяжелых условиях: один – в Петропавловской крепости, другой – в Вилуйском остроге, что свидетельствует о твердой вере писателя-демократа и ученого-экономиста в производительные ассоциации как надежное средство перехода к новому строю. Нарратив данных произведений связан с кооперативной теорией товарищества, представленной Чернышевским в статье «Капитал и труд» и «Очерках из политической экономии (по Миллю)».

Кооперативный дискурс романа «Что делать?» прослеживается в вызванных им целенаправленных социальных действиях последователей Чернышевского и проявляется в активном взаимодействии людей, объединявшихся для достижения общих целей, провозглашенных в данном произведении. Событийный аспект влияния романа на общество обусловлен актуальными для того времени социокультурными, психологическими и чисто прагматическими факторами с целью сближения интеллигенции с народом. Под воздействием романа «Что делать?» по аналогии с мастерской Веры Павловны предпринимались попытки создания артельных мастерских, о чем упоминается в мемуарной литературе второй половины XIX века, в том числе в воспоминаниях Н. П. Баллина, Е. Н. Водозовой, В. А. Обручева, Л. Ф. Пантелеева, А. М. Скабичевского, Н. В. Шелгунова. Деятельность по созданию производительных ассоциаций совпала с первым этапом артельного движения во второй половине 1860-х – начале 1870-х годов. К сожалению, почти все попытки закончились неудачей. Причины неудач артельных начинаний народнической интеллигенции вытекают из характера ее

деятельности и идейных убеждений, незнания основ кооперативной теории и отсутствия опыта кооперативной работы.

На втором этапе развития артельного движения с середины 1870-х до середины 1880-х годов, когда отмечались апатия и равнодушие общества к производительным ассоциациям, в Сибири Чернышевский задумывает писать большое произведение. Сохранившаяся его часть называется роман «Отблески сияния». Данное в нем описание «товарищества Лореньки» и кооперативной фабрики с использованием электричества и машин выглядело фантастическим

проектом. Кооперативный дискурс романа «Отблески сияния» в силу специфических условий его создания выражен имплицитно. Поскольку сочинения Чернышевского были запрещены в России вплоть до первой русской революции (1905–1907), роман «Отблески сияния» не был доступен современникам, знакомство читателей с ним произошло довольно поздно, поэтому он не оказал никакого влияния на общество. Вместе с тем представленная в романе литературно-художественная репрезентация идеи товарищества и производительной ассоциации позволяет отнести его к кооперативной беллетристике.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ленин В. И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 175.
- ² Пажитнов К. А. Н. Г. Чернышевский как первый теоретик кооперации в России. М.: Моск. союз потреб. об-в, 1917. 24 с.
- ³ Прокопович С. Н. Кооперативное движение в России, его теория и практика. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. 456 с.
- ⁴ Туган-Барановский М. И. Общественно-экономические воззрения Н. Г. Чернышевского // Труды вольного экономического общества. 1910. Т. I. Кн. 1. С. 1–14.
- ⁵ Хейсин М. Л. История кооперации в России: все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. Л.: Время, 1926. 386 с.
- ⁶ Чернышевский Н. Г. Заметки в журналах. Из № 5 «Современника» // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: Госиздат, 1950. Т. 4. С. 740.
- ⁷ Хейсин М. Л. Из истории русской кооперативной мысли // Вестник кооперации. 1918. № 11–12. С. 9.
- ⁸ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 7. С. 253.
- ⁹ Чернышевский Н. Г. Дневник 22-го года моей жизни (1849–1850) // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1939. Т. I. С. 358.
- ¹⁰ Чернышевский Н. Г. «Очерки из политической экономии (по Миллю)» // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: Госиздат, 1949. Т. IX. С. 355.
- ¹¹ Чернышевский Н. Г. Капитал и труд // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: Госиздат, 1950. Т. VII. С. 20.
- ¹² Там же. С. 20, 54.
- ¹³ Там же. С. 59, 61.
- ¹⁴ Там же. С. 61.
- ¹⁵ Обручев В. А. Из пережитого // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Саратов: Саратовское кн. изд-во, 1958. Т. 1. С. 388.
- ¹⁶ Водовозова Е. Н. На заре жизни: Мемуарные очерки и портреты: В 2 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 169.
- ¹⁷ Кропоткин П. А. Идеалы и действительность в русской литературе / Пер. с англ. В. Батурицкого. СПб.: Изд. товарищества «Знание», 1907. С. 306–307.
- ¹⁸ Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях. Л.: Наука, 1975. С. 130.
- ¹⁹ Там же. С. 130, 131.
- ²⁰ Там же. С. 134.
- ²¹ Туган-Барановский М. И. Общественно-экономические воззрения Н. Г. Чернышевского // Труды вольного экономического общества. 1910. Т. I. Кн. 1. С. 3, 4.
- ²² Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях... С. 294.
- ²³ Там же. С. 134.
- ²⁴ Там же. С. 661, 665.
- ²⁵ Там же. С. 662, 663.
- ²⁶ Там же. С. 294.
- ²⁷ Чернышевский Н. Г. Участвовали ли поэты в развитии народной жизни и т. д. // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. XVI (дополнительный). М.: Госиздат, 1953. С. 392.
- ²⁸ Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001. С. 290.
- ²⁹ Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Саратов: Саратовское кн. изд-во, 1958. Т. 1. С. 269.
- ³⁰ Шелгунов Н. В. Отрывок из воспоминаний // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Саратов: Саратовское кн. изд-во, 1958. Т. 1. С. 200.

- ³¹ Шелгунов Н. В. Из прошлого в настоящее // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. Саратов: Саратовское кн. изд-во, 1958. Т. 1. С. 203.
- ³² Скабичевский А. М. Литературные воспоминания. М.: Аграф, 2001. С. 291.
- ³³ Баллин Н. П. О русском кооперативном движении 70–80-х годов // Вестник кооперации. 1910. № 2. С. 25.
- ³⁴ Голиок Джордж-Иаков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. IX. С. 54.
- ³⁵ Хейсин М. Л. История кооперации в России: все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. Л.: Время, 1926. С. 46.
- ³⁶ Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. С. 17.
- ³⁷ Там же. С. 14–15.
- ³⁸ Там же. С. 66, 67.
- ³⁹ Там же. С. 17.
- ⁴⁰ Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 270.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Водовозова Е. Н. На заре жизни: Мемуарные очерки и портреты. М.: Худ. лит., 1987. Т. 2. С. 179–180.
- ⁴³ Садовский В. С. О развитии рабочих ассоциаций как меры государственного благоустройства. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1868. С. 51, 53.
- ⁴⁴ Там же. С. 54.
- ⁴⁵ Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. С. 18.
- ⁴⁶ Там же. С. 17–18.
- ⁴⁷ Златовратский Н. Н. Золотые сердца // Златовратский Н. Н. Деревенский король Лир: Повести, рассказы, очерки. М.: Современник, 1988. С. 318.
- ⁴⁸ Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. С. 17–18.
- ⁴⁹ Чернышевский Н. Г. Отблески сияния // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. XIII. М.: Госиздат, 1949. С. 712.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Туган-Барановский М. И. Общественно-экономические воззрения Н. Г. Чернышевского // Труды вольного экономического общества. 1910. Т. I. Кн. 1. С. 12.
- ⁵³ Пажитнов К. А. Н. Г. Чернышевский как первый теоретик кооперации в России. М.: Моск. союз потреб. об-в, 1917. С. 22.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин А. В. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
2. Антонов В. Ф. Чернышевский Н. Г. Общественный идеал анархиста. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 197 с.
3. Баутин В. М., Олейников С. В. Модель сырьевого обеспечения перерабатывающих предприятий // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2013. № 2 (56). С. 211–216.
4. Вайсман М. И. Проблемы освещения романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в научной и критической литературе (1863–2010) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 3. С. 130–138.
5. Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М.: Наука, 1979. 303 с.
6. Виленская Э. С. Производительные ассоциации в России в середине 60-х годов XIX в. (из истории ишутинской организации) // Исторический вестник. 1961. № 68. С. 51–80.
7. Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М.: Наука, 1965. 487 с.
8. Володин А. И. Начало социалистической мысли в России. М.: Высш. шк., 1966. 187 с.
9. Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858). М.; СПб.: Петроглиф, 2015. 621 с.
10. Дианова Е. В. Фурьеристский контекст снов Веры Павловны // Антропология сновидений: Сб. науч. ст. по материалам междунар. конф. «Антропология сновидений», Москва, 29–31 августа 2020 г. М.: РГГУ, 2021. С. 172–178.
11. Замятнин В. Н. Экономические взгляды Н. Г. Чернышевского. М.: Госполитиздат, 1951. 448 с.
12. Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М.: Наука, 1965. 446 с.
13. Кантор В. К. «Срубленное древо жизни»: судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 527 с.
14. Коротков Ю. Н. Чернышевский Николай Гаврилович // Большая советская энциклопедия: В 30 т. Т. 29. Изд. 3-е. М.: Сов. энциклопедия, 1978. С. 109–111.
15. Мороз В. В., Рымарович С. Н. Модели альтернативного общества в социально-философских утопических проектах XIX – начала XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 10 (231). С. 5–14.

16. Никифоров Я. А. Формат социального изменения в творчестве Н. Г. Чернышевского: эволюция или революция? (историографические заметки) // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2012. Т. 12, № 4. С. 22–25.
17. Николаев М. П. Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные на каторге и в ссылке. Тула: Тульское кн. изд-во, 1959. 324 с.
18. Пантин И. К. Социалистическая мысль в России: переход утопии к науке. М.: Политиздат, 1973. 358 с.
19. Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России: 1783–1883 гг. М.: Мысль, 1986. 341 с.
20. Паперно И. Семантика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 207 с.
21. Пинаев М. Т. Н. Г. Чернышевский – романист и «новые люди» в литературе 60–70-х годов // История русской литературы: В 4 т. Т. 3. Л.: Наука, 1980. С. 80–119.
22. Плимак Е. Г., Иллерицкий В. Е. Чернышевский Николай Гаврилович // Советская историческая энциклопедия: В 16 т. Т. 15. М.: Сов. энциклопедия, 1974. С. 870–874.
23. Склейнис Г. А. Создание модели знакового в творчестве Н. Г. Чернышевского («Что делать?», «Пролог») и ее влияние на общественное сознание // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (63): В 3 ч. Ч. 2. С. 35–38.
24. Творцы кооперации: Сб. / Сост. Л. А. Самсонов. М.: Моск. рабочий, 1991. 302 с.
25. Телицын В. Л., Козлова Е. Н. Российская кооперация: что это было. М.: Собрание, 2009. 169 с.
26. Уздеева Т. М. «Востребованный» Чернышевский (Личность. Общество. Эпоха): сюжетно-композиционная структура романа «Что делать?». Грозный: ЧГУ, 2016. 120 с.
27. Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991. 404 с.
28. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк, 1861–1930. Иваново: ИВГУ, 2002. 598 с.
29. Фигуровская Н. К. «Идеал общественного благосостояния» Н. Г. Чернышевского // Кооперация. Страницы истории: Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков: В 3 т. Т. 1. Кн. 1. 30–40-е годы XIX – начало XX в. Предыстория. М.: Наука, 1998. С. 157–170.
30. Хессин Н. Г. Чернышевский в борьбе за социалистическое будущее России. М.: Мысль, 1982. 255 с.
31. «Что делать?» Н. Г. Чернышевского: историко-функциональное исследование / Отв. ред. К. Н. Ломунов; АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1990. 247 с.
32. Шоломова Т. В. Социалистическая идея, мелкобуржуазная идеология и народный идеал в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14. С. 61–64.
33. Щербакова Е. И. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» в восприятии радикальной молодежи середины 60-х годов XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. № 1. С. 59–68.

Поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 05.09.2022

Original article

Elena V. Dianova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
elena-dianowa@yandex.ru

NIKOLAY CHERNYSHEVSKY'S COOPERATIVE FICTION

Abstract. The article deals with the cooperative fiction of Nikolay Chernyshevsky, represented by his two novels *What Is to Be Done?* and *Reflections of Radiancy*. The novelty of the article lies in the fact that it deals with the cooperative discourse of Chernyshevsky's novels written when he was held captive in the Peter and Paul Fortress and later when he served his sentence in the Vilyuysk prison. The narrative of these works is connected with the cooperative theory of partnership set forth by Chernyshevsky in his article "Capital and Labor" and his "Studies on Political Economy (according to Mill)". The relevance of the present research lies in the need to comprehend the creative heritage of Chernyshevsky, one of the founders of the cooperative theory, and to evaluate its influence on the socio-economic development of the country. The workshop of Vera Pavlovna and the cooperative factory of Avrorra Vasilievna are used as examples to identify the types of cooperative partnerships (productive associations) presented in these novels. The analysis of the memoirs of Chernyshevsky's contemporaries shows the influence of his novel *What Is to Be Done?* on society, especially on the revolutionary-minded youth, who accepted it as a guide to action. The initiatives of the populist intelligentsia to organize artel workshops coincided with the first stage of the artel movement. The desire to carry out the planned work as quickly as possible led to the collapse of the artel undertakings of the Narodniks. The article outlines the reasons for the failure of social experiments to reorganize society on the basis of productive associations. The novel *Reflections of Radiancy* was not available to contemporaries, readers got to know it quite late, so it did not have any impact on society. At the same time, the literary and artistic representation of the productive association in this novel allows us to classify it as a piece of cooperative fiction.

Key words: cooperative fiction, cooperation, productive associations, artel workshops

For citation: Dianova, E. V. Nikolay Chernyshevsky's cooperative fiction. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):37–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.833

REFERENCES

1. Anikin, A. V. The journey of searching: socio-economic ideas in Russia before Marxism. Moscow, 1990. 415 p. (In Russ.)
2. Antonov, V. F. Chernyshevsky N. G. The social ideal of an anarchist. Moscow, 2000. 197 p. (In Russ.)
3. Bautin, V. M., Oleinikov, S. V. Model feedstock supply processing plants. *Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2013;2(56):211–216. (In Russ.)
4. Vaysman, M. I. Problems of interpretation of the novel “What Is to Be Done?” by N. G. Chernyshevsky in academic and literary criticism (1863–2010). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2011;3:130–138. (In Russ.)
5. Vilenskaya, E. S. N. K. Mikhailovsky and his ideological role in the populist movement of the 1870s – early 1880s. Moscow, 1979. 303 p. (In Russ.)
6. Vilenskaya, E. S. Productive associations in Russia in the mid-1960s. (the history of Ishutin’s organization). *Historical Bulletin*. 1961;68:51–80. (In Russ.)
7. Vilenskaya, E. S. Revolutionary underground in Russia (in the 1860s). Moscow, 1965. 487 p. (In Russ.)
8. Volodin, A. I. The beginning of the socialist thought in Russia. Moscow, 1966. 187 p. (In Russ.)
9. Demchenko, A. A. N. G. Chernyshevsky. Scholarly biography (1828–1858). Moscow, St. Petersburg, 2015. 621 p. (In Russ.)
10. Dianova, E. V. Fourierist context of Vera Pavlovna’s dreams. *Anthropology of dreams: Proceedings of the international conference “Anthropology of Dreams”, Moscow, August 29–31, 2020*. Moscow, 2021. P. 172–178. (In Russ.)
11. Zamyatnin, V. N. Economic views of N. G. Chernyshevsky. Moscow, 1951. 448 p. (In Russ.)
12. Itenberg, B. S. The revolutionary populism movement. Moscow, 1965. 446 p. (In Russ.)
13. Kantor, V. K. “A cut tree of life”: the fate of Nikolay Chernyshevsky. Moscow, St. Petersburg, 2016. 527 p. (In Russ.)
14. Korotkov, Yu. N. Chernyshevsky Nikolay Gavrilovich. *The Great Soviet Encyclopedia*. In 30 vols. Vol. 29. Moscow, 1978. P. 109–111. (In Russ.)
15. Moroz, V. V., Rymarovich, S. N. The models of the alternative society in socio-philosophical utopian projects of XIX – beginning of XX centuries. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law*. 2016;10(231):5–14. (In Russ.)
16. Nikiforov, Ya. A. Format of social change in N. G. Chernyshevsky’s creativity: evolution or revolution? (Historiographic notes). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2012;12(4):22–25. (In Russ.)
17. Nikolaev, M. P. Works of fiction written by N. G. Chernyshevsky in penal servitude and exile. Tula, 1959. 324 p. (In Russ.)
18. Pantin, I. K. Socialist thought in Russia: utopia’s transition to science. Moscow, 1973. 358 p. (In Russ.)
19. Pantin, I. K., Plimak, E. G., Khoros, V. G. Revolutionary tradition in Russia: 1783–1883. Moscow, 1986. 341 p. (In Russ.)
20. Paperno, I. Semiotics of behavior: Nikolay Chernyshevsky – a man of the era of realism. Moscow, 1996. 207 p. (In Russ.)
21. Pinaev, M. T. N. G. Chernyshevsky as a novelist and “new people” in the literature of the 1860s and the 1870s in the history of Russian literature. In 4 vols. Vol. 3. Leningrad, 1980. P. 80–119. (In Russ.)
22. Plimak, E. G., Illeritsky, V. E. Chernyshevsky Nikolay Gavrilovich. *The Soviet Historical Encyclopedia*. In 16 vols. Vol. 15. Moscow, 1974. P. 870–874. (In Russ.)
23. Skleinis, G. A. Formation of symbolic behavior model in N. G. Chernyshevsky’s creative work (“What Is to Be Done?”, “Prologue”) and its influence on the public consciousness. *Philology. Theory and Practice*. 2016;9(63). In 3 parts. Part 2. P. 35–38. (In Russ.)
24. Creators of cooperation: Collected volume. (L. A. Samsonov, Comp.). Moscow, 1991. 302 p. (In Russ.)
25. Telitsyn, V. L., Kozlova, E. N. Russian cooperation: what it was. Moscow, 2009. 169 p. (In Russ.)
26. Uzdeeva, T. M. “Demanded” Chernyshevsky (Personality. Society. Epoch): plot and composition structure of the novel *What Is to Be Done?*. Grozny, 2016. 120 p. (In Russ.)
27. Utopia and utopian thinking: An anthology of foreign literature. Moscow, 1991. 404 p. (In Russ.)
28. Fain, L. E. Russian cooperation: historical and theoretical essay, 1861–1930. Ivanovo, 2002. 598 p. (In Russ.)
29. Figurovskaya, N. K. “The ideal of social welfare” by N. G. Chernyshevsky. *Cooperation. Pages of history: Selected works of Russian economists, public figures, practical cooperators*: In 3 vols. Vol. 1. Book 1. From the 1830s and 1840s to the early XX century. Background. Moscow, 1998. P. 157–170. (In Russ.)
30. Hessin, N. G. Chernyshevsky in the struggle for the socialist future of Russia. Moscow, 1982. 255 p. (In Russ.)
31. Nikolay Chernyshevsky’s novel *What Is to Be Done?*: historical and functional research. Moscow, 1990. 247 p. (In Russ.)
32. Sholomova, T. V. The socialistic idea, petit-bourgeoisie ideology and popular ideal in N.G. Chernyshevsky’s novel *What Is to Be Done?* *Bulletin of Buryat State University*. 2012;14:61–64. (In Russ.)
33. Shcherbakova, E. I. Nikolay Chernyshevsky’s novel *What Is to Be Done?* in the perception of the radical youth in the mid-1960s. *MSU Vestnik. Series 8. History*. 1998;1:59–68. (In Russ.)

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА ЖУКОВСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-9776-0038; tzhukovskaya@yandex.ru

СТОЛИЧНЫЙ ГОРОД И УНИВЕРСИТЕТ: ФОРМЫ ПУБЛИЧНОСТИ И СИСТЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Исследование представляет и структурирует недостаточно изученные формы взаимодействия дореформенного университета как институции и как сообщества с внешним окружением на примере Санкт-Петербургского университета. Документы ведомственных и университетских архивов и другие источники отражают административные, социальные, культурные контакты университетской корпорации с городскими жителями и в то же время коммуникации университета как учреждения – с властями города и высшей администрацией. Сравнительно-исторические наблюдения показывают, что в начале XIX века университет существовал в достаточно замкнутом пространстве как в территориальном, так и в социальном отношении, что порождало проблему набора студентов, способных воспринимать курс наук. С развитием преподавания университет становился центром притяжения дворянской молодежи, желавшей сделать чиновную карьеру, расширяются социальные связи и общественное влияние профессоров. Такие формы публичности, как открытые лекции и диспуты, участие профессоров в работе других образовательных учреждений, членство в научных обществах и Академии наук, преподавание представителям царской семьи, а также ежегодные торжественные акты и другие университетские коммеморации, превращали университет во влиятельного актора на культурной и политической карте имперской столицы. Важное значение имело участие университета в управлении училищами столичного учебного округа, их инспектирование, аккумуляция училищной отчетности, распределение на учительские вакансии выпускников, которые превращались в агентов университета в губернских центрах. В системе бюрократического управления университет приобретал роль эксперта благодаря системе лицензирования знаний чиновников, желавших получить чин VIII класса. Столичный университет вел в данном направлении более масштабную деятельность, чем другие университеты, что отражается в количестве выданных им аттестатов и проведенных испытаний. Участие профессоров в работе ведомственных комиссий, подразделений Министерства народного просвещения, цензурование книг и журналов, издание учебных пособий, в том числе для средней школы, также способствовали упрочению репутации университета. **Ключевые слова:** история Санкт-Петербургского университета, университетские коммеморации, университетские связи, история повседневности, история Петербурга, урбанистика

Для цитирования: Жуковская Т. Н. Столичный город и университет: формы публичности и система взаимодействия в первой половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 50–56. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.834

ВВЕДЕНИЕ

Условием функционирования университета как учреждения и как сообщества «учащих и учащихся» являлись его постоянные и разнообразные контакты с институтами власти, общественными учреждениями, социальными группами, взаимодействие с городской средой и городским хозяйством. Это взаимодействие характерно как для европейских университетов Средневековья и Нового времени, так и для университетов Российской империи. Российский

университет, начиная с XVIII века и учреждения университета при Академии наук и Московского университета, был продуктом культурного трансфера, во многих отношениях повторяя западные прообразы и модели.

В университетских городах Российской империи первой половины XIX века, включая столичный Петербург, система университетских коммуникаций ориентировалась на создание максимально привлекательного для публики образа университета как «святилища учености», то есть экспертного знания, как места образования «бла-

городного юношества» для разных родов государственной службы, как источника просвещения в широком смысле.

* * *

В центре нашего внимания – ранний период истории Петербургского университета, который обрел свое название и соответствующий правовой статус только в 1819 году, на полтора десятилетия позже Казанского и Харьковского университетов. Однако административные и социальные отношения, характеризующие университетскую среду, культурные нормы и практики, присущие университетской корпорации, начали формироваться здесь задолго до 1819 года. Большое значение имел опыт Академического университета XVIII века, профессора которого читали публичные лекции с демонстрацией опытов, издавали научные и учебные сочинения, вместе со студентами участвовали в научных экспедициях, занимались переводами и литературной деятельностью, преподавали в Академической гимназии [4], [6].

В начале XIX века в Санкт-Петербурге действовал Педагогический институт, открытый как отделение предполагаемого университета в 1804 году, а в 1817 году преобразованный в Главный педагогический институт. Это учреждение осуществляло образовательные функции, присущие университетам, а также частично выполняло их миссию по управлению учебным округом на всей его территории, включая отдаленные губернии [2]. Профессора института занимались популяризацией науки в форме публичных лекций, лицензированием чиновников, желающих сдать экзамен на чин, целенаправленно готовили учителей для гимназий, а также уездных училищ (в младшем отделении института). Правомерно рассматривать деятельность названных учреждений как часть истории столичного университета и его корпорации. Этот подход основан на представлении о единстве самого сообщества студентов и профессоров, которое с переменой названия в 1819 году осталось неизменным, а также на единстве архивного комплекса Педагогического института, Главного педагогического института и Петербургского университета, хранящегося ныне в Российском государственном историческом архиве и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга [1].

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на эволюцию самих форм социальной и культурной коммуникации между университетом и столичным городом в первой половине XIX столетия. Эта эволюция прямо связана с измене-

ниями в статусе и влиянии самого университета как государственного учреждения, как научной институции и как сообщества интеллектуалов. Можно следующим образом очертить направления расширения публичной деятельности и влияния университета в социально-культурном пространстве Петербурга.

В начале XIX века всем университетам Российской империи была присуща замкнутость как в пространственном, так и в социальном отношении. Немногочисленное сообщество профессоров и студентов даже визуально отделялось от прилегающей территории оградой с караулом на входе [5: 179–185]. Пространственная обособленность Педагогического института и университета с контингентом преимущественно казенных студентов была условием деятельности этих учебных заведений в первые десятилетия XIX века. В инструкции эконому Педагогического института, данной Конференцией профессоров, говорилось:

«Эконом распоряжается тем, чтобы внутри двора у ворот была стража в любое время непрерывно, для чего имеющиеся при институте три сторожа сменялись бы по очереди, чтобы каждый в свое время... караулил у ворот безотлучно и никого из студентов без директорского билета из ворот не выпускал, чтобы в вечернее время при начале сумерек калитка ворот была замкнута, а ключ от оной находился у караульного до 8 часов, а тогда караульный отдает ключ старшему сторожу, который до утра удерживает оной у себя, чтобы караульный в вечернее время обхаживал как большой, так и малый двор, смотрел за спокойствием и тишиной в доме и предостерегал всякую опасность от огня»¹.

В этом обособлении можно усмотреть не только проявление полицейских предосторожностей, но и стремление конструировать особый мир «внутри ограды», мир уединенных научных занятий, формирующий «новых людей», будущих педагогов. Риторика Просвещения прослеживается в учредительных документах университета, инструкциях, правилах для студентов, университетских презентациях, важнейшими из которых были торжественные акты.

Что касается пространственных характеристик, то здания университета в то время не были архитектурной доминантой столицы, в отличие от величественных зданий Казанского или Дерптского университетов, выстроенных специально для них в стиле классицизма. Расположенное к Неве боковым фасадом, окруженное в первой половине XIX века торговыми зданиями и пакгаузами, здание Коллегий, в средней части которого Педагогический институт, а затем университет располагались уже в 1806–1822 годах, не имело особенной притягательности для город-

ской элиты. Пространственная изоляция Петербургского университета усилилась в связи с его переездом в начале 1820-х годов в комплекс зданий на окраине города, в район Звенигородской улицы, и пребыванием там до окончания перестройки здания Двенадцати коллегий под нужды университета.

«Просвещенный» стиль внутрикорпоративного общения поддерживался в неблагоприятных для него условиях имперской столицы, бюрократической системы управления, соблазнов большого города. Внешнее окружение не должно было отвлекать казенных студентов от занятий, продолжавшихся по 8 и более часов в день. Благодаря закрытости университета и немногочисленности самого сообщества (в Педагогическом институте около 20 профессоров преподавали 100–130 студентам, а в Петербургском университете в 1822–1825 годах студентов было всего около 80) в его стенах сложился так называемый семейный стиль отношений. Он отличался патриархальной опекой со стороны профессоров в отношении студентов, бывших в основной своей массе до середины 1830-х годов выходцами из духовного сословия. В системе этих отношений внешние контакты с городской средой ограничивались как отнимающие время и разрушающие нравы. Выход студентов за ограду был строго регламентирован, нарушение правил обучения и самовольные отлучки строго наказывались.

Длительная пространственная изоляция, а также невысокий в то время общественный статус профессоров, в значительной своей части – приглашенных в Россию иностранцев, не делали университет местом притяжения городской элиты. В этом смысле положение членов «ученого сословия» в имперской столице отличалось от положения и общественной репутации профессоров, например, в губернской Казани² или маленьком Дерпте в сторону социальной дистанцированности от столичного высшего общества. Профессор и доктор наук, имея лишь чин VII класса, не мог рассчитывать быть включенным в круг высших сановников и быть приближенным ко двору. Однако круг административных и социальных связей столичных профессоров постепенно расширялся благодаря разного рода экспертной деятельности в Военном и Морском министерствах, Горном ведомстве, приглашениям читать лекции в элитных учебных заведениях. Общественный авторитет профессуры рос также благодаря членству ведущих университетских ученых в Российской академии и Академии наук, в литературных

обществах, а также сотрудничеству с журналами и цензурской деятельностью.

Некоторые профессора приглашались к преподаванию членам царской семьи. Так, в 1810–1830-х годах лучшие профессора Педагогического института, а затем университета (М. А. Балугьянский, П. А. Плетнев, И. П. Шульгин) привлекались к преподаванию великим князьям и княжнам, и даже студенты с 1806 года получили разрешение уходить «на кондиции», то есть преподавать в свободное от лекций время детям петербургской знати, включая самих попечителей учебных округов: М. Н. Муравьева, П. А. Строганова, С. С. Уварова. Гораздо позже университетские профессора стали активно привлекаться к обсуждению и разработке университетских уставов и важных законодательных актов по управлению народным просвещением. Едва ли не первый такой опыт имел место в 1819–1823 годах, когда профессорская коллегия получила на рассмотрение проект особого устава для Петербургского университета, составленный попечителем С. С. Уваровым. Профессора высказались по многим пунктам проекта устава критически, как и эксперты Главного правления училищ³, что сделало невозможным его утверждение и осложнило положение университета на несколько лет [9].

Для чиновного мира столицы значение университетского образования определилось в 1809 году. Для реализации указа от 8 августа 1809 года об экзаменах на чин (обязательных для получения VIII класса по Табели о рангах) в Педагогическом институте, а затем в Петербургском университете действовал специальный Комитет испытаний. Он, судя по сохранившимся протоколам заседаний, собирался почти еженедельно, в разном составе, в зависимости от профиля предстоящих экзаменов, для «испытаний» в науках чиновников, в том числе прослушавших профессорские курсы. В системе бюрократических отношений Главный педагогический институт, а позже университет обеспечивали чтение открытых курсов наук для чиновников с последующими экзаменами. Интенсивность экзаменов и количество выданных Комитетом испытаний аттестатов многократно превосходили соответствующую деятельность подобных комитетов в других университетах, хорошо исследованных [10], а значит, и плотность коммуникаций университетских профессоров с чиновным миром Петербурга была велика. Кроме чтения публичных лекций на «внешнем курсе», профессора получали разрешение на private занятия. Некоторые из них открывали у себя пансионы

и полупансионы, готовя дворянских недорослей к поступлению в университет.

Преодоление университетом пространственной и социальной изоляции происходило постепенно и началось в годы управления учебным округом С. С. Уварова (1811–1821). Все более разнообразными становились способы и формы коммуницирования с городской чиновной, придворной, предпринимательской средой. Место университета на культурной карте Петербурга менялось, став устойчиво значимым к концу 1830-х годов. Это заключалось в многократном увеличении числа студентов, особенно на юридическом факультете. С момента возвращения на Стрелку Васильевского острова в 1838 году возросла публичная активность университета в форме повторяющихся торжественных актов, открытых научных диспутов, других более или менее многолюдных коммеморативных акций (празднования юбилеев, публичных экзаменов студентов, вручения медалей, университетских похорон). Так, по свидетельствам мемуаристов, большое стечение публики отмечалось уже в 1836 году на защите Н. Г. Устряловым диссертации «О возможности прагматической русской истории в нынешнее время», публика присутствовала на магистерских диспутах историка В. М. Ведрова, политэкономов В. С. Порошина и Б. Калиновского, на защите Н. Г. Чернышевским магистерской диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855). Диспут М. П. Погодина и Н. И. Костомарова «О начале Руси» проходил в «актовой зале» университета в 1860 году как публичные прения с продажей билетов. Зал был полон, и студенческая касса выручила около 2 тыс. рублей.

Среди форм университетских репрезентаций наиболее организованными были именно торжественные акты, ставшие с 1838 года ежегодными и все более ориентированными на публику. Акты включали чтение ректором университета отчета о его состоянии и деятельности, произнесение профессорами публичных речей о научных успехах в своей области, объявление о премиях, присуждаемых профессорам, и о наградах, вручаемых студентам за так называемые медальные сочинения. Актовые речи профессоров интерпретируются исследователями как форма интеллектуальной агитации и самопрезентации «ученого сословия». С. И. Посохов подчеркивал возрастающее общественное значение таких мемориальных практик (университетских юбилеев, торжественных дат, похорон) для провинциального Харькова [7], [8]. И в столичном Петербурге эти акции приобретали большой резонанс, попадали

в новостные издания, отражались в переписке и мемуарах современников.

Члены профессорской корпорации как особая группа государственных служащих, разумеется, были представлены и на общегородских публичных церемониях, таких, например, как похороны императоров и лиц императорской фамилии. Например, в марте 1826 года в дни похорон Александра I и в мае 1826 года во время погребения императрицы Елизаветы Алексеевны от университета, как и от других учреждений, делегировались представители в «печальную комиссию» и для участия в шествии, причем число лиц, которые должны были представлять университет, определялось сверху⁴.

Взаимодействие университетов с городским окружением выражалось как в мирных повседневных коммуникациях (наем жилья, получение и оказание услуг, торговля, развлечения), так и в конфликтах студентов с конкурентными социальными группами. В качестве таковых можно рассматривать младших офицеров и, реже, воспитанников военно-учебных заведений. Нередкими, в силу территориальной близости, были столкновения студентов с мастеровыми в трактирах и на улицах Васильевского острова. Компактное проживание казеннокоштных студентов и некоторых профессоров в зданиях университета, а своекоштных – в прилегающих кварталах с конца 1830-х годов превращало Васильевский остров в подобие Латинского квартала в Париже, разумеется, с поправкой на меньшую плотность заселения этой части города университетскими. Компактность размещения студентов и профессоров в кварталах, прилегающих к университету, подтверждается городскими адресными книгами и списками студентов с указанием адресов проживания.

Архивы свидетельствуют о повседневном хозяйственном и социальном взаимодействии столичного университета с городскими властями по вопросам очистки и освещения зданий и прилегающей территории, лечения студентов, полицейского наблюдения за ними. Поводы взаимодействия университетской администрации с полицией могли быть самые разные. Документы университетского архива отражают множественные казусы, очерчивающие уровни и поводы этого взаимодействия: о нарушении студентами формы и появлении их в ненадлежащем виде на улицах (наиболее распространенная ситуация), самовольных отлучках, оскорблении высоких чинов, неуплате долга, пьянстве, драках, кражах, самоубийствах, изнасилованиях, скандалах с их участием на улицах города, в театре,

в трактирах и иных столкновениях с городскими обывателями.

Университету приходилось взаимодействовать с городскими крупными и мелкими предпринимателями по делам о подрядах на выполнение самых разных работ: поставку дров и провизии, стирку белья, ремонт одежды и обуви казенных студентов, изготовление мебели, ремонтные работы в университетских зданиях и т. д. Расширяющиеся контакты привлекали в университет благотворителей, щедротами которых учреждались целевые и именные стипендии; на средства благотворителей приобретались коллекции книг, минералов, раритетов, приборов для университетских лабораторий.

Со временем для репутации университета и расширения его влияния важнейшее значение приобретают сознательно выстраиваемые контакты – с ведомствами (Военным, Морским, Горным и их учебными заведениями), литературными кругами, периодической печатью: как официальными («Журнал Министерства народного просвещения», «Журнал Министерства юстиции»), так и частными изданиями. Это было важно, поскольку С.-Петербургский университет, в отличие, например, от Казанского, в это время не имел своего периодического издания. Публикационная активность университетских профессоров нарастает также с середины 1830-х годов ввиду ужесточения условий получения ученой степени и кафедры. Издание научных и учебных книг (по 5–10 наименований на каждого профессора) становится нормой. Публикационная активность отвечает возрастающему интересу публики к естественным наукам, истории, другим областям знания. Происходит обретение университетом подобающего ему места на культурной карте Петербурга.

С каждым годом расширялась «экспансия» выпускников вначале Педагогического института, а затем университета в систему училищ столичного округа и за его пределы. Они стремились к распределению на преподавательские места, прежде всего в учебные заведения самой столицы: Царскосельский лицей, Высшее училище, губернская (впоследствии – Первая) гимназия, Горный институт, Кадетский и Пажеский корпуса, Смольный институт благородных девиц, Екатерининский институт и др. Это способствовало утверждению позиций светского европейского знания и авторитета Петербургского университета в системе образования. Со второй половины 1830-х годов, с ростом числа учащихся на юридическом факультете, в канцеляриях и присутственных местах столицы служит немало выпускников университета. Многие из них

делают стремительную карьеру, входят в круг высшей имперской бюрократии. Выпускники Восточного разряда делают блестящую дипломатическую карьеру, служат переводчиками, выпускают словари и учебные пособия по восточным языкам.

В течение предреформенных десятилетий происходит упрочение социальной репутации университета, что проявлялось в росте доли студентов-дворян, как правило, учившихся за собственный счет [3]. Так, в 1833 году из 228 студентов 164 были дворянами (с учетом обер-офицерских детей, то есть детей личных дворян). В 1848 году из 545 студентов дворянское происхождение имели 454 учащихся. В 1817–1830 годах действовавший при университете Благородный пансион стал для многих богатых родителей альтернативой «домашнему воспитанию» или устройству отпрысков на военную службу.

Однако растущему научному и социальному влиянию столичного университета долго не соответствовало слабое внимание к его успехам со стороны верховной власти. Известно, что Александр I, чтобы поддержать идею высшей педагогической школы в столице, посетил Педагогический институт в 1807 году. Визит императора был оформлен как демонстрация успехов учебного заведения, а лучшие питомцы его были вскоре отправлены в европейские университеты для подготовки к профессуре. Но, в отличие от старшего брата, Николай I был в университете лишь однажды. Известно о нескольких запланированных, но несостоявшихся его визитах в университет, в том числе в разгар Восточной войны, в августе 1854 года. Зато по его указанию под особым надзором оказывались студенты, лишь заподозренные в политической неблагонадежности, постоянный полицейский надзор осуществлялся за студентами польского происхождения.

С ростом числа студентов их присутствие в городской среде становится заметным даже визуально, благодаря униформе. Постепенно преодолевается замкнутость университета, происходит отход от «семейного стиля» отношений, университет все более подчиняется внешнему администрированию и бюрократизируется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в первой половине XIX века растут общественное влияние и авторитет «ученого сословия», соответственно, меняются и становятся все разнообразнее формы социальной коммуникации университетов с городским окружением, формы публичной

активности и способы репрезентации университета как учреждения и как сообщества. Можно сказать, что к концу 1850-х годов сложилась культура университетских репрезентаций и, соответственно, сформировалось восприятие университетского человека как интеллектуала, в отличие от чиновников других ведомств и представителей других профессий. Этот процесс ускорился на фоне качественных изменений общественной атмосферы в предреформенные годы (1855–1861) и выразился в многократном росте числа студентов, в притоке в аудитории воль-

нослушателей, среди которых с 1858 года были и женщины. Неслучайно к 1861 году университет стал центром общественно-политической активности Петербурга, которая выразилась в массовых студенческих волнениях, переходе к публичной деятельности нескольких оппозиционно настроенных профессоров (Н. И. Костомарова, К. Д. Кавелина, В. Д. Спасовича, П. В. Павлова, А. Н. Пыпина и др.). Результатом этих событий стало закрытие Петербургского университета высочайшим указом 20 декабря 1861 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1: Об открытии Педагогического института. Л. 7–7 об.
- ² Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета Т. 1. 1819–1835 / Под ред. С. В. Рождественского. Пг.: 2-я Гос. типография, 1919. С. 14–130.
- ³ Костина Т. В. Мир университетского профессора Казани. 1804–1863: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 26 с.
- ⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 659, 667, 672.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуковская Т. Н. Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности // Биографии университетских архивов / Под ред. Е. А. Вишленковой, К. А. Ильиной, В. С. Парсамова. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 114–164.
2. Жуковская Т. Н., Калинин Е. А. Дореформенный университет во главе училищ в первой половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. 2016. № 3 (156). С. 17–21.
3. Жуковская Т. Н., Казакова К. С. Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М.: Новый хронограф, 2018. 543 с.
4. Костина Т. В. Подготовка элит Российской империи в учебных заведениях Академии наук (1726–1805) // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: В 2 кн. / Сост. и отв. ред. д. и. н. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2016. Кн. I. С. 207–302.
5. Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006. 334 с.
6. Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 232 с.
7. Посохов С. И. Актуальные речи профессор-иностранцев Харьковского университета первой четверти XIX в.: трансфер университетской идеи // Вопросы образования. 2008. № 3. С. 264–274.
8. Посохов С. И. Университет и город в Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): Монография. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2014. 364 с.
9. Пустовойт И. С., Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и его нереализованный проект устава Санкт-Петербургского университета 1819 года // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, вып. 20. С. 81–103.
10. Феребов А. Н. Развитие норм указа 6 августа 1809 года в ходе его реализации в первой трети XIX в. // Российская история. 2018. № 6. С. 103–120. DOI: 10.31857/S086956870002293-3

Поступила в редакцию 16.02.2022; принята к публикации 05.09.2022

Original article

Tatiana N. Zhukovskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9776-0038; tzhukovskaya@yandex.ru

CAPITAL CITY AND UNIVERSITY: FORMS OF PUBLICITY AND SYSTEM OF INTERACTION IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. The study presents and structures insufficiently studied forms of interaction of the pre-reform university as an institution and as a community with the external environment on the example of St. Petersburg University. The

documents of departmental and university archives and other sources reflect the administrative, social, and cultural contacts of the university corporation with the city residents and at the same time the communication of the university as an institution with the city authorities and the higher administration. Comparative historical observations show that in the early XIX century the university existed in a fairly closed space both geographically and socially, which gave rise to the problem of recruiting students capable of taking a course of sciences. With the development of teaching, the university became a center of attraction for the noble youth who wanted to make an official career, while the social ties and public influence of professors started expanding. Such forms of publicity as open lectures and debates, participation of professors in the work of other educational institutions, membership in scientific societies and Academies of Sciences, teaching to representatives of the royal family, as well as annual solemn events and other university commemorations turned the university into an influential actor on the cultural and political map of the imperial capital. Of great importance was the university's participation in the management of the schools of the capital's educational circle, their inspection, accumulation of school reports, distribution of teacher vacancies among the graduates, who turned into the university agents in the provincial centers. In the system of bureaucratic management, the university acquired the role of an expert due to the system of examining and licensing those officials who wanted to receive the eighth-class rank. The capital university conducted more extensive activities in this direction than other universities, which is reflected in the number of issued certificates and conducted tests. The participation of professors in the work of departmental commissions and the departments of the Ministry of Public Education, censorship of books and magazines, publication of textbooks, including those for secondary schools, also contributed to strengthening the reputation of the university.

Key words: history of St. Petersburg University, university commemorations, university connections, everyday life history, St. Petersburg history, urban studies

For citation: Zhukovskaya, T. N. Capital city and university: forms of publicity and system of interaction in the first half of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):50–56. DOI:10.15393/uchz.art.2022.834

REFERENCES

1. Zhukovskaya, T. N. Archives of the Pedagogical Institute in St. Petersburg (1804–1819): the specificity of the reflection of the university everyday life. *Biographies of university archives*. (E. A. Vishlenkova, K. A. Ilyina, V. S. Parsamov, Eds.). Moscow, 2017. P. 114–164. (In Russ.)
2. Zhukovskaya, T. N., Kalinina, E. A. Pre-reform university in charge of colleges in the first half of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Series: Historical Sciences and Archeology*. 2016;3(156):17–21. (In Russ.)
3. Zhukovskaya, T. N., Kazakova, K. S. Anima universitatis: St. Petersburg University students in the first half of the XIX century. Moscow, 2018. 543 p. (In Russ.)
4. Kostina, T. V. Training of elites of the Russian Empire in educational institutions of the Academy of Sciences (1726–1805). *Actual past: interaction and balance of interests of the Academy of Sciences and the Russian state between the XVIII and the early XX centuries. Essays on history*. In 2 books. (I. V. Tunkina, Ed.). St. Petersburg, 2016. Book I. P. 207–302. (In Russ.)
5. Kulakova, I. P. University space and its inhabitants. Moscow University in the historical and cultural environment of the XVIII century. Moscow, 2006. 334 p. (In Russ.)
6. Margolis, Yu. D., Tishkin, G. A. For the good of the fatherland, and for the glory of the Russian people. From the history of university education in St. Petersburg in the XVIII and the early XIX centuries. Leningrad, 1988. 232 p. (In Russ.)
7. Posokhov, S. I. Assembly speeches of foreign professors of Kharkov University in the first quarter of the 19th century: transfer of the university idea. *Educational Issues*. 2008;3:264–274. (In Russ.)
8. Posokhov, S. I. Universities and cities in the Russian Empire (the second half of the XVIII and the first half of the XIX centuries): Monograph. Kharkiv, 2014. 364 p. (In Russ.)
9. Pustovoit, I. S., Zhukovskaya, T. N. S. S. Uvarov and his unrealized draft of the charter of St. Petersburg University (1819). *Proceedings of the Kola Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Research*. 2021;12(20):81–103. (In Russ.)
10. Ferebov, A. N. Development of the decree on August 6, 1809 during its implementation in the first third of the 19th century. *Russian History*. 2018;6:103–120. (In Russ.)

Received: 16 February, 2022; accepted: 5 September, 2022

ПЕТР ПАВЛОВИЧ КОТОВ

кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (Сыктывкар, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7641-2437; kotovpetr55@mail.ru

АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА РОЖИНА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

(Сыктывкар, Российская Федерация)

arojina@bk.ru

**ИНОЧЕСКИЕ ОБИТЕЛИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: КОЛИЧЕСТВО И ВИДЫ**

А н н о т а ц и я . Актуальность рассмотрения изменений политики в отношении монастырей определяется их важной ролью в имперской России и возможностью учета этого опыта на современном этапе. Целью исследования является выяснение статуса православных монастырей, процесса восстановления некоторых из них и преобразования мужских обителей в женские. Раскрытие цели осуществляется в рамках концепции «центр – периферия». В роли «центра» могли выступать епархиально-губернские, центральные церковные и светские органы власти, а также их сочетание. Применяются и общепринятые научные методы: сравнительный, аналитический, историко-типологический и др. На основе архивных и опубликованных источников анализируются количественные и типовые характеристики (включают систему подчиненности и специфику уставной деятельности) православных обителей Вологодской губернии в период от позднего феодализма до начала Первой мировой войны. По реформе 1764 года многие иноческие обители в России оказались закрыты, а оставшиеся были разделены на штатные и заштатные. Финансировались только штатные монастыри и очень редко – заштатные. В Вологодской губернии 12 монастырей стали штатными и девять – заштатными, тогда как в целом по России основная часть монастырей оказалась вне штатов. С начала XIX века в Вологодской губернии были воссозданы пять иноческих обителей. Затем статус некоторых монастырей изменялся, в том числе и в рамках феминизации обителей. В губернии был возведен новый женский монастырь, а три мужских обители были преобразованы в женские. Состояние женских обителей было значительно устойчивее, чем мужских. Два наиболее успешных монастыря были общежительными и оставались вне рамок привычных типов обителей. В целом динамика количества и типов монастырей в Вологодской губернии имела как сходства, так и отличия относительно аналогичных процессов по России.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Вологодская губерния, штатные и заштатные монастыри, приписные обители, общежительные и необщежительные монастыри

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Котов П. П., Рожина А. В. Иноческие обители Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX века: количество и виды // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 57–65. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.835

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории русских православных обителей началось с давних времен и получило особый импульс во второй половине XIX – начале

XX века. В одних трудах изучение монастырей проводилось в русле исследования православной церкви¹, в других – в центре внимания оставались собственно сами обители². В ряде трудов

освещались вопросы возникновения и функционирования монастырей в регионах, включая территорию Вологодской губернии³. В советское время изучение проблем истории иноческих обителей шло менее интенсивно и в рамках известной марксистской формулировки «Религия – опиум народа». Однако, как и в предыдущий период, создавались и обобщающие, и региональные труды, в том числе работы по Вологодской губернии, в которых затрагивались проблемы существования монастырей [1], [4], [7].

Новый всплеск интереса к монастырской истории обусловило крушение Советского государства и разрушение монополии марксистской идеологии и методологии. Стали выходить разнообразные труды по истории религии и православных обителей [3], [11], [13]. Для историков оказались доступны результаты исследований, проводимых учеными-эмигрантами. Так, И. К. Смолич в монографии «Русское монашество» рассмотрел вопрос становления института монашества на Руси и его реформирования от Крещения Руси до 1917 года. Правда, он, как и другие русские эмигранты, не ставил целью изучение монастырей в региональном аспекте [12]. В конце XX – начале XXI века развернулась довольно успешная работа по освещению истории северных монастырей [5], [8], [9], Вологодской губернии в частности⁴ [2], [10], в том числе в рамках справочных изданий [14]. Исследователи обратились к изучению различных вопросов истории иноческих обителей, возникновения и существования монастырей, их социального служения, влияния православных обителей на материальную и духовную жизнь общества. При этом остается ряд вопросов, недостаточно исследованных или не получивших развернутого отражения. На наш взгляд, нуждается в дополнительном анализе выявление истории всех православных обителей и их типологии на примере отдельных регионов России. В предлагаемой статье предпринята такая попытка по периоду с конца XVIII до начала XX века на материалах Вологодской губернии.

На основании закона от 26 февраля 1764 года в России была осуществлена секуляризация, в ходе которой было закрыто более половины монастырей⁵. Оказались упразднены 496 монастырей (56,3 %), из них 360 (53,1 %) мужских и 136 (67 %) женских [13: 59]. Этот процесс в полной мере затронул Вологодскую епархию, на территории которой были упразднены многие обители, в том числе и довольно древние. В результате секуляризации в стране осталось 318 мужских и 67 женских монастырей [13: 59]. При этом «ма-

ловотчинные», «безвотчинные» монастыри и пустыни в штаты не вносились и оставались «на своем содержании», если они имели возможность существовать за счет своих доходов – «чем донныне содержаться, и впредь содержать себя могут»⁶. Такие обители стали называться заштатными. Одновременно вводилась и другая общая по России норма: «по недостатку доходов» многие заштатные обители «упразднить, и приходскими церквами учинить» или «в другие монастыри свести (перевести в другие монастыри. – П. К., А. Р.)»⁷.

Монастыри остались на низшей ступени иерархии в структуре духовного ведомства России. Формально они подчинялись архиереям (епископам, архиепископам или митрополитам), однако на практике выполняли указы и распоряжения консисторий, духовных правлений и контролировались благочинными. При этом была предпринята попытка унифицировать статус обителей. В историографии существует несколько классификаций православных монастырей России [4: 41–44], [13: 64–65]. Применительно к периоду конца XVIII – начала XIX века для классификации монастырей, существовавших в Вологодской губернии, считаем наиболее уместным применить традиционную типологию. В зависимости от условий финансирования монастыри делились на штатные и заштатные. По форме управления – на самостоятельные и приписные. Устав устанавливал две формы жительства монашеских общин, что привело к различию общежительных и необщежительных обителей. Считаем необходимым отметить, что изначально и достаточно долгое время в источниках некоторые обители именовались *пúстынями*. Однако к концу XVIII века такое наименование утратило свое первоначальное значение, применяемое к небольшим монастырям в отдаленных уединенных местах. С начала XIX века *пúстынями* назывались даже достаточно крупные монастыри.

После секуляризации половина мужских обителей в России оказались заштатными. В штатные ведомости были внесены только 159 мужских и все учтенные 67 женских монастырей, которые разделялись на три класса. Особый статус оставался у Троице-Сергиевой лавры⁸.

По указу 1788 года «О разделении Епархий сообразно с разделением Губерний» на исследуемой территории произошло два важных события. С одной стороны, в состав Вологодской епархии была включена Великоустюгская епархия, соответственно, и все приписанные к ней монастыри – пять штатных и три заштатных. С другой стороны, Кирилловский уезд из Вологодской губернии был переведен в Нов-

городскую губернию и одноименную епархию. В результате Вологодская епархия лишалась единственного монастыря 1-го класса (Кирилло-Белозерского)⁹. В отличие от ситуации по России в целом, в Вологодской епархии количество штатных обителей превышало число заштатных. К 1796 году в ней было 12 штатных и 9 заштатных обителей. Из них ко 2-му классу относились два монастыря, к 3-му классу – 10 монастырей. «За штатом» было оставлено пять монастырей и четыре пустыни (рисунок).

В конце XVIII века наибольшее количество иноческих обителей было сосредоточено в Вологде, Великом Устюге и одноименных уездах. Здесь их насчитывалось 11, то есть более половины от общего числа монастырей по региону. На этих же территориях находились и древнейшие обители Вологодской епархии (см. рисунок). В Вологде и Вологодском уезде на 1796 год сохранилось пять (с 1801 года – шесть) монастырей, из них три штатных, в том числе один женский. Среди пяти мужских обителей две были штатными: один из наиболее старых Спасо-Прилуцкий 2-классный монастырь (основанный в 1371 году игуменом Дмитрием Прилуцким) и Спасо-Каменный Духов 3-классный монастырь (создан во второй четверти XVII века старцем Галактионом Вологодским, в миру – Гаврила Бельский). По закону 1764 года в каждой епархии следовало открыть минимум одну женскую классную обитель, каковой и стал Горный Успенский 3-классный монастырь, основанный старицей Доминикой в 1590 году¹⁰.

Наряду со штатными, после 1796 года в Вологодском уезде оказались «оставлены за штатом» Сямский Богородице-Рождественский монастырь (основан крестьянином Иваном Родионовым и другими жителями села Отводное близ Кубенского озера не позже 1524 года) и Заоникиева пустынь, основанная около 1588 года преподобным Иосифом Заоникиевским (в миру – крестьянин Илларион Амвросимов)¹¹.

В 1796 году в Великом Устюге и уезде находилось шесть иноческих обителей, переживших секуляризацию, из них четыре включались в штат (три мужских и один женский монастырь). Прежде всего упомянем наиболее древний на Севере Михайло-Архангельский 2-классный монастырь (основан в 1212 или 1216 году монахом Киприаном), к которому, вероятно, в 1764 году формально была приписана (в реальности – включена в его состав) Богородицкая Тихвинская мужская пустынь (создана в начале XV века) [14: Т. 1: 238]. Последняя с конца XVIII века не упоминалась даже в качестве приписной. Другим известным монастырем в уезде был Гле-

денский Троицкий 3-классный (по преданию, основан в конце XII – середине XIII века, но достоверные сведения о его существовании выявлены с середины XVI века). Обитель располагалась вблизи Великого Устюга. На востоке уезда оставался в штате Лальский Михайловский монастырь, основанный в XVII веке. С 1860 года он становится приписным к Михайло-Архангельскому монастырю, а часть братии перечисляется в Ульяновский Троицко-Стефановский монастырь.

Во исполнение закона в ходе секуляризации на тот момент в самостоятельной Великоустюгской епархии был создан Иоанно-Предтечев 3-классный женский монастырь¹². По одной из легенд, эту обитель в качестве мужской в 1262 году образовал татарский баскак Буга. По другим данным, ее основали праведные Иоанн и Мария Устюжские. В 1764 году монастырь был переустроен в женский. Наряду с упомянутыми в Великоустюгском уезде действовали две заштатные мужские обители: Николаево-Прилуцкий (впервые упомянут в 1561 году) монастырь и Знаменно-Филипповская пустынь (основана Филиппом Янковским (Сухонским) около 1654 года)¹³. В остальных уездах Вологодской губернии сразу после секуляризации было оставлено не более двух-трех иноческих обителей. Так, к концу XVIII века в Грязовецком уезде сохранилось три штатных мужских 3-классных монастыря: самый древний из трех, Павло-Обнорский, учрежден в 1414 году Павлом Обнорским, учеником святого Сергия Радонежского; Корнильево-Комельский создан в 1497 году преподобным Корнилием Комельским (в миру – Корнилий Крюков); Арсениево-Комельский основан, по разным сведениям, в 1529–1539 годах преподобным Арсением Комельским¹⁴.

В Кадниковском уезде находилось также три монастыря, правда, только один из них являлся штатным – Глушицкий Покровский 3-классный мужской монастырь, основанный преподобным Дионисием (Дмитрием) в 1420 году. Почти в то же время, в 1426 году, преподобный Григорий Пельшемский учредил Лопотов Богородицкий монастырь, который после 1796 года оказался заштатным. Заштатной оставалась и Семигородняя Успенская пустынь, созданная в XV веке в качестве мужской и преобразованная в 1630-х годах в женскую¹⁵.

В Тотемском уезде после 1796 года существовали две мужские заштатные обители. Прежде всего это Спасо-Суморин монастырь – основан в 1554 году в Тотьме на берегу речки Песья Деньга преподобным Феодосием Тотемским, выходцем из Вологодского Спасо-Прилуцко-

Размещение православных обителей на территории Вологодской губернии в конце XVIII – начале XX века

Location of Orthodox monasteries on the territory of the Vologda Province between the late XVIII and the early XX centuries

Примечание. Цифрами обозначены монастыри: 1 – Спасо-Прилуцкий, 2-классный, муж.; 2 – Спасо-Каменный Духов (Свято-Духов), 3-классный, муж.; 3 – Горне-Успенский, 3-классный, жен.; 4 – Сямский Богородице-Рождественский, заштатный, муж.; 5 – Спасо-Каменный, заштатный, муж.; 6 – Арсениево-Маслянская Одигитриевская пустынь, приписная, муж.; 7 – Заоникиевская пустынь, заштатная, муж.; 8 – Александро-Куштская Успенская пустынь, приписная, муж.; 9 – Белавинская пустынь, приписная, муж.; 10 – Лопотов Богородицкий, заштатный, муж.; 11 – Глушицкий Покровский, 3-классный, муж.; 12 – Покровско-Глушицкий, приписной, муж.; 13 – Семигородняя Успенская пустынь, заштатная, жен.; 14 – Катромский Николаевский, приписной, муж.; 15 – Арсениево-Комельский, 3-классный, муж. (с 1904 года – жен.); 16 – Николо-Озерская пустынь, приписная, муж.; 17 – Корнильево-Комельский, 3-классный, муж.; 18 – Павло-Обнорский, 3-классный, муж.; 19 – Спасо-Суморин, заштатный, муж.; 20 – Дедова Троицкая пустынь, приписная, муж.; 21 – Николаево-Прилуцкий, заштатный, муж.; 22 – Михайло-Архангельский, 2-классный, муж.; 23 – Иоанно-Предтечев, 3-классный, жен.; 24 – Знаменно-Филипповский, заштатный, муж. (с 1908 года – жен.); 25 – Гледенский Троицкий, 3-классный (в 1841–1896 годах – приписной), муж. (с 1912 года – 3-классный, жен.); 26 – Лальский Михайловский, 3-классный (с 1860 года – приписной), муж.; 27 – Сольвычегодский Веденский, 3-классный, муж.; 28 – Николо-Коряжемский, 3-классный (в 1863–1896 годах – приписной, с 1896 года – заштатный), муж.; 29 – Ульяновский Троицко-Стефановский, общежительный, муж.; 30 – Кылтовский Крестовоздвиженский, общежительный, жен.

го монастыря. Другая обитель – Дедова Троицкая пустынь – была основана около Тотьмы иноком Ионой в конце XVII века. В 1833 году пустынь была приписана к Спасо-Суморину монастырю и в этом качестве просуществовала до закрытия после 1917 года¹⁶.

В Сольвычегодском уезде тоже располагались два мужских монастыря, но оба были 3-классными: Николо-Коряжемский (учредили иноки Лонгин и Симон в 1535 году) и Сольвычегодский Введенский (создан в 1565 году братьями Строгановыми)¹⁷.

В Вельском, Никольском, Яренском и Усть-Сысольском уездах в конце XVIII века православных монастырей не было (см. рисунок).

С начала XIX века в России происходило как воссоздание ранее закрытых православных обителей, так и создание новых. В Во-

логодской губернии эта практика началась с возрождения одного из самых старинных мужских монастырей в регионе – Спасо-Каменного. Он был основан на Каменном острове в Кубенском озере еще в 1262 году, согласно легенде, по настоянию князя Глеба Васильковича. Древняя обитель по закону 1764 года получила статус заштатной, но в 1774 году сгорела. В 1801 году монастырь был восстановлен с присоединением к нему Белавинской Богоявленской пустыни, по именованию которой он и назывался до 1892 года, после чего было возвращено древнее название – Спасо-Каменный монастырь [2].

Вскоре после описанных событий в Вологодской епархии появляются еще две иноческие обители. Так, в 1803 году в Кадниковском уезде к Дионисиево-Глушицкому монастырю был приписан восстановленный Покровский Глушицкий мо-

настырь. Этот возобновленный монастырь был учрежден, как и Дионисиево-Глушицкая обитель, преподобным Дионисием Глушицким, но на семь лет раньше, в 1413 году. В дальнейшем обители часто именовались общим названием – Глушицкий Покровский монастырь¹⁸. Одновременно в том же уезде воссозданный Катромский Николаевский монастырь, основанный в начале XVI века иноками Дионисиево-Глушицкой обители, был присоединен к Семигородной Успенской мужской заштатной пустыни¹⁹. В 1833 году в Тотемском уезде к Спасо-Суморину мужскому монастырю была приписана Дедова Троицкая пустынь²⁰.

С 1830-х годов в России происходило создание монастырских комплексов из нескольких монастырей. Данный процесс был характерен и для Вологодской губернии. Например, к Вологодской Белавинской Спасо-Преображенской пустыни (Спасо-Каменный мужской заштатный монастырь) была присоединена воссозданная в 1833 году Александро-Куштская Успенская пустынь (образована в 1420 году преподобным Александром Куштским и на время упраздненная в 1764 году). Спустя почти 30 лет к Вологодскому Спасо-Каменному Духову мужскому штатному монастырю была присоединена возрожденная в 1861 году Арсениево-Маслянская Одигитриевская пустынь, которая была основана в 1529 году преподобным Арсением Комельским²¹. С такой же целью – усиления экономического содержания и расширения численности монашествующих – в Вологодский Горне-Успенский монастырь передавалась Николо-Озерская женская пустынь. Она была создана трудами преподобного Стефана Комельского в 1520 году в качестве мужской обители и преобразована при возобновлении деятельности в 1860 году в женскую²².

Единственным возрожденным (а может быть, основанным) монастырем, избежавшим статуса приписного, оказался Троицко-Стефановский Ульяновский монастырь. По преданию, пока не нашедшему подтверждения в источниках, монастырь был основан святителем Стефаном Пермским в 1385 году, но вскоре обитель запустела²³. В первой половине XIX века священнослужители Усть-Сысольского уезда неоднократно «высказывали мнение» о возрождении обители. Эти просьбы были услышаны, и в 1860 году Святейший синод принял указ об учреждении «при безприходной Ульяновской Спасской церкви» мужского общежительного монастыря «с настоятельством строительским»²⁴.

Следует обратить внимание на одну особенность созданной (возрожденной) Троицко-Сте-

фановской Ульяновской обители: она не получила четкого законодательного и нормативного статуса – штатного или заштатного учреждения. Не выявлено ни одного документа, по которому бы этот монастырь имел какое-либо финансирование со стороны государства. При этом напомним: даже заштатные обители получали некоторые денежные средства, пусть и несопоставимые со штатными монастырями. С другой стороны, Троицко-Стефановский монастырь однозначно определялся как общежительный и существовал только за счет собственных доходов и добровольных пожертвований. В начале XX века обитель превратилась в один из крупных и почитаемых монастырей Европейского Севера и страны в целом.

Помимо приведенного примера возобновление монастырей до начала 1860-х годов происходило в трех южных уездах Вологодской губернии. Из 29 существовавших в губернии к 1861 году обителей в упомянутых уездах оказались сосредоточены 18 монастырей, или почти 62,1 % (см. рисунок). Преобладание в них иноческих обителей сохранялось до великих потрясений 1917 года.

После 1860-х годов процесс возрождения ранее закрытых монастырей в Вологодской епархии прекратился. В 1796–1917 годах в России были восстановлены 96 обителей, из которых 8, или 8,3 % от всех по стране, – в Вологодской губернии²⁵. Однако приписные монастыри появлялись здесь и иным путем – к более крупным (обычно штатным) монастырям с начала 1830-х годов стали прикреплять действующие заштатные обители, что, правда, не практиковалось в юго-западных уездах губернии. Таким образом, в 1841 году к Устюжскому Михайло-Архангельскому 2-классному монастырю примыкают Гледенский Троицкий и с 1860 года – Лальский Архангельский монастыри²⁶. В составе Сольвычегодского Введенского монастыря с 1863 года приписным стал числиться Николо-Коряжемский 3-классный монастырь²⁷. Наибольшее число приписных монастырей в Вологодской губернии поднималось до 10, что составляло до 25 % от их количества в целом по стране.

Статус приписных монастырей в России законодательно не регламентировался, поэтому вызывает дискуссии среди ученых. Одни исследователи учитывали приписные обители в общем количестве монастырей, другие не включали их в общую массу [4: 52]. По отчетам, ведомостям и приходно-расходным книгам монастырей можно заметить, что приписные обители обладали мизерной автономностью. Сложилась практика, когда в документах фиксировались

сведения об основном монастыре, далее о приписных по тем же пунктам²⁸. Однако приписные обители не имели собственного руководства (настоятелей и казначеев) и подчинялись распоряжениям настоятеля главного монастыря. Это определяло зависимый статус приписных монастырей. Поэтому их нельзя рассматривать как самостоятельные единицы, а только в комплексе хозяйств крупных обителей.

В 1860-х годах начался новый этап существования монастырей, что обуславливалось социально-экономическими процессами, происходившими в российском обществе, которые были связаны с отменой крепостного права и проведением других буржуазных реформ. Намечается увеличение числа обителей в связи с расширением возможности пополнения иноческих обителей, прежде всего выходцами из крестьян. В дореформенный период, например, переходы удельных поселенцев в монастыри были редчайшим явлением [6]. Наиболее интенсивный рост числа монастырей в России приходится на 1880–1914 годы: ежегодно основывалось в среднем по 12 монастырей [3: 17–43]. Правда, Вологодскую губернию это явление затронуло незначительно: здесь в пореформенный период – в 1894 году появился только один новый самостоятельный Кылтовский Крестовоздвиженский женский монастырь в юго-восточной части Яренского уезда²⁹ [10]. Создание Кылтовского Крестовоздвиженского женского монастыря укладывалось в рамки намечавшегося в пореформенные годы развития феминизации монашества. Этот процесс был обусловлен проведением буржуазных реформ 1860–1870-х годов. Повторим, после отмены крепостного права крестьяне могли самостоятельно принимать монашество. С другой стороны, ослаблялось влияние общины в социальной сфере, нарастали компоненты индивидуализма и усиливались другие подобные процессы. Эти процессы затрагивали прежде всего крестьянок, что на несколько десятилетий и обусловило их повышенный приток в иноческие обители. В результате происходило приумножение женского иночества и связанное с ним массовое открытие «девичьих» обителей [3: 55]. Учреждение женских монастырей происходило преимущественно за счет преобразования женских общин в общежительные монастыри. В 1809–1889 годах в России таким способом было реорганизовано 78 монастырей³⁰.

В Вологодской епархии процесс феминизации монашества происходил позже, чем в целом по Российской империи. Здесь новые женские монастыри стали открываться только в начале XX века и сугубо путем преобразования древ-

них мужских монастырей в женские обители. Так, в 1904 году в Грязовецком уезде в женский монастырь был обращен Арсениево-Комельский монастырь, для чего из казначейства было выделено ежегодное пособие в 669 руб. 54 коп.³¹ В Великоустюгском уезде два мужских монастыря также были преобразованы в женские: в 1908 году – Знаменно-Филипповская заштатная пустынь³², в 1912 году – Гledenский Троицкий монастырь³³.

Отметим, что в России в 1796–1917 годах 27 мужских монастырей были реорганизованы в женские, из которых три обители, или 11,1 %, приходились на Вологодскую губернию. На общероссийском фоне значительно скромнее в губернии оказались результаты по открытию новых обителей. Напомним: без учета возрожденных, в 1796–1917 годах в Вологодской епархии был создан лишь один монастырь, что составляло всего 0,7 % от созданных в стране 134 обителей.

Существование монашества в Российской империи в конце XIX – начале XX века связано еще с одним явлением – отделением приписных монастырей от главных обителей. Сведения о точном количестве монастырей, статус которых изменился в результате отделения, в целом по России отсутствуют. По регионам подобные сведения получить значительно проще. Например, в Вологодской губернии два приписных монастыря стали самостоятельными: Николаево-Коряжемский монастырь (Сольвычегодский уезд) – в 1896 году и Троицкий Гledenский монастырь (Великоустюгский уезд) – в 1912 году. Напомним, что в 1892 году Белавинская пустынь была переименована в Спасо-Каменный монастырь (Вологодский уезд), то есть второй формально восстановил самостоятельность, тогда как указанная пустынь стала приписной³⁴. Восстановление самостоятельности Николаево-Коряжемской обители было связано с укреплением ее экономического благосостояния. Троицкий Гledenский монастырь получил статус самостоятельного в результате преобразования его, как указывалось, в женскую обитель.

К началу XX века общая численность монастырей в Вологодской губернии увеличилась за счет отделения приписных монастырей от главных обителей и открытия новых монастырей. Эти процессы были неразрывно связаны с расцветом женского иночества. Заметим, что в 1892 году Спасо-Каменный Духов монастырь был переименован в «Свято-Духов монастырь с оставлением его в штате»³⁵. Впрочем, прежнее название нередко продолжало употребляться в источниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в ходе секуляризации при Екатерине II в России не только продолжилась ликвидация экономической самостоятельности православной церкви, но и, по сути, оформилось включение ее в орбиту государственного бюрократического аппарата. В полной мере проявления секуляризации затронули и православные монастыри, которые являлись немаловажной частью Русской церкви. По реформе 1764 года закрылись многие иноческие обители, а оставшиеся были ранжированы. Отныне государственное обеспечение через Святейший синод получали только штатные монастыри. Объем выделяемых средств определялся в зависимости от одного из трех присвоенных монастырям классов. Ограниченное финансирование от государства получали и заштатные обители.

В Вологодской губернии в ходе секуляризации 12 монастырей стали штатными и девять – заштатными, тогда как в целом по России большинству монастырей классность не была присвоена. Затем в Вологодской губернии возродились пять православных монастырей. Однако только Ульяновская Троицко-Стефановская мужская обитель обрела самостоятельность. Остальные возрожденные монастыри оказались приписными к другим обителям. Число приписных монастырей в регионе пополнилось и за счет лишения статуса заштатной Дедовой Троицкой пустыни и трех штатных монастырей в связи

с их экономической слабостью и незначительным числом братии. Общее количество приписных обителей в Вологодской губернии в некоторые периоды доходило до 10. С другой стороны, три бывших приписных монастыря получили самостоятельность.

После отмены крепостного права и буржуазных реформ наблюдалась явная феминизация православных обителей. В Вологодской губернии этот процесс происходил с запозданием и поначалу был менее выраженным. Так, в регионе был возведен лишь один новый женский Кылтковский Крестовоздвиженский монастырь (в 1894 году). Постепенно процесс феминизации в губернии усилился, и в 1904–1912 годах три мужских монастыря были переустроены в женские. Отметим, что в целом развитие женских обителей в регионе отличалось большей положительной динамикой относительно мужских. В Вологодской губернии проявилось еще одно явление, когда динамично развивающиеся Ульяновская Троицко-Стефановская мужская и Кылтковская Крестовоздвиженская женская обители оказались вне сложившихся типов монастырей и оставались в статусе общежительных.

Следует констатировать, что изменение количества иноческих обителей и их типов в Вологодской губернии имело как сходства, так и отличия по сравнению с подобными явлениями в целом по России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. 12 томов. [Репринтное издание 1864–1886 гг.]. М., 1994–1998; Покровский И. Ф. Русские епархии в XVI–XIX вв.: В 2 т. Т. 1. Казань, 1897. 602 с.; Т. 2. Казань, 1913. 892 с. и др.
- ² Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. 984 с.; Чудецкий П. И. Опыт исторического исследования о числе монастырей русских, закрытых в XVIII и XIX веках. Киев, 1877 и др.
- ³ Лебедев В. Семигородняя Успенская пустынь, приписной Николаевский Катромской монастырь Вологодской епархии, Кадниковского уезда. Вологда, 1902. С. 68–79; Попов М. В. К истории Корнильева Комельского монастыря Грязовецкого уезда // Вологодские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1905. № 17. С. 365–366; Степановский И. К. Горний Успенский женский монастырь // Вологодская старина: Ист.-археол. сб. Вологда, 1890. С. 76–79; Суворов Н. И. Сольвычегодский Введенский монастырь и приписанный к нему Николаевский // ВЕВ. 1878. № 11. С. 195–212 и др.
- ⁴ Стикина Н. В. Повседневная жизнь русского православного монастыря во второй половине XIX – первой четверти XX вв.: на материалах Вологодской епархии: Дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2007. 276 с.
- ⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (ПСЗРИ-1). Т. XVI. № 12060. С. 549–569.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отделение III и IV. № 12060. С. 24–36.
- ⁹ ПСЗРИ-1. Т. XXII. № 16658. С. 1073–1074.
- ¹⁰ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060. С. 34, 35; Степановский И. К. Горний Успенский женский монастырь... С. 76–79.
- ¹¹ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 513. Оп. 1. Д. 9. Л. 3; Ф. 514. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
- ¹² ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060. С. 24–36; Православные русские обители... С. 72–102; Степановский И. К. Великоустюжский Михаило-Архангельский и Троицкий Гledenский монастыри // Вологодская старина: Ист.-археол. сб. Вологда, 1890. С. 154–159.
- ¹³ Муниципальное казенное архивное учреждение Великоустюжского муниципального района «Великоустюжский центральный архив» (МКАУ ВУЦА). Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 16; Д. 341. Л. 1 об.; Д. 336. Л. 3.

- ¹⁴ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12740. С. 24–36; Об обращении Арсениево-Комельского мужского монастыря Грязовецкого уезда в женский // Церковные ведомости. Прибавления. 1904. № 48. С. 1976–1977; Павло-Обнорский монастырь: (к 500-летию его существования) // Русский паломник. 1914. № 22. С. 350–354; Попов М. В. К истории Корнильева Комельского монастыря... С. 365–366.
- ¹⁵ ГАВО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 34. Л. 1; Ф. 1041. Оп. 1. Д. 86. Л. 13.
- ¹⁶ Там же. Д. 113. Л. 1 об.
- ¹⁷ ПСЗРИ-1. Т. XLIV. Часть вторая. Книга штатов. Отд. III и IV. № 12060. С. 24–36; Николаевский Коряжемский монастырь Сольвычегодского уезда Вологодской губернии // ВЕВ. 1901. № 5. С. 126–129; Суворов Н. И. Сольвычегодский Введенский монастырь... С. 195–212.
- ¹⁸ ГАВО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 157. Л. 1, 1 об.
- ¹⁹ Лебедев В. Семигородняя Успенская пустынь... С. 68–79.
- ²⁰ Савваитов П. И. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни. СПб., 1850. С. 23–44.
- ²¹ Суворов Н. И. Описание Спасо-Каменного, что на Кубенском озере монастыря // ВЕВ. 1871. № 1. С. 7–10; № 2. С. 43–48; № 3. С. 89–93.
- ²² Лебедев А. К. Успенский женский монастырь в г. Вологде и приписанная Николаевская Озерская пустынь. Вологда, 1899. С. 12–14.
- ²³ Арсеньев Ф. А. Ульяновский монастырь у зырян: Троицко-Стефановская новообщежительная обитель. М.: Изд. Ульяновского монастыря, 1889. С. 29–30.
- ²⁴ ПСЗРИ-2. Т. XXV. Собрание 2. № 36186. С. 135.
- ²⁵ ГАВО. Ф. 512. Оп. 1. Д. 1337. Л. 1 об.–4 об.; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 32, 32 об., 33; Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного исповедания за 1903–1904 гг. СПб., 1909. С. 94–95; Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. 1. С. 1–24.
- ²⁶ МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 188. Л. 1–29.
- ²⁷ Там же. Д. 19. Л. 51–54.
- ²⁸ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 142. Л. 1–8.
- ²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 1312. Л. 5–40.
- ³⁰ Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования... С. 1–24.
- ³¹ Всеподданнейший отчет Обер-прокурора... С. 94–95; ПСЗРИ-3. Т. XXV. Отделение 1. № 26211. С. 304–305.
- ³² Указ об обращении Устюжского Знаменно-Филипповского Яиковского заштатного мужского монастыря в женский общежительный // ВЕВ. 1908. № 12. С. 208–209.
- ³³ О Троицко-Гледенском монастыре // ВЕВ. 1912. № 9. С. 178–179.
- ³⁴ ГУ РК «НА РК». Ф. 232. Оп. 1. Д. 248. Л. 4, 5, 5 об., 28, 28 об.; МКАУ ВУЦА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 343. Л. 6.
- ³⁵ ГАВО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 142. Л. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978. 326 с.
- Дом Спаса. Вологодские каменные Кижы: книга о Спасе-Каменном, его прошлом и настоящем / Сост.: В. В. Дементьев, Н. А. Плигина, А. К. Сальников. Вологда: Фест, 2008. 478 с.
- Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002. 319 с.
- Камкин А. В. Православная церковь на Севере России. Очерки истории до 1917 года. Вологда: ВГПИ, 1992. 162 с.
- Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Изд-во Спасо-Кижского Патриаршего Подворья, 2009. 304 с.
- Котов П. П. Удельные крестьяне на Европейском Севере России: размещение и демографические процессы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 1 (130). С. 18–22.
- Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1988. 448 с.
- Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М.: Круглый год, 1999. 208 с.
- Павлушков А. Р. Особенности пенитенциарной практики островных монастырей на Европейском Севере России // История и современность пенитенциарной системы России: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (18 мая 2006 г.) / Отв. ред. И. М. Волчков. Псков, 2006. С. 224–233.
- Рожина А. В., Рожина Т. Я. Женская обитель. История Крестовоздвиженского Кылтовского женского монастыря от основания до современности. Сыктывкар, 2018. 144 с.
- Спиридонов А. М., Яровой О. А. Валаам: от апостола Андрея до игумена Иннокентия. Очерки истории Валаамского монастыря. М.: Прометей, 1991. 125 с.
- Смолич И. К. Русское Монашество: Возникновение. Развитие. Сущность (988–1917). М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 1997. 607 с.
- Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М.: Рус. панорама, 2003. 479 с.
- Церковно-исторический атлас Вологодской области / Авт.-сост. Н. М. Макелонская. Вологда: Древности Севера, 2007. Т. I. 256 с.; Т. II. 128 с.

Original article

Petr P. Kotov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-7641-2437; kotovpetr55@mail.ru

Anastasia V. Rozhina, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

arozhina@bk.ru

ORTHODOX BROTHERHOODS IN THE VOLOGDA PROVINCE IN THE LATE XVIII AND THE EARLY XX CENTURIES: QUANTITY AND TYPES

Abstract. The relevance of studying changes in the policy towards monasteries is determined by their important role in imperial Russia and the possibility of taking this experience into account at present. The aim of the study is to clarify the status of Orthodox monasteries, the process of restoring some of them, and converting male monasteries into female ones. The goal is achieved within the framework of the “center-periphery” concept. The “center” could be formed by the eparchial (provincial) or the central church and secular authorities, as well as their combination. The research methodology included generally accepted methods, e. g., comparative, analytical, typological historical methods and others. On the basis of archival and published sources, the quantitative and typical characteristics of the Orthodox monasteries in the Vologda Province during the period from the late feudalism to the beginning of the WWI are analyzed (including the system of subordination and the specifics of the statutory activities). Under the 1764 reform, many Orthodox brotherhoods in Russia were closed, and the remaining monasteries were divided into state-sponsored and non-state-sponsored ones. Only state-sponsored monasteries received funding, while to the second type of monasteries it was allocated very rarely. In the Vologda Province, twelve monasteries became state-sponsored and nine monasteries became non-state-sponsored, while in Russia in general, most of the monasteries found themselves without state funding. Since the early XIX century, five monastic brotherhoods were restored in the Vologda Province. Then the status of some monasteries changed, due to their feminization, among other things. A new convent was built in the province and three male monasteries were transformed into convents. The status of convents was much more stable than that of the male monasteries. The two most successful monasteries in the province were cenobitic and remained outside the conventional classification of monasteries. In general, the dynamics of the quantity and types of monasteries in the Vologda Province had both similarities and differences with the similar processes in Russia.

Keywords: Vologda Province, state-sponsored and non-state-sponsored monasteries, ascribed monasteries, cenobitic and non-cenobitic monasteries

Acknowledgements. The paper was written as part of the state task assigned to the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kotov, P. P., Rozhina, A. V. Orthodox brotherhoods in the Vologda Province in the late XVIII and the early XX centuries: quantity and types. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):57–65. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.835

REFERENCES

- Gagarin, Yu. V. History of religion and atheism of the Komi people. Moscow, 1978. 326 p. (In Russ.)
- House of the Savior. Stone Kizhi of Vologda. (V. V. Demytyev, N. A. Pligina, A. K. Salnikov, Eds.). Vologda, 2008. 478 p. (In Russ.)
- Zyryanov, P. N. Russian monasteries and monasticism in the XIX and early XX centuries. Moscow, 2002. 319 p. (In Russ.)
- Kamkin, A. V. The Orthodox Church in the North of Russia. Essays on history before 1917. Vologda, 1992. 162 p. (In Russ.)
- Kozhevnikova, Yu. N. Monastery and monasticism of the Olonets Eparchy between the second half of the XVIII and the early XX centuries. Petrozavodsk, 2009. 304 p. (In Russ.)
- Kotov, P. P. Tsar's family peasants in European North of Russia: distribution and demographic processes. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Series: Social Sciences & Humanities*. 2013;1(130):18–22. (In Russ.)
- Nikolsky, N. M. History of the Russian church. Moscow, 1988. 448 p. (In Russ.)
- Pul'kin, M. V., Zakharova, O. A., Zhukov, A. Yu. Orthodoxy in Karelia (between the XV century and the first third of the XX century). Moscow, 1999. 208 p. (In Russ.)
- Pavlushkov, A. R. Features of penitentiary practices of island monasteries in the European North of Russia. *History and modernity of the penitentiary system of Russia: Proceedings of the international research and practice conference (May 18, 2006)*. (I. M. Volchkov, Ed.). Pskov, 2006. P. 224–233. (In Russ.)
- Rozhina, A. V., Rozhina, T. Ya. A convent. The history of the Kytovo Holy Cross Convent from its foundation to the present. Syktyvkar, 2018. 144 p. (In Russ.)
- Spiridonov, A. M., Yarovoy, O. A. Valaam: from Andrew the Apostle to Hegumen Innocent. Essays on the history of the Valaam Monastery. Moscow, 1991. 125 p. (In Russ.)
- Smolich, I. K. Russian Monasticism: Origins. Development. Essence (988–1917). Moscow, 1997. 607 p. (In Russ.)
- Fedorov, V. A. The Russian Orthodox Church and the state. Synodal period (1700–1917). Moscow, 2003. 479 p. (In Russ.)
- Atlas of the church history in the Vologda region. (N. M. Makelonskaya, Comp.). Vologda, 2007. Vol. I. 256 p.; Vol. II. 128 p. (In Russ.)

Received: 17 May, 2022; accepted: 17 October, 2022

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

РУКОПИСНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

А н н о т а ц и я . В статье проанализированы изменения, которые произошли в севернорусской рукописной книжности Петровской эпохи по сравнению с древнерусским периодом. Материалом для исследования послужили рукописные сборники из Карельского собрания Пушкинского Дома, старообрядческая литература и памятники агиографии. Актуальность исследования обусловлена пристальным вниманием современной филологической науки к процессам трансформации литературы в «переходные эпохи». Самобытным и ярким феноменом севернорусской словесности этой эпохи является литературная школа старообрядческого Выго-Лексинского общежития, усвоившая традиции древнерусской письменности и стиля барокко. Для агиографических сочинений Петровской эпохи характерны усиление документального начала и фольклоризация. Новое явление агиографии этого времени – переложение некоторых житий или их фрагментов стихами (вишневые редакции). Анализ рукописных сборников XVIII века из Карельского собрания Пушкинского Дома свидетельствует о том, что их репертуар ограничивается преимущественно древнерусскими «душеполезными» сочинениями, светские беллетристические произведения еще не вошли в круг чтения местных жителей. Большое внимание в статье уделено также Толковой азбуке 1717 года, составленной в Палеостровском монастыре и призывающей юных читателей к учению.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Петровская эпоха, рукописная книжность, сборники, старообрядчество, агиография, азбуки

Б л а г о д а р н о с т и . Работа выполнена по теме Государственного задания Карельского научного центра РАН № 121070800089-0.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пигин А. В. Рукописная литература Петровской эпохи на Русском Севере // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 66–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.836

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине XVII – начале XVIII века происходит постепенное разделение некогда единой русской литературы на две ветви. Одна из них – элитарная литература – формируется благодаря начавшемуся европейскому влиянию, другая – общедоступная, демократическая – продолжает литературные традиции Древней Руси. Эти две ветви сосуществовали, эволюционируя, в XVIII, XIX и отчасти в XX веке. В те годы, когда свои сочинения создавали Кантемир, Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин, Достоевский, в русских монастырях, старообрядческих пустынях и крестьянских избах трудились сотни других русских писателей, ориентировавшихся не на европейские образцы, а на древнерусскую словесность во всем много-

образии ее жанров. Эту «вторую» русскую литературу нередко именуют «древнерусской литературой после Древней Руси», понимая под ней

«комплекс литературных памятников, создававшихся с XVIII века вплоть до наших дней, который продолжал сохранять в большей или меньшей степени господствующий дух древнерусской литературы и приверженность ее жанрам» [17: 6].

«Две литературы» различались не только своими литературными истоками, но и формой бытования («древняя» литература преимущественно рукописная, новая – печатная), а писатели и читатели принадлежали к разным социальным слоям: новая европеизированная литература стала достоянием элиты, литература рукописная – средних и низших слоев. Граница между этими литературами не была непроницаемой, и определенное влияние друг на друга они оказывали.

Рукописная литература Петровской эпохи – первый этап в истории «древнерусской литературы после Древней Руси». В трудах А. Н. Пыпина, В. В. Сиповского, В. Н. Перетца, В. П. Адриановой-Перетц, М. Н. Сперанского, Г. Н. Моисеевой, В. Д. Кузьминой, Ю. К. Бегунова, Н. Н. Розова, А. М. Панченко, Е. К. Ромодановской, Э. Малэк, Е. М. Юхименко и других исследователей показаны основные ее особенности, формирование которых начиналось в XVII веке: проникновение фольклора, развитие биографических элементов в агиографии, появление светских произведений в составе сборников, становление художественного вымысла, но при этом усиление документализма, возрастание личностного начала и т. д. Эти процессы происходили как под влиянием новой европеизированной литературы, так и в результате естественной эволюции самой древнерусской книжности. Исследования рукописной литературы рубежа XVII–XVIII веков выполнялись преимущественно на общерусском материале, Е. К. Ромодановская активно привлекала сибирские тексты, изучала специфику местной литературы переходного периода в контексте проблемы областных литератур (например: [18], [19]). Существование разных региональных литературных центров на рубеже XVII–XVIII веков – важный фактор, который необходимо учитывать в изучении литературы этого времени.

* * *

Богатейший севернорусский рукописный материал конца XVII–XVIII века, собранный главным образом в ходе археографических экспедиций XX века, позволяет поставить вопрос о том, происходили ли подобные процессы в рукописной книжности Русского Севера. Какие новые черты появляются здесь по сравнению с древнерусским периодом?

Одно из наиболее значимых явлений севернорусской рукописной литературы Петровской эпохи – Выговская школа. В созданном в конце XVII века к востоку от Повенца Выго-Лексинском старообрядческом общежитии сложились своя литературная традиция и особый тип орнаментированной книги – поморской. Расцвет Выговской школы приходится как раз на Петровскую эпоху благодаря первым настоятелям и плодовитым писателям братьям Денисовым. Литературная школа Выга была ориентирована на традиции элитарной литературы барокко и ученой риторики; в системе жанров на первое место вышли ораторские слова, написанные изысканным витийственным стилем. При этом в полной мере здесь сохранялась и древнерусская

книжность во всем многообразии ее жанров. Феномен Выга – в уникальном и очень органичном сочетании литературных новаций и старины [29], [30].

В севернорусских монастырях на рубеже XVII–XVIII веков не было столь значимых для истории книжности и рукописной литературы центров, каким являлся старообрядческий Выг. Политика Петра I в отношении монастырей, а позднее монастырская реформа Екатерины II привели к утрате русскими обителями своего былого культурного значения. Тем не менее работа по собиранию библиотек, переписке рукописей, созданию новых литературных сочинений продолжалась и здесь (в Соловецком, Александро-Свирском, Антониево-Сийском, Веркольском и других монастырях).

На Архангельском севере развитию книжности способствовал первый архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий (Любимов) (1641–1702) – широко образованный человек, владевший греческим, латинским и немецким языками, сторонник петровских преобразований. Афанасий был основателем библиотеки при архиерейской доме в Холмогорах, автором ряда богословских, полемических и исторических сочинений. В архиерейском доме Афанасием была организована работа по переписке книг, часть из которых по его повелению присылалась с этой целью из северных монастырей. Переписка книг поручалась здесь, согласно выводам М. В. Кукушкиной,

«не профессионалам-писцам, а искусным и грамотным служителям, скорее всего дьякам-делопроизводителям, которые занимались книгописанием, имея и другие обязанности» [9: 196].

Исследование почерков, переплетов, оформления, бумаги и записей в рукописях, вышедших из-под пера этих писцов, позволяет говорить об особой книгописной школе Афанасия Холмогорского [9: 185–197]. Архиерей сам наблюдал за работой своих писцов, придавал большое значение качеству – древности и исправности – копируемых списков, а также четкости почерков и соблюдению правил орфографии. Новаторская – ученая – черта этой школы заключается в выборе списков литературного памятника для копирования в результате их тщательного текстологического анализа. В этом отношении школа Афанасия Холмогорского близка Выговской старообрядческой школе. Книгописная школа Афанасия Холмогорского оказала «влияние на развитие севернорусской рукописной книжности в целом» [9: 197], а в частности – на скорописные почерки многих севернорусских руко-

писей рубежа XVII–XVIII веков, отличающиеся каллиграфическим изяществом.

Ясное представление о круге чтения средних и низших слоев (горожан, крестьян, старообрядцев, низшего духовенства, военных низших чинов и т. д.) дают сами рукописи, прежде всего сборники. Классификация рукописных сборников XVIII века на основе более 500 рукописей из московских и петербургских хранилищ была осуществлена в 1920–1930-е годы М. Н. Сперанским [25: 28–47]. Исследователь разделил изученные им сборники на пять групп. К первой группе он отнес сборники, в которых представлен почти весь круг интересов читателей начала XVIII века: от жития до бытовой сатиры и сказки с былиной, «но отзвуков современных переживаний в виде литературных произведений петровского времени» здесь еще нет [25: 31]. Сборники второй группы обнаруживают тяготение к занимательной повести, как древнерусской, так и переводной. Сборники третьей группы включают беллетристический материал преимущественно XVIII века, четвертой группы – тексты делового, практического, учебного характера, записи о современных событиях, политический памфлет. Эти сборники особенно тесно «связаны с передовой литературой петровской поры и второй четверти XVIII в.» [25: 32]. Наконец, пятую группу составляют поэтические сборники, включающие канты, псалмы, духовные стихи и светские песни.

М. Н. Сперанский уделил большое внимание общественной среде, в которой создавался и читался сборник, но региональный аспект практически не учитывал. К тому же, в соответствии со своим пониманием истории русской литературы XVIII века, он не придавал большого значения сборникам религиозно-учительным, старообрядческим, монастырским и церковным, полагая, что они играли «незначительную роль в развитии литературы XVIII в.» [25: 27]¹. Эти ограничения сужают возможности использования предложенной ученым классификации.

Рассмотрим состав рукописных сборников XVIII века на примере одного из самых крупных севернорусских собраний – Карельского собрания ИРЛИ, основу которого составляют рукописи Поморья. Из 600 единиц хранения в этом собрании более трети рукописей датируется XVIII веком (сузить хронологический диапазон достаточно сложно, поскольку большинство рукописей в имеющемся описании датированы в пределах века). Около 70 рукописей – это литературные сборники XVIII века, кроме того, отдельные рукописи XVIII века включают только одно произведение (например, житие или повесть).

Большинство сборников XVIII века из Карельского собрания было создано в старообрядческой среде (даже если они не включают собственно старообрядческие тексты), поэтому отмеченные М. Н. Сперанским характерные для той или иной группы признаки здесь выражены крайне слабо.

Светская беллетристика представлена в Карельском собрании переводной Повестью о Калеандре и Неонильде в списке первой половины XVIII века (Карел. 160). Это довольно объемный рыцарский роман [28]; тексты такого рода активно переводились на русский язык преимущественно с польского на рубеже XVII–XVIII веков и были популярны в эпоху Петра I. Интересно, что повесть не пришлась по вкусу читателю «карельского» списка, оставившему в рукописи такую запись: «Сия книга мною прочтена, а ничего блага не получено, едакая глупость была в древние времена, а ноне все по-своему происходит» (л. 10–11, запись XVIII века). Читатель осмыслил этот беллетристический текст в древнерусском духе: вымышленный сюжет был понят им как подлинные события «древних времен» (пусть и «глупость»), а целью чтения являлось для него получение «блага», то есть пользы или знаний, а не развлечение и художественное наслаждение.

Условно к сборникам второй группы, по М. Н. Сперанскому, может быть отнесена рукопись № 217, состоящая из Повести о царице и львице и повестей из Звезды Пресветлой, включающей также некоторые русские богородичные легенды. Повесть о царице и львице [27], как и Повесть о Калеандре, восходит к западноевропейскому роману, хотя является не переводом его, а переделкой. Однако русского читателя она больше привлекала своими житийными «душеполезными» чертами, чем и объясняется большое число дошедших ее списков.

В сборнике Карельское собр., № 42 из печатных книг переписаны проповеди Феофана Прокоповича, Дмитрия (Сеченова), Платона (Левшина) и других проповедников XVIII века.

В целом же основу «карельских» сборников XVIII века составляет древнерусская словесность: жития святых, «душеполезные» повести, слова Отцов церкви, выписки из Пролога и т. д. – то есть тот материал, который перешел сюда из сборников XVII века и более раннего времени. В старообрядческих сборниках словесность петровского времени представлена только сочинениями выговских авторов (Андрея и Семена Денисовых и др.), а также компиляциями из древнерусских сочинений на тему самоубий-

ства и других актуальных для старообрядцев вопросов (Карел. 14). Прямым откликом на новшества петровского времени являются статьи, осуждающие брадобритие, европейские одежды, употребление чая и кофе, трактующие самого Петра I как антихриста, но такие сочинения встречаются преимущественно в сборниках старообрядцев-странников конца XVIII–XIX века. Сборники пятой группы, по М. Н. Сперанскому, – поэтические – в Карельском собрании, как и в других северных собраниях, представлены преимущественно поздними стиховниками конца XVIII – начала XX века, содержащими произведения религиозной поэзии. Сочинения светской поэзии петровского времени в них, как правило, отсутствуют.

Похожий состав рукописей петровского времени характерен и для других северных регионов, например для Пинеги. Согласно выводам Н. В. Савельевой, «наивысшего расцвета» рукописная традиция Пинеги достигает как раз в первой четверти XVIII века, но, в отличие от Карелии (Поморья), она не связана «с движением старообрядцев, а продолжается в русле господствующей церкви» [16: 17]. Литературные сборники этого времени создаются «местными священниками, иноками Веркольского монастыря и крестьянами, близкими церковным кругам». Но и эти сборники ориентированы на старину: они «сосредоточили в себе все черты древнерусской книжной и литературной традиции предшествующего периода» [16: 18].

В Петровскую эпоху и в целом в XVIII веке продолжилось формирование местных литературных очагов – начало этого процесса приходится на период после Смутного времени. Во многих регионах, в том числе на Севере, в XVIII веке создаются жития местночтимых святых, повести о чудотворных иконах и монастырях, местные летописцы. Писатели-«краеведы» в новой реформирующейся России пытались запечатлеть в литературной форме сакральную историю своей земли, нередко обращаясь при этом к фольклорным преданиям.

К памятникам севернорусской агиографии конца XVII – первой четверти XVIII века относятся, например, жития тотемских святых Андрея, Вассиана (Тиксненского) и Максима (в последнем случае только чудеса); Сказание о Казанской иконе Божией Матери в Каргополе; литературный цикл, посвященный Заоникиевской пустыни близ Вологды; Сказание о иконе Варвары Великомученицы в Ярнеме; Сказание о иконе Троицы Соезерской пустыни (редакция с чудесами начала XVIII века); Повесть об ос-

новании Голгофо-Распятского скита на Анзерском острове; Чудеса Параскевы Пиринемской на Пинеге, безмяянного Сумского чудотворца и другие. Индивидуальные особенности каждого из этих сочинений не мешают выделить и некоторые их типовые черты.

Как правило, это небольшие по объему памятники, написанные простым, без риторических украшений языком. Древнерусский принцип абстрагирования уступает здесь место фактографической точности, ориентации на документ. Как и в древнерусский период, агиографы начала XVIII века пытаются порой объединить сочинения, посвященные одной святыне, в некие циклы. «Монографические» сборники² Древней Руси включали обычно службу святому, житие с посмертными чудесами, похвальное слово и молитвы. В XVIII веке цикл получает расширение за счет разнообразных других текстов. Так, круг сочинений о Заоникиевской пустыни составляют не только Слово на память чудотворца Иосифа (основателя пустыни) и Сказание о местной иконе Богородицы, но и рассказ о посещении монастыря Вологодским епископом Павлом в 1717 году. Сказание о Казанской иконе Божией Матери в Каргополе дополнено в рукописях двумя посланиями об этой иконе Новгородского митрополита Иова – архимандриту Спасо-Преображенского каргопольского монастыря Иоакиму и «гражданам каргопольским» (1714 год)³.

На Соловках велась работа по объединению в сборники рукописных памятников, посвященных соловецким святым. В 1703 году ссыльный чудовский дьякон Иов составил сборник «Сад спасения», в который вошли Жития Зосимы и Савватия Соловецких, в том числе Виршевая редакция, Повесть о Германе Соловецком, изложение житий других соловецких святых в Предисловии, службы и похвальные слова. На протяжении XVIII века «Сад спасения» несколько раз редактировался, и некоторые из перечисленных текстов вошли в сборник в процессе его переработки. Особенностью этого сборника, отличающей его от «житийников» древнерусского периода, является отчетливая ориентация на барочную поэтику в построении текста. По мнению О. В. Панченко, «Сад спасения» – это агиографический вариант сборника «литературного сада», построенного по типу антологии. Предисловие к сборнику написано в традиционном для Петровской эпохи жанре панегирика. Использованные в нем поэтические символы («солнца», «небесных светил», «многомятежного моря») и усложненный синтаксис также

свидетельствуют об ориентации автора на литературную традицию барокко. Один из списков сборника, 1711 года, украшен в барочном духе 275 миниатюрами [12].

Почитание некоторых святых и святынь, которым посвящены сказания, принадлежит области народного православия, тексты близки фольклорной культуре, чудесное совмещается с бытовым. По наблюдениям А. Н. Власова, в Сказании о иконе Троицы Соезерской пустыни Троица воспринимается как «антропоморфное женского рода существо» [4: 308]. В этом же произведении содержится чудо (1718 год) о наказании человека, положившего во уста перед посещением святыни «треклятую траву табаку» [4: 336]. Характерный мотив – запрет на матерную брань, с которым к персонажам произведений обращается Богородица. Так реализуется народное представление о матерной брани как об оскорблении трех матерей – родной матери, матери-земли и Пресвятой Богородицы (ср. в древнерусском «Слове о матерной брани») [1].

Приметы литературы Петровской эпохи иногда проявляются в использовании более редких мотивов, имеющих иное происхождение. Так, по мнению Д. М. Буланина, восхождение на гору Голгофу иеросхимонаха Иисуса в Повести об основании Голгофо-Распятского скита «весьма символично и заставляет вспомнить подвижников католического мира»; этот нюанс указывает на то, что повесть «была составлена в эпоху приобщения России к западноевропейской культуре» [3: 522].

В XVIII веке, в том числе в Петровскую эпоху, не прекращается редактирование древнерусских житий святых. В конце XVII – первые десятилетия XVIII века были созданы Историческая и Вишневая редакции Жития Антония Сийского [20: 173–195], Украшенная редакция Жития Александра Свирского [23], вишневые редакции житий Никодима Кожеозерского и Логгина Коряжемского, редакция с 85 чудесами Жития Артемия Веркольского [5: 253], новый вариант Основной редакции Жития Кирилла Новоезерского с сопровождающими его новыми текстами о святом (лицевой «Кирилловский сборник») [7: 103 и далее] и многие другие. Редактирование могло заключаться в добавлении новых чудес, но иногда приводило к существенной перестройке всего текста, причем как его сокращению, так и распространению за счет дополнительных эпизодов и «украшению». Сохраняется и традиция составления крупных календарных сводов житий: в начале XVIII века старообряд-

ческими книжниками Выга были подготовлены Выговские четии минеи [32].

Примечательно появление на рубеже веков вишневых переложений житий, созданных под влиянием русской силлабической поэзии второй половины XVII века (Симеона Полоцкого и др.) [21]. В Украшенной редакции Жития Александра Свирского вишнями переложена только одна глава – послесловие автора Жития игумена Иродиона и добавлены стихотворное предисловие («Краегранесие») и акrostих – своеобразная стихотворная подпись к «Сказанию на преставление» Александра Свирского. Стилистической обработке – «украшению» – подвергся и язык этой редакции, что вместе с роскошными миниатюрами в некоторых списках позволяет говорить о традициях барочной культуры. По мнению А. Е. Соболевой, образцом для новой редакции Жития и стихотворных украшений послужило печатное издание «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (М., 1681) со стихотворными текстами Симеона Полоцкого. Автором Украшенной редакции Жития и стихотворных включений А. Е. Соболева считает архимандрита Александро-Свирского монастыря Исайю (1705–1708 годы), но допускает, что «Краегранесие» было написано книжником того же монастыря иноком Иоасафом [23].

Реалии Петровской эпохи нашли прямое отражение в одной из редакций Сказания о явлении и о чудесах Вассиана и Ионы Пертоминских – соловецких иноков, утонувших в Унской губе Белого моря в 1566 году и ставших объектом почитания [2]. В первой четверти XVIII века на основе первоначального текста Сказания была создана пространная редакция, в состав которой вошел рассказ о посещении Пертоминского монастыря Петром I во время его путешествия из Архангельска на Соловки в 1694 году. Событие было осмыслено как чудо, поскольку корабль царя нашел укрытие от шторма в Унской губе. В благодарность Вассиану и Ионе за спасение от потопления царь повелел освидетельствовать мощи святых и положить их в новый гроб. Пертоминскому монастырю были даны денежные средства на благоустройство, а на том месте, где корабль царя пристал к берегу, Петр I установил деревянный крест, изготовленный собственными руками. Выполняющий в Сказании функцию посмертного чуда святых, этот рассказ больше напоминает историческое сочинение.

Повеествование о Петре I содержится не во всех списках пространной редакции – в списке из выговской рукописи (Поморского Торжественника)

ГИМ, Музейское собр., № 1510 оно было снято. По мнению Е. А. Рыжовой, посвятившей этому списку отдельную статью, сокращение «было сделано преднамеренно: как известно, старообрядцы весьма негативно относились к личности и деятельности Петра I» [22: 138]. Нет сомнений, что сокращение действительно «было сделано преднамеренно», но с предложенным Е. А. Рыжовой объяснением согласиться трудно: выговские литературные сочинения свидетельствуют об исключительно позитивном восприятии выговцами Петра I как мудрого и милосердного правителя [6], [14], [31]. Причина, скорее, в другом: старообрядцы не могли принять факт прославления древнерусских святых после никоновских реформ и по инициативе российской власти.

Выше был упомянут инок Александрo-Свирского монастыря Иоасаф – возможный автор «Краегранесия» в Украшенной редакции Жития Александра Свирского. Деятельность этого севернорусского книжника Петровской эпохи можно представить более подробно. Сегодня известны по крайней мере четыре составленные им рукописи: Страсти Христовы, 1713 год (БАН, собр. Александрo-Свирского монастыря, № 14); Житие Александра Свирского, 1715 год (Отдел древнерусского искусства ГРМ, др. гр. 26); Страсти Христовы, 1717 год (БАН, собр. Археологического института, № 24); Толковая азбука (Палеостровская азбука), 1717 год (НА КарНЦ РАН, р. 1, оп. 2, д. 92). Из записей, оставленных им в рукописях, удастся получить некоторые биографические сведения о нем. Иоасаф был уроженцем Москвы, принял постриг в Александрo-Свирском монастыре, исполнял здесь обязанности канонарха, в 1717 году находился в Палеостровском монастыре на Онежском озере⁴.

Рукопись с Житием Александра Свирского

украшена заставкой с изображением основателя монастыря (л. 7), большими и пышными инициалами «поморского стиля», двумя миниатюрами – «Явление Святой Троицы преподобному Александру Свирскому» (л. 6 об.) и «Преставление преподобного Александра» (л. 245)» [24: 211].

Каллиграфические почерки – полуустав и скоропись, которыми владел Иоасаф, наводят на мысль, что художественное оформление этой рукописи тоже может принадлежать ему.

В 1717 году, когда Иоасаф находился уже в Палеостровском монастыре, им была составлена азбука-свиток, о чем сообщает запись в самом конце этой рукописи: «Лета от Рождества Христова 1717. Написана бысть в Палеостровском монастыре рукою инока Иоасафа». Толковые азбуки

(или азбуки-акростиhi, азбуки-границы) известны в русских рукописях начиная с XIV–XV веков. Их содержание составляют «душеполезные» тексты (молитвы, изложение библейских сюжетов, поучения и т. д.), в которых каждое новое предложение начинается с очередной буквы алфавита. Созданные первоначально как памятники вероучительного характера для христиан всех возрастов, толковые азбуки постепенно вошли в учебную практику, стали применяться для обучения детей грамоте. Они заучивались наизусть и служили одним из способов для запоминания алфавита или же для закрепления этих знаний [15]. Нередко азбуки записывались на свитках, склеенных из нескольких листов бумаги и достигающих в длину 9–10 метров. Как отмечает исследователь этих памятников Е. А. Мишина, самые ранние списки азбук-свитков датируются 20-ми годами XVII века, а в употреблении они сохранялись на протяжении всего XVIII века [11].

Палеостровская азбука представляет собой именно такой свиток, разворачивающийся почти на 6 метров. Азбука составлена в форме поучения опытного мудрого человека к «юноше», еще только вступающему в жизнь. Главная ее тема – необходимость учиться: «.. ученых людей слушай наказания», «доброму всякому учению внимай», «емлися учению, чтению, пению» и т. д. Одновременно автор заповедует «юноше» избегать тех соблазнов, пороков (особенно пьянства) и «злых людей», которые отвращают от учения и ведут к гибели души: «...злаго обычая не держися, со юношами, и с блудники, и с корчемники, и со младыми женами не водися», «не спи долго, не гуляй безгодно» и др. Важная мысль азбуки-поучения заключается также в том, что доброе учение возможно только при полном послушании родителям.

К сожалению, без тщательного источниковедческого и текстологического анализа русских толковых азбук невозможно судить о степени самостоятельности составителя Палеостровской азбуки: был ли Иоасаф автором азбуки или только переписал ее. Очевидно вместе с тем, что своим настойчивым призывом к учению азбука вполне соответствует духу Петровской эпохи – начала русского Просвещения. В том же 1717 году в Санкт-Петербурге была издана и знаменитая книга для дворянских детей «Юности честное зеркало», с которой Палеостровская азбука перекликается некоторыми своими идеями. По всей видимости, Иоасаф составил эту азбуку для кого-то из мирян, проживавших в расположенном неподалеку старинном селе Толвуйа: в 1724 году она принадлежала, со-

гласно владельческим записям, жителю Толвуйского погоста Семену Семенову Колмакову. Палеостровская азбука интересна, таким образом, как ценное свидетельство культурного влияния заонежских монастырей на местное крестьянство (подробнее см.: [13], [26]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа рукописного репертуара севернорусских сборников Петровской эпохи и последующих десятилетий можно сделать вывод о том, что круг чтения жителей севернорусских земель мало изменился в это время по сравнению с древнерусским периодом. Светские сочинения еще не успели проникнуть в севернорусскую книжность или, точнее, являются здесь большой редкостью. Если в высокой элитарной литературе Петровской эпохи происходит приоста-

новка в развитии («Это самая “нелитературная” эпоха за все время существования русской литературы» [10: 18]), то в рукописной литературе никакой паузы мы не наблюдаем. Традиция переписки рукописей, создания новых сочинений и редактирования древних сохраняется с разной степенью интенсивности и в монастырской, и в крестьянской, и в старообрядческой среде. Новые черты, особенно отчетливые в агиографии, заключаются прежде всего в усилении документального начала и фольклоризации. Влияние элитарной литературы проявляется в барочных элементах, создании виршевых и риторических текстов. Наиболее ярко и последовательно это влияние выразилось в литературе Выга, которая по праву может считаться художественной вершиной рукописной литературы Русского Севера Петровской эпохи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН – Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург)
 ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
 ГРМ – Государственный Русский музей (С.-Петербург)
 ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (С.-Петербург)
 НА КарНЦ РАН – Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук
 ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В книге М. Н. Сперанского отдельно предлагается краткий обзор церковношкольных (религиозно-нравоучительных) и старообрядческих сборников XVIII века [25: 100–122]. Рассмотрение этих рукописных книг вне основной классификации сборников объясняется тем, что автор отводил им маргинальное положение в истории русской литературы XVIII века. Основное направление развития литературы в XVIII веке заключалось, по М. Н. Сперанскому, в ее неуклонном «обмирщении», а потому сборники религиозного содержания, составляющие в действительности основу русской рукописной книжности XVIII века, не укладывались в эту схему. Свой труд о сборниках XVIII века М. Н. Сперанский создавал до археографических экспедиций на Русский Север В. И. Малышева и его учеников. Появление Древлехранилища в Пушкинском Доме в корне изменило и представления о месте поздней рукописной книги в истории русской словесности, и приоритеты в ее изучении.
- ² Под «монографическим агиографическим сборником» понимается «рукописный комплекс текстов (Житие, Служба, Похвальное слово и др.), посвященных одному святому» [8: 240].
- ³ См.: Материалы для истории Олонецкой епархии: акты, хранящиеся в Каргопольском Христорождественском соборе (1714 г.) // Олонецкие губернские ведомости. 1877. № 93. С. 1074–1075; № 95. С. 1095–1097.
- ⁴ В 1719–1720 годах некий Иоасаф был игуменом Палеостровского монастыря (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 998), но для отождествления его с книжником Иоасафом дополнительных сведений нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б а б а л ы к М. Г. К изучению рукописной традиции «Слова о матерной брани» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 7 (144). С. 66–69.
2. Б е л о б р о в а О. А., С и м о н о в А. Н. Сказание о явлении и о чудесах Вассиана и Ионы Пертоминских // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. С. 454–457.
3. Б у л а н и н Д. М. Повесть о основании Голгофо-Распятского скита // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 521–523.
4. В л а с о в А. Н. Сказания и повести о местнотимых святых и чудотворных иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI–XVIII вв.: Тексты и исследования. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 780 с.
5. Д м и т р и е в Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1973. 303 с.

6. Журавель О. Д. «Той, от него же вся Россия поколебася»: еще раз об отношении старообрядцев Выга к царской власти // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-ния РАН, 2015. С. 70–86.
7. Карбасова Т. Б. Кирилл Новоезерский: история почитания. Исследование и тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 559 с.
8. Карбасова Т. Б. Монографический агиосборник как тип (на примере сборника, посвященного Кириллу Новоезерскому) // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. Т. 2. С. 240–248.
9. Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1977. 223 с.
10. Лишачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 359 с.
11. Мишина Е. А. Азбуки-свитки XVII–XVIII веков // От Средневековья к Новому времени: Сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. М.: Индрик, 2006. С. 419–431.
12. Панченко О. В. Книга «Сад спасения» – соловецкий агиографический свод переходной эпохи: история текста // ТОДРЛ. СПб. Т. 69 (в печати).
13. Пигин А. В. Азбука-свиток из Палеостровского монастыря // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2011. Вып. 6. С. 63–71.
14. Пигин А. В. Петр I и Петербург в сочинениях писателей-старообрядцев Выговской поморской пустыни // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.375
15. Пигин А. В., Бабалык М. Г. «Ази глаголю добрейшее, юноше...»: о некоторых учебных текстах в русских рукописях XVIII–XIX вв. // «Мудрости бо ти имя подадеса...»: Сборник статей к юбилею профессора Софьи Михайловны Лойтер. Петрозаводск: Изд-во Карельской гос. пед. академии, 2011. С. 10–21.
16. Пинежская книжно-рукописная традиция XVI – начала XX вв. Опыт исследования. Источники. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1: Савельева Н. В. Очерк истории формирования пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. 721 с.
17. Понырко Н. В. Древнерусская литература после Древней Руси // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2020. Т. 20. С. 5–23.
18. Ромодановская Е. К. К вопросу о региональном типе жанровой системы русской литературы XVII–XVIII вв. // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 1. С. 819–828.
19. Ромодановская Е. К. О круге чтения сибиряков в XVII–XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М.: Индрик, 2015. Т. 1. С. 71–95.
20. Рыжова Е. А. Антониево-Сийский монастырь. Житие Антония Сийского. Книжные центры Русского Севера. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2000. 370 с.
21. Рыжова Е. А. Вишневые редакции севернорусских житий // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 195–235.
22. Рыжова Е. А. Поморский список Пространной редакции Сказания о Вассиане и Ионе Пертоминских // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2019. Вып. 3 (11). С. 126–149.
23. Соболева А. Е. «Сия вирши изложенныя до читателя» в Житии прп. Александра Свирского XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 97–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.792
24. Соловьева И. Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. Художественное наследие и историческая летопись. СПб., 2008. 511 с.
25. Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 268 с.
26. Старостина Т. В. Народные этические представления и палеостровская азбука 1717 г. // Научная конференция по итогам работ за 1965 год. Май 1966 года. Секция исторических наук: Тез. докл. Петрозаводск, 1966. С. 78–81.
27. Чалкова (Ведерникова) Т. Ф. Повесть о царице и львице // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П–С. С. 231–233.
28. Щеглова С. А. Драма и роман о Калеандре и Неонилде // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 14. С. 500–503.
29. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 480 с.
30. Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.; Т. 2. 568 с.
31. Юхименко Е. М. Самодержавие и правоверие в литературе выговского старообрядчества // *Pisarz i władza (od Awwakuma do Sołżenicyna)*. Łódź, 1994. S. 34–41.
32. Юхименко Е. М. Четии Минеи братьев Денисовых. Новые находки // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. С. 302–308.

Original article

Alexander V. Pigin, Dr. Sc. (Philology), Professor, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-9306-1421; av-pigin@yandex.ru

HANDWRITTEN LITERATURE OF PETER THE GREAT'S EPOCH IN THE RUSSIAN NORTH

Abstract. The article analyzes some of the changes in the northern Russian manuscript literature of the Peter the Great's epoch compared with the Old Russian period. The materials for the study were the handwritten books from the Karelian collection of the Pushkin House, Old Believers' literature, and hagiographic works. The relevance of the research is due to the close attention of modern philological science to the processes of literature transformation in so-called "transitional epochs". One of the distinctive and significant phenomena of the northern Russian literature of this period is the literary school of the Vyg Old Believers' Community, which assimilated the traditions of the Old Russian written literature and the Baroque style. The hagiographic works of the Peter the Great's epoch are characterized by increased documentary accuracy and active absorption of folklore elements. A new phenomenon in the hagiography of that time was the transcription of some saints' lives or their fragments in verse (verse editions). The analysis of the handwritten books of the XVIII century from the Karelian collection of the Pushkin House indicates that their content was limited mainly to Old Russian "soulful" texts, as secular fiction works had not yet been introduced to local readers. The article also focuses on the Alphabet of 1717, compiled in the Paleostrovsky Monastery and encouraging young readers to study.

Key words: Petrine epoch, handwritten books, collected volumes, Old Believers, hagiography, alphabets

Acknowledgements. The research was conducted as part of the state assignment No 121070800089-0 given to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pigin, A. V. Handwritten literature of Peter the Great's epoch in the Russian North. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):66–75. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.836

REFERENCES

- Babalyk, M. G. On study of manuscript tradition of the "Word about obscene language". *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2014;7(144):66–69. (In Russ.)
- Belobrova, O. A., Simonov, A. N. The tale of the occurrence and miracles of Bassian and Jonah of Pertominsk. *Dictionary of scribes and literature of Ancient Russia*. St. Petersburg, 1998. Issue 3 (XVII century). Part 3. P–S. P. 454–457. (In Russ.)
- Bulanin, D. M. The tale of the foundation of the Golgotha-Crucifixion Skete. *Dictionary of scribes and literature of Ancient Russia*. St. Petersburg, 2004. Issue 3 (XVII century). Part 4. T–Ya. Additions. P. 521–523. (In Russ.)
- Vlasov, A. N. Tales and stories about locally venerated saints and miraculous icons of the Vychegda-Severodvinsk region of the XVI–XVIII centuries: texts and studies. St. Petersburg, 2011. 780 p. (In Russ.)
- Dmitriev, L. A. The life stories of the Russian North as literary monuments of the XIII–XVII centuries: The evolution of the genre of legendary and biographical tales. Leningrad, 1973. 303 p. (In Russ.)
- Zhuravel', O. D. "He who caused the entire Russia to shudder": another look at the Vyg Old Believers' attitude to the imperial power. *Religious and political ideas in the works of Russian cultural figures of the XVI–XXI centuries*. Novosibirsk, 2015. P. 70–86. (In Russ.)
- Karbasova, T. B. Cyril Novoezersky: the history of veneration. Research and texts. Moscow; St. Petersburg, 2011. 559 p. (In Russ.)
- Karbasova, T. B. Monographic hagiography codex as a type (on the example of a codex dedicated to Cyril Novoezersky). *Russian hagiography: Research. Materials. Publications*. St. Petersburg, 2011. Vol. 2. P. 240–248. (In Russ.)
- Kukushkina, M. V. Monastic libraries of the Russian North. Essays on the history of the book culture of the XVI–XVII centuries. Leningrad, 1977. 223 p. (In Russ.)
- Likhachev, D. S. Poetics of Old Russian literature. Moscow, 1979. 359 p. (In Russ.)
- Mishina, E. A. Alphabet scrolls of the XVII–XVIII centuries. *From the Middle Ages to the early modern time: collection of articles dedicated to Olga Andreevna Belobrova*. Moscow, 2006. P. 419–431. (In Russ.)
- Panchenko, O. V. The book "The Garden of Salvation" as a Solovetsky hagiographic codex of the transitional era: the history of the text. *Proceedings of the RAS Department of Old Russian Literature*. St. Petersburg. Vol. 69. (In print). (In Russ.)
- Pigin, A. V. An alphabet scroll from the Paleostrovsky Monastery. *Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore*. Petrozavodsk, 2011. Issue 6. P. 63–71. (In Russ.)
- Pigin, A. V. Peter the Great and St. Petersburg in the works of the Old Believer writers of the Vyg Community. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;6(183):77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.375 (In Russ.)
- Pigin, A. V., Babalyk, M. G. 'I'm telling you the kindest thing, young man...': about some educational texts in Russian manuscripts of the XVIII–XIX centuries. "You have been given the name of wisdom...":

- collection of articles dedicated to the anniversary of Professor Sophia Mikhailovna Loiter.* Petrozavodsk, 2011. P. 10–21. (In Russ.)
16. Manuscript book tradition of Pinega between the XVI and the early XX centuries. Research experience. Sources. St. Petersburg, 2003. Vol. 1: Savel'eva, N. V. An essay on the history of the formation of the Pinega manuscript book tradition. Description of handwritten sources. 721 p. (In Russ.)
 17. P o n y r k o , N. V. Old Russian literature after Ancient Russia. *Library of Old Russian Literature.* St. Petersburg, 2020. Vol. 20. P. 5–23. (In Russ.)
 18. R o m o d a n o v s k a y a , E. K. The regional type of the genre system of Russian literature in the XVII–XVIII centuries. *Circles of times: In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya.* Moscow, 2015. Vol. 1. P. 819–828. (In Russ.)
 19. R o m o d a n o v s k a y a , E. K. The range of reading of the Siberians in the XVII–XVIII centuries in the context of studying regional literatures. *Circles of times: In memory of Elena Konstantinovna Romodanovskaya.* Moscow, 2015. Vol. 1. P. 71–95. (In Russ.)
 20. R y z h o v a , E. A. The Monastery of Antonius Siysky. The Life of Antonius Siysky. Book centers of the Russian North. Syktyvkar, 2000. 370 p. (In Russ.)
 21. R y z h o v a , E. A. Verse editions of northern Russian hagiographies. *Russian hagiography: Research. Publications. Debates.* St. Petersburg, 2005. P. 195–235. (In Russ.)
 22. R y z h o v a , E. A. Pomors list of the extensive edition of the Tale of Vassian and Iona Pertominsky. *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2019;3(11):126–149. (In Russ.)
 23. S o b o l e v a , A. E. “Verses presented to readers” in *The Life of St. Alexander Svirsky* dating from the XVIII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University.* 2022;44(5):97–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.792 (In Russ.)
 24. S o l o v ' e v a , I. D. The Holy Trinity Monastery of Alexander Svirsky. Literary heritage and historical chronicle. St. Petersburg, 2008. 511 p. (In Russ.)
 25. S p e r a n s k i y , M. N. Handwritten collections of the XVIII century. Materials for the history of Russian literature of the XVIII century. Moscow, 1963. 268 p. (In Russ.)
 26. S t a r o s t i n a , T. V. Folk ethical ideas and the Paleostrovsky alphabet of 1717. *Research conference based on 1965 research results. May 1966. History section: Abstracts of reports.* Petrozavodsk, 1966. P. 78–81. (In Russ.)
 27. C h a l k o v a (V e d e r n i k o v a) , T. F. The tale of the queen and the lioness. *Dictionary of scribes and literature of Ancient Russia.* St. Petersburg, 1998. Issue 3 (XVII century). Part 3. P–S. P. 231–233. (In Russ.)
 28. S h c h e g l o v a , S. A. A drama and a novel about Kaleander and Neonilda. *Proceedings of the RAS Department of Old Russian Literature.* Moscow; St. Petersburg, 1958. Vol. 14. P. 500–503. (In Russ.)
 29. Y u k h i m e n k o , E. M. The Vyg Old Believers' Community: Spiritual life and literature. Moscow, 2002. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 480 p. (In Russ.)
 30. Y u k h i m e n k o , E. M. The literary heritage of the Vyg Old Believers' Community. Moscow, 2008. Vol. 1. 688 p.; Vol. 2. 568 p. (In Russ.)
 31. Y u k h i m e n k o , E. M. Autocracy and the right faith in the Vyg Old Believers' literature. *Pisarz i władza (od Awwakuma do Solżenicyna).* Łódź, 1994. P. 34–41. (In Russ.)
 32. Y u k h i m e n k o , E. M. The *Menaion* of the Denisov brothers. New findings. *Russian hagiography: Research. Materials. Publications.* St. Petersburg, 2011. P. 302–308. (In Russ.)

Received: 14 July, 2022; accepted: 17 October, 2022

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozhevnikova@gmail.com

ПАМЯТНИКИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В МОНАСТЫРЯХ ОЛОНЕЦКОЙ ЕПАРХИИ

А н н о т а ц и я . Рассматривается ранее не изучавшийся в отечественной историографии вопрос о памятниках Петровской эпохи (конца XVII – первой четверти XVIII века), находившихся в действовавших и упраздненных монастырях Олонецкой епархии, образованной в 1828 году. Основными источниками для исследования стали имущественные описи, делопроизводственные документы из фондов отдельных монастырей, Олонецкой и Новгородской духовных консисторий, приходо-расходные книги, опубликованные материалы заседаний Императорской археологической комиссии, а также краеведческая литература XIX – начала XX века. Впервые обобщены сохранившиеся письменные свидетельства о каменных и деревянных церквях, построенных в местных обителях в конце XVII – первой четверти XVIII века, и монастырских реликвиях, связанных с Петром I и его временем. Монахи получали от царя и его близких священнические облачения и воздухи (покровы) из дорогих привозных тканей, богато украшенные богослужебные книги, колокола и особые дары (крест-мошевик, чугунные пушки, изготовленные государем деревянные кресла). Выясняется, что из обширного петровского наследия до наших дней уцелели единичные храмы в действующих Александро-Свирском и Александро-Ошевенском монастырях и предметы, попавшие в советские годы в музейные фонды.

К л ю ч е в ы е с л о в а : монастыри, Олонецкая епархия, Петровская эпоха, реликвии, церкви

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кожевникова Ю. Н. Памятники Петровской эпохи в монастырях Олонецкой епархии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 76–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.837

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие историки обращают пристальное внимание на памятники культурного наследия конца XVII – первой четверти XVIII века, связанные с обширной деятельностью Петра I и его сподвижников, с целью дальнейшей мемориализации и музеефикации этих объектов [7], [8]. При этом отечественные исследователи привлекают многочисленные письменные и материальные источники из разных российских регионов. Выявляются сведения об известных и полузабытых памятных местах и постройках Петровской эпохи, уцелевших к XXI веку на территории Республики Карелия [6], [10].

Статья посвящена ранее не изучавшемуся вопросу о памятниках Петровской эпохи, находившихся в действующих и упраздненных монастырях Олонецкой епархии, образованной в 1828 году. К таким памятникам относятся

храмовые сооружения и вещи, сохранившиеся в монашеских обителях в XVIII – начале XX века: каменные и деревянные церкви, построенные при Петре I, подлинники и копии пожалованных им грамот, щедрое вклады самого императора и его ближайших родственников (богослужебные книги, церковная утварь, священнические облачения, иконы, колокола и пр.).

В наши дни разрозненные документальные свидетельства о монастырских реликвиях Петровской эпохи обнаруживаются в различных отечественных архивохранилищах. Основными источниками для проведенного исследования стали имущественные описи, приходо-расходные книги, делопроизводственные документы из фондов монастырей, Олонецкой и Архангельской духовных консисторий в Архиве СПБНИИ РАН, РГИА, ГААО, НА РК, ГАНО, ОПИ ГИМ. Также привлекались опубликованные протоколы за-

седаний созданной в 1859 году Императорской археологической комиссии и краеведческая литература, изданная в XIX – начале XX века.

ЦЕРКВИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Зримыми памятниками Петровской эпохи являлись прежде всего каменные и деревянные храмы, построенные в обителях Олонецкой епархии в конце XVII – первой четверти XVIII века. Часть из них благополучно уцелела до начала XX века, другие были полностью уничтожены огнем или заменены новыми церквями. В наши дни свидетелями масштабных перемен, происходивших при Петре I, остались храмы только в Александро-Ошевенском и Александро-Свирском монастырях.

Как сообщается в имущественной описи **Александро-Ошевенского монастыря**, составленной в 1888 году, на месте погребения основателя обители в 1707 году был возведен каменный двухэтажный Успенский собор, в котором чуть позднее, в первой четверти XVIII века, освятили две придельные церкви: преподобных Александра Ошевенского (в 1712 году), где стояла гробница над мощами святого¹, и Кирилла Белозерского (в 1714 году)². Сейчас главный храм возрожденного монастыря, ныне относящегося к Архангельской епархии, находится в аварийном состоянии.

Новый Троицкий собор **Александро-Свирского монастыря** возводился при архимандрите Гермогене в конце XVII века³. Надпись на его кресте гласила о том, что «вторично основая храм сей в лето 1693 июня 24 дня и освятися 1697 индикта августа 29 дня при державе Благочестивейшаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексеевича»⁴. В 1716 году в Преображенском соборе устроили придел, посвященный преподобному Александру Свирскому. Здесь находилась изготовленная по указанию Михаила Федоровича серебряная рака с нетленными останками святого⁵. В том же году в северной части Троицкого комплекса появилась кирпичная одноглавая «больничная» церковь во имя преподобного Иоанна Дамаскина⁶. Она была поновлена в начале XX века при архимандрите Агафангеле (Амосове); в ней круглосуточно монахи «читали Неусыпаемую Псалтирь» о живых и усопших благодетелях монастыря⁷. В наши дни отремонтированный небольшой храм с белоснежными стенами, как и прежде, радует глаз паломников и туристов.

В **Задней Никифоровой пустыни** (Олонецкий район Республики Карелия) в 1690/91 году поставили новую соборную «трапезную» церковь Преображения Господня⁸. Над ее папертью была

устроена шатровая колокольня с двумя медными колоколами и железным клепалом. Старинный храм неоднократно поновлялся в течение XVIII и XIX столетий, а в 1885 году сгорел дотла⁹.

В соседней **Сяндемской пустыни** в 1720 году была освящена деревянная церковь во имя святителей Афанасия и Кирилла Александрийских, построенная над погребением преподобного Афанасия Сяндемского. Об этом говорила надпись на антиминсе, оказавшемся в начале XX века в коллекции Олонецкого епархиального древлехранилища: «Освящена сия св[ятая] церковь после погорения сего 1720 году мая 9-го дня. Освятил по указу Олонца города Олонецкие соборные церкви Троецкий протопоп Петр Гаврилов соборне»¹⁰. За правым клиросом пребывала уникальная икона с изображением видения Пресвятой Богородицы преподобным Александру Свирскому и Афанасию Сяндемскому¹¹. В 1865 году обветшавший храм был разобран. На его месте с помощью благотворителей поставили каменную церковь с тем же алтарным посвящением¹².

Большинство монастырей Олонецкой епархии, где имелись деревянные церкви, срубленные в Петровское время, были закрыты и преобразованы в приходы по секуляризационной реформе 1764 года. Монашеская жизнь в них более не возрождалась, поэтому за состоянием бывших монастырских храмов следили местные причты и прихожане. В **Высокоозерской пустыни** (Вытегорский район Вологодской области) при строителе монахе Макарии в 1700 году сооружается «холодная» церковь святителя Николая Чудотворца¹³. В 1802 году ее приписали к соседнему Шимозерскому приходу «за неимением при оной приходских дворов»¹⁴. Она сохранилась до начала XX века. В 1908 году Императорское Московское археологическое общество разрешило ее отремонтировать, при этом «отказав в расширении окон, удалении сеней и обшивке стен тесом»¹⁵. Храм был внесен в список памятников архитектуры, составленный сотрудниками Императорской археологической комиссии в 1914 году. К началу XXI века от него остались одни руины.

В мужской **Елгомской пустыни** (Няндомский район Архангельской области) монахи во главе со строителем Феодосием в 1711–1716 годах построили «трапезную» церковь Живоначальной Троицы, «верх бочечный», вместо ее обветшавшей предшественницы¹⁶. В ней был придел во имя мучеников Бориса и Глеба, освященный в 1716 году¹⁷. Уместно добавить, что Иоанн V и Петр I вместе с царевной Софией еще в 1687 году жалованной грамотой освободили елгомских монахов от уплаты оброчных денег

за монастырскую землю и наделили дополнительными сенокосами, что позволило им упрочить благосостояние обители¹⁸. Троицкая церковь уцелела до начала XX века. В 1911 году с разрешения Императорской археологической комиссии ее поправили «с сохранением плана и фасада»¹⁹. Примечательны три колокола с «иноязычными надписями», оставшиеся на колокольне Троицкого храма с монастырских времен. На одном из них читались слова на латинском языке: «Anno 1631. Henrick ter Horst me fecit Daventriae»²⁰. Как видно из надписи, колокол изготовил известный голландский мастер Генрих тер Хорст в городе Девентере – крупном европейском центре колокольного литья.

В Рубежской пустыни (Вытегорский район Вологодской области) в 1711 году возводится скромная по размеру бревенчатая церковь в честь Живоначальной Троицы. Она сохранялась в первоначальном виде при селении Верхний Рубеж после закрытия монастыря до 1813 года: «...очень мала, низка, имела небольшие окна и покрытая на два ската, она походила скорее на часовню»²¹. Затем храм возобновили (поставили на каменный фундамент, обшили тесом, прорубили дополнительные окна) на средства Министерства путей сообщения, так как он относился к его ведомству со времени открытия по соседству Мариинского канала²². В 1830 году старый иконостас был вывезен в церковь Рождества Богородицы Тудозерского прихода²³. На своем месте оставались только старинный образ Живоначальной Троицы с чудесами, «писан на красках» – чей-то вклад, сделанный в 1711 году, и «древней работы» икона Казанской Божией Матери в окладе «непробного серебра»²⁴. В 1890 году в Троицкой церкви, переданной Олонецкой епархии в 1873 году, провели основательный ремонт (пристроили паперть с колокольной)²⁵.

В Машезерской пустыни (в окрестностях Петрозаводска) в 1683/84 году срубили деревянный храм в честь святителя Василия Великого, о чем свидетельствовала надпись на кресте: «7192 года поставлен бысть храм во имя святого Василия Великого, при благоверных царех и великих князех Иоанне и Петре Алексеевичах»²⁶. Его поставили взамен прежней церкви с таким же посвящением, упомянутой в писцовой книге 1629–1631 годов Ивана Долгорукова²⁷. Справа возле царских дверей в новом храме пребывал чудотворный образ святителя Василия Кесарийского, «на нем два венца с гривенками серебряные позолоченные, поля обложены окладом медным, вызолочены»²⁸. В 1875 году по настоянию машезерского причта и прихожан монастырскую церковь перенесли с пустынного

острова в материковую часть прихода, где она стояла до начала XX века²⁹.

В Лебяжьей пустыни (Каргопольский район Архангельской области), по свидетельству благословенной грамоты новгородского митрополита Иова, 17 сентября 1698 года игумен Сергей из Спасо-Каргопольского монастыря освятил построенный на средства каргопольца Ивана Попова Сретенский храм с приделом преподобного Саввы Вишерского (его поставили на месте разобранной часовни в честь этого святого)³⁰ [9]. В начале XIX века бывшую монастырскую церковь приписали к Тихмангскому приходу³¹. Есть сведения о ней за 1800 год:

«...утварь и иконное писание хоть древнее, но хорошей работы, сосуды одни серебряные малые, а другие оловянные, Евангелие с евангелистами медными и на престольный крест деревянный, ризы шестеро, трои шелковые да трои холщевые»³².

К началу XX века деревянная церковь Сретения Господня уже не существовала.

В Ильинской пустыни на реке Свири (Лодынополюский район Ленинградской области) еще в середине XVI века стояли два деревянных храма – «холодный» пророка Илии и «теплый» в честь Великорецкой иконы святителя Николая Чудотворца³³. В 1690 году Ильинская церковь была перестроена. Она упоминается в списке памятников, опубликованном в 1914 году: «...крепкая, сохраняется в начальном виде, крыша на два ската»³⁴. В начале XX века храм находился в составе Горского прихода; в нем с монастырских времен пребывали чудотворные иконы святителя Николая Чудотворца и пророка Илии, почитавшиеся местными жителями.

Как следует из ведомостей об упраздненных монастырях Олонецкой епархии, в **Троицкой Сунорецкой пустыни** (Кондопожский район Республики Карелия) в 1710 году была построена «клинчатая об одной главе» церковь Живоначальной Троицы³⁵ [11]. Небольшая островная обитель в нижнем течении реки Суны служила убежищем для старообрядцев³⁶. После побега монаха-основателя Кириллы и его братьев (около 1683 года) она была населена новыми монахами и просуществовала до середины 1760-х годов [2: 20]. Зброшенный Троицкий храм в 1894 году осматривал местный краевед А. П. Воронов:

«От монастыря, некогда здесь существовавшего, осталась деревянная разрушенная церковь на острове. Сруб церкви уцелел, но крыша провалилась и на полу в притворе растет трава. Средняя часть храма не более четырех квадратных сажень. Боковые двери в алтаре были одни и один клирос (правый). Царские двери очень низкие. В храме более высокий потолок и три

окна, из которых одно – на высоте второго этажа. Около церкви кладбище, где сохранились еще древние деревянные кресты»³⁷.

Корнильева Паданская пустынь (Лодейнопольский район Ленинградской области) украсилась в 1688 году «теплым» храмом в честь преподобного Александра Свирского. Об этом говорила надпись на кресте, хранившемся после закрытия монастыря в приходской церкви Винницкого погоста:

«освящен 1688 года в 12 день декабря при державе великих государей царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей при патриархе Иоакиме по благословению Корнилия, митрополита Великого Новгорода и Великих Лук иеромонахом Феодоритом»³⁸.

В начале XIX века построенная в петровское время деревянная церковь полностью сгорела из-за неосторожности с огнем крестьянина Августова из Винницкого погоста [5: 88].

РЕЛИКВИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

Во многих обителях Олонецкой епархии имелись реликвии, связанные с Петровской эпохой. Часть из них была подарена местным монастырям самим императором или его близкими родственниками. В 1703–1724 годах Петр I не менее семи раз посещал **Александро-Свирский монастырь**, стоявший на большом почтовом тракте. Его насельники получили особый дар от государя – 17 лафетных чугунных пушек, отлитых на Петровском заводе³⁹. Они зафиксированы в главной монастырской описи, составленной в середине 1860-х годов⁴⁰. Их стволы без лафетов были сложены под высоким крыльцом каменного Свято-Троицкого собора. В 1873 году после празднования 200-летия со дня рождения Петра редакция «Олонецких губернских ведомостей» выступила с предложением к свирским монахам:

«...желательно, чтобы пушки эти, освященные памятью Великого Государя, были поставлены на лучшем месте и как исторический памятник сохранялись бы с большим вниманием»⁴¹.

В начале XIX века в соборной церкви Рождества Богородицы **Палеостровского монастыря** рядом с гробницей преподобного Корнилия пребывал образ «Собор Пресвятой Богородицы» с резным серебряным венцом, написанный по заказу неизвестного жертвователя в 1707 году⁴². Эта икона вполне могла быть вкладом самого Петра I или кого-то из его свиты. Дело в том, что в августе 1702 года государь, оказавшийся в Повенце и отправившийся по Онежскому озеру к реке Свирь, проплывал на «карбусах» мимо Палеострова и мог заинтересоваться историей древней обители, дважды пострадавшей

от «раскольников» в последней четверти XVII века⁴³. Примечательно, что в путевых записях этнографа и путешественника П. И. Челищева, побывавшего здесь в 1791 году и познакомившегося с местными монахами, говорится о том, что у них стоит

«деревянная часовня, в которой препочивают под спудом мощи преподобного Корнилия, уроженца Псковского, начальника, кои хранятся в запечатанной государем Петром Великим гробнице»⁴⁴.

В палеостровской ризнице долгое время хранилась серебряная лжица для причащения с пятью «латинскими литерами». На ней была вырезана памятная надпись, вероятно, о дате поступления реликвии: «1716 году ноября в четвертый день»⁴⁵. В 1825 году эту лжицу переплавили со старыми серебряными вещами для «венца Спасителя» на большую икону в соборной церкви Рождества Богородицы⁴⁶.

Из монастырской описи 1809 года следует, что палеостровские монахи могли пользоваться старинными книгами Петровской эпохи – напрестольным Евангелием, напечатанным в 1717 году на дорогой «александрийской бумаге», в золоченом обресе; вторым Евангелием в кожаном переплете 1703 года; службой в честь праведных Захарии и Елисаветы, изданной в 1719 году. В последнюю книгу была подшита написанная полуставом благодарственная служба, составленная в 1722 году для празднования победы под Полтавою⁴⁷.

Особой петровской реликвией Палеостровского монастыря была богослужебная книга Триодион, подаренная Иоанном V и Петром I и их сестрой царевной Софией в 1689 году. Надпись, выполненная по листам книги, подтверждала факт дарения:

«1689 года февраля в 18 день по указу Великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича и великой государыни благоверной царевны княжны Софии Алексеевны Всея Великия и Малыя и Белья России самодержцев»⁴⁸.

В первой четверти XVIII века насельники **Соломенской пустыни**, стоявшей у дороги в Кончезерский завод и Марциальные воды, не раз принимали у себя Петра I с его семейством. В память об их гостеприимстве государь изготовил для монастырской Петропавловской церкви деревянные кресла, на которых иеромонахи сидели в алтаре во время богослужения. В конце 1860-х годов реликвия была подарена местным приходским священником Иоанном Ухотским историку Е. В. Барсову⁴⁹. Царевна София Алексеевна пожертвовала соломенским чернецам иерейскую ризу «из белого холста с оплечьями ту-

репкой парчицы» и два сплетенных из шелковых нитей монашеских пояса⁵⁰.

Андрусова пустынь на западном побережье Ладожского озера в 1702 году подверглась «свейскому разорению»: безжалостные грабители «Божии иконы покололи, оклад и жемчуг со святых чудотворцев все ободрали и двух стариц срубил»⁵¹. Уже в следующем году каменный Никольский храм был приведен в порядок и вновь освящен. Старинный антиминс в наши дни находится в собрании Государственного музея истории религии в Санкт-Петербурге [4: 34]. Монахини, лишившиеся церковной утвари и богослужебных книг, получили Цветную Триодь «в лист, в досках, обложенных кожею с оттиснутыми виньетками, застежки оторваны, переплет крепкий, печатана в Москве 1695 году». Полистная надпись сообщала имя венценосного дарителя:

«в нынешнем 1703 году февраля в 11 день по указу Великого Государя царя и Великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца дана сия книга Триодь цветная из приказы Большого дворца и нижняя палаты в Новгородский уезд в Обонежскую пятину в Николаевской... (вырван фрагмент листа. – Ю. К.) монастырь, что на Ладожском озере»⁵².

В середине XIX века эта Цветная Триодь хранилась в богатом книжном собрании Александро-Свирского монастыря, куда ее вывезли после закрытия Андрусовой пустыни.

В начале XX века в небольшом приходе, образованном после секуляризации 1764 года при церквях упраздненной **Брусненской Никольской пустыни** на острове у юго-западного побережья Онежского озера, местные клирики берегли вклад, поступивший, по преданию, от царевны Софии Алексеевны. Один из местных священников, Иоанн Малиновский, упоминает его при описании храмовой ризницы: «Холщевая фелонь, в которой оплечье штофное (атласное), по подолу и оплечью обшита синей крашениной лентой»⁵³.

В **Благовещенской Яшезерской пустыни** также хранилась священническая риза из красного шелка с богатой вышивкой и парчовый «воздух» (покрыв для священных сосудов) с кружевами из серебряных нитей – вклад царицы Прасковьи Федоровны, вдовы Иоанна V. Об этом сообщает опись монастырского имущества 1721 года:

«Да вновь ризы подавание в тое Яшезерскую пустыню в церковь Благовещения Пречистые Богородицы Великие Государыни Благоверные царицы и Великие княгини Параскевы Федоровны красного отласу, оплечье отласу белого шито разными шелками травами да поручи лудану красного и зеленого, воздуха парчевые трав-

чатые на них кружива серебряная в середине на тех воздухах кресты и их же кружив серебряные»⁵⁴.

После образования в 1764 году Олонецкой и Каргопольской викарной епархии памятные дароги подарили вывезли для пополнения ризницы правящего архиерея в Александро-Свирский монастырь, где располагалась его резиденция⁵⁵.

В **Яблонскую пустынь** на острове на Свири, по сведениям переписной книги 1724 года, в церковь Успения Божией Матери вдовствующая царица сделала другой вклад:

«...покровы таль шелковая пестрая, ризы таль шелковая пестрая, оплечье бархатное, епитрахиль красного лудану, поручи отласные пошиты крашениною»⁵⁶.

Про маленькие монастыри Прасковья Федоровна, по всей видимости, узнавала от местных жителей во время поездок на Марциальные воды или от князя А. Д. Меншикова, который в 1719 году посещал Брусненскую и Яблонскую пустыни, Ильинский монастырь [1: 41].

В начале XX века в **Рубежском приходе** примечательной древностью Петровской эпохи считалось чугунное било, отлитое в 1709 году на Петровском заводе (монахи использовали его вместо колокола)⁵⁷. Оно находилось в Петропавловской часовне, стоявшей возле старого Петровского шлюза на Мариинском канале. С 1814 года в праздник апостолов Петра и Павла в нее устраивался крестный ход из приходской церкви. В конце молебна обязательно «провозглашалась вечная память императору Петру Первому»⁵⁸. В 1909 году било сфотографировал С. М. Прокудин-Горский. В настоящее время реликвия находится в постоянной экспозиции Вытегорского краеведческого музея.

В **Лужандозерской пустыни** (Вытегорский район Вологодской области) монахи звонили в железный колокол, отлитый в 1703 году, а также пользовались такой же «чугунной плитой» 1709 года около двух пудов весом, что и рубежские чернецы⁵⁹. Впервые предметы упоминаются в переписной книге 1724 года⁶⁰. Тогда богослужения совершались в двух деревянных церквях, шестиглавой «клинчатой» Троицкой, имевшей Введенский придел, и «теплой» во имя Алексия, человека Божия. После сильного пожара, случившегося не позднее 1733 года, только храм Живоначальной Троицы был заново построен, но не освящен⁶¹. После закрытия пустыни его обратили в часовню, приписанную к ближайшему Петропавловскому приходу. В 1865–1866 годах на берегу Лужандозера была сооружена новая Троицкая церковь, вошедшая в конце столетия в состав Вытегорского при-

хода⁶². В ней как реликвии петровского времени сохранились колокол 1703 года и било 1709 года.

В годы Северной войны насельники **Петропавловской Лобановой пустыни** (Вытегорский район Вологодской области) получили от царя, предположительно посетившего эту обитель зимой 1722 года, колокол с пространной надписью на латинском и шведском языках [3: 105]. В XIX веке местные прихожане и причт не понимали ее смысл, поэтому здесь родилось удивительное предание о том, что этот колокол монахам прислали Петр I и король Швеции Карл XII⁶³. Он отливался для прихода Теува (фин. Teuva) Абоосской епархии Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии. Его изготовили в 1704 году в Стокгольме на литейном заводе Герхарда Мейера – старшего. Колокол вывезли в качестве военного трофея из оккупированной финской провинции Остроботния после жестокого сражения при деревне Напо (фин. Napue), произошедшего 19 февраля (по старому стилю) 1714 года [3: 106]. В середине XIX века он был уничтожен сильным пожаром в церкви.

Другим щедрым царским вкладом в Лобанову пустынь стал напрестольный крест-мошевик из кипариса, присланный от имени юного государя в 1683 году. Состав многочисленных вложенных реликвий говорил о ее особенном статусе⁶⁴. К середине XIX века частицы мошей находились уже в приходском храме в Вытегорских Кондушках. Они упоминаются в опубликованной в начале XX века статье Н. Шайжина («вложены в плащаницу, сделанную из кипарисного дерева, и залиты воскомастиком»)⁶⁵. Крест-мошевик оставался в бывшей монастырской церкви и сгорел вместе с ней в 1858 году⁶⁶.

По сведениям Е. В. Барсова, в **Казанской пустыни** на Клементовских озерах (Вытегорский район Вологодской области) во время богослужений читалось напрестольное Евангелие, пожертвованное царями Иоанном V и Петром I и царевной Софией Алексеевной⁶⁷. После закры-

тия маленького мужского монастыря при Екатерине II деревянная церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, построенная в 1675 году, сначала была преобразована в приходский храм, а позднее из-за отсутствия прихожан приписана к Шильдскому погосту Пудожского уезда⁶⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отечественных архивах сохранились десятки документальных свидетельств о памятниках Петровской эпохи в монастырях Олонецкой епархии. Во многих действовавших и упраздненных обителях края находились каменные и деревянные храмы, построенные в конце XVII – первой четверти XVIII века, и сохранились реликвии, связанные с именем Петра I или временем его правления. Монахи получали от царя и его близких родственников священнические облачения и воздухи (покровы) из дорогих привозных тканей, богато украшенные богослужебные книги, колокола. Выяснилось, что монастыри, которые Петр I посещал во время своих поездок в Олонецкий уезд, удостаивались особых даров (среди них крест-мошевик, чугунные пушки, изготовленные государем деревянные кресла). В качестве «исторических древностей» до начала XX века сохранились закладные кресты с памятными надписями и антиминсы (без частиц мощей) из исчезнувших к тому времени церквей. Из богатого петровского наследия до наших дней уцелели единичные храмы в мужских возрожденных Александро-Свирском и Александро-Ошевенском монастырях и предметы конца XVII – первой четверти XVIII века, попавшие в музейные фонды. Представленные материалы о церквях и мемориальных вещах, по всей видимости, дополнятся новыми сведениями, которые будут выявлены в архивных документах. Отдельного внимания в будущем заслуживают жалованные грамоты, выданные Петром I монастырям края на их земельные угодья и даровавшие им налоговые льготы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 1888 году в этом приделе стояла рака преподобного Александра Ошевенского из красного дерева с его ростовым изображением на верхней «кипарисной доске»; «сень над ракою столярной работы с резьбою, позолочена на полименте червонным золотом». В приделе преподобного Сергия Радонежского (на втором этаже) находилась прежняя рака преподобного Александра с его изображением «красками на клее». См.: ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 213. Л. 17.

² ГААО. Ф. 1514. Оп. 1. Д. 213. Л. 1–1 об.

³ Ивановский Я. И. Свирский Александров монастырь. Исторический очерк по документам монастырского архива. СПб.: Синодальная типография, 1874. С. 42–43.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 30/331.

⁶ Описание памятников архитектуры по губерниям // Известия Императорской археологической комиссии (далее – ИИАК). СПб., 1915. Вып. 57. С. 137.

⁷ Паломническая поездка учеников Петрозаводского духовного училища в Александро-Свирский монастырь // Олонецкие епархиальные ведомости (далее – ОГВ). 1915. № 18. С. 35.

- ⁸ Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 649; Там же. Ф. 3. Оп. 1. Картон 11. Д. 12. Л. 309.
- ⁹ Сгоревшая пустынь // ОГВ. 1885. № 61. С. 546.
- ¹⁰ Цит. по: Островский Д. Краткое описание церковных древностей Олонецкого епархиального церковного древлехранилища // Олонецкие епархиальные ведомости (далее – ОЕВ). 1912. № 28. С. 485.
- ¹¹ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 81 об.
- ¹² НА РК. Ф. 178. Оп. 1. Д. 35/5.
- ¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 699. Л. 60.
- ¹⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 3/1. Л. 9–12 об. Позднее при церкви вновь был образован самостоятельный приход. См.: НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 132/2472. Л. 239–241.
- ¹⁵ Описание памятников архитектуры по губерниям // ИИАК. СПб., 1915. Вып. 57. С. 125.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 125.
- ¹⁷ См.: Грамота преосвященного Иова, митрополита Новгородского, строителю Елгомской пустыни монаху Феодосию, о построении новой церкви вместо старой обветшавшей (11 января 1711 года) // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 128; Докучаев-Басков К. А. Елгомская Богоявленская пустынь // Христианское чтение. 1886. № 5/6. С. 846–889. Главной святыней в Елгомской пустыни была чудотворная явленная икона «Положение честных ризы Божией Матери». В начале XX века прихожане утверждали, что она «никогда не поправленная и до сего времени находится в одном виде». См.: Описание памятников архитектуры по губерниям // ИИАК. СПб., 1914. Вып. 52. С. 142.
- ¹⁸ Докучаев-Басков К. А. Елгомская Богоявленская пустынь... С. 858. В 1717 году в этот северный монастырь был направлен «на корм» отставной солдат Иван Баран из пехотного полка Б. М. Батурина. Так воплощался в жизнь замысел Петра I превратить действующие монастыри в богадельни для «престарелых и увечных» воинов.
- ¹⁹ До проведения работ находилась в удручающем состоянии: «...церковь осела вследствие подгнивших углов и придавила в западной части поперечную балку, расположенную в стороне трапезы; восточная балка, лежащая над иконостасом, давит на него и кривит. В правом приделе балки опустились уже до шкафа. Стены во многих местах ветхи, так что окна вышли из своего нормального положения, обшивка отходит. Все здание подалось в южную сторону». См.: Протоколы реставрационных заседаний // ИИАК. СПб., 1912. Вып. 44. С. 73.
- ²⁰ Воронов А. Древние надписи на колоколах // ОГВ. 1888. № 13. С. 122. Колокола этого мастера имелись и в других российских обителях, например в московском Новодевичьем (1673 года), Николо-Корельском монастырях. См.: Пыляев М. И. Исторические колокола // Исторический вестник. 1890. Т. 42, № 10. С. 169–204.
- ²¹ Рубежский приход Вытегорского уезда // ОГВ. 1900. № 28. С. 2.
- ²² НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 41/471.
- ²³ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 38/111.
- ²⁴ НА РК. Ф. 25. Оп. 15. Д. 94/2038. Л. 7.
- ²⁵ Описание памятников архитектуры по губерниям // ИИАК. СПб., 1914. Вып. 52. С. 136.
- ²⁶ Дашков В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношении. СПб., 1842. С. 109–110.
- ²⁷ См.: Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы с приписными к нему пустынями, церковными и патриаршими грамотами. СПб.: Катков и К, 1871. С. 85.
- ²⁸ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 83.
- ²⁹ НА РК. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1/1; Ф. 126. Оп. 1. Д. 5/62. Л. 22–23.
- ³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 701. Л. 11.
- ³¹ НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 9/22.
- ³² НА РК. Ф. 25. Оп. 16. Д. 9/1. Л. 5 об.
- ³³ Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 60.
- ³⁴ Описание памятников архитектуры по губерниям // ИИАК. СПб., 1915. Вып. 57. С. 126.
- ³⁵ РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2457. Л. 86.
- ³⁶ Так, некоторое время здесь жил бежавший из Соловецкого монастыря инок Епифаний, близкий сподвижник крупнейшего деятеля раннего старообрядчества протопопа Аввакума. См.: Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1862. С. 85.
- ³⁷ Воронов А. П. К истории Троицкой Сунорецкой пустыни // ОГВ. 1900. № 60. С. 2.
- ³⁸ Цит. по: Вигилянский П. И. Паданский женский монастырь (Исторический очерк). Петрозаводск, 1905. С. 12.
- ³⁹ Воспоминания о пришествиях великого государя Петра Первого в Олонец Игнатия, бывшего Олонецкого, ныне Воронежского. Издание второе. СПб., 1849. С. 49–50; Ивановский Я. И. Сви́рский Александров монастырь... С. 48.
- ⁴⁰ НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 30/331.
- ⁴¹ Александро-Сви́рский монастырь // ОЕВ. 1873. № 60. С. 701.
- ⁴² НА РК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 3.
- ⁴³ После первого нападения «раскольников» в Палеостровский монастырь от имени царей Иоанна V и Петра I, а также их сестры царевны Софии был прислан печатный Триодион («трипесенец») в кожаном переплете с полистной надписью: «По сему 197-го февраля 18 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича и великой государыни царевны княжны Софии Алексеевны всея

- великия и малые и белые россии самодержцев». См.: НА РК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 17. После второго разорения мужской обители, по грамоте, выданной Иоанном и Петром Алексеевичами в 1691 году, все ее права на земли и угодья были подтверждены. Кроме того, монахам были пожалованы 100 рублей «на монастырское церковное строение». См.: Барсов Е. В. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае (с грамотами и другими письменными памятниками). М., 1868. С. 53.
- ⁴⁴ Путешествие по северу России в 1791 году. Дневник П. И. Челищева, изданный под наблюдением Л. П. Майкова. СПб., 1886. С. 17.
- ⁴⁵ Помимо этой серебряной лжицы западного происхождения, составитель описи упоминает медное блюдо «древней работы» с резным изображением Иоанна Предтечи «с надписанием греческих литер». Дополнительные сведения, которые могли бы пояснить обстоятельства появления этой вещи в Палеостровском монастыре, в документе отсутствуют.
- ⁴⁶ НА РК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 5 об.
- ⁴⁷ НА РК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 19.
- ⁴⁸ НА РК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1/7. Л. 17.
- ⁴⁹ Барсов Е. В. Олонецкий монастырь Клименцы... С. 95.
- ⁵⁰ Замечательные местности в Петрозаводском уезде // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1858 год. СПб., 1858. С. 125.
- ⁵¹ Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора Петра Великого. Пг., 1916. Т. 3. Стб. 147–161.
- ⁵² НА РК. Ф. 25. Оп. 20. Д. 30/331. Л. 213 об.–214.
- ⁵³ Малиновский И. Летопись церкви во имя святителя и чудотворца Николая и во имя св. апостола Фомы, что в Брусенском приходе Олонецкой епархии Петрозаводского уезда // ОЕВ. 1906. № 6. С. 257.
- ⁵⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 11. Д. 1. Л. 3.
- ⁵⁵ ГИАО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1425. Л. 3 об.
- ⁵⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 21. Д. 9. Л. 59.
- ⁵⁷ Барсов Е. В. Алфавитный указатель монастырей и пустынь, упраздненных и существующих в Олонецкой епархии, с их настоятелями // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск, 1867. Ч. 3. С. 22.
- ⁵⁸ Рубежский приход Вытегорского уезда // ОГВ. 1900. № 27. С. 2.
- ⁵⁹ Упраздненная Лужандозерская пустынь // ОГВ. 1866. № 12. С. 224.
- ⁶⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Картон 21. Д. 9. Л. 55.
- ⁶¹ ГИАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 774.
- ⁶² НА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 26/1721. Л. 88.
- ⁶³ Петропавловский приход (в Кондушской волости Вытегорского уезда) // ОГВ. 1884. № 29. С. 291.
- ⁶⁴ В драгоценном кресте пребывали частицы от Ризы Господней и Животворящего Креста Господня, от мощей Иоанна Предтечи, апостолов Павла и Матфея, святителя Николая Чудотворца, московских митрополитов Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, суздальского епископа Симеона, великомучеников Георгия, Прокопия, Иакова Персянина, преподобномученика Евстратия Печерского, мученика Гавриила Египетского, мученик Евфимии Всехвальной, Марины, Наталии, Феодосии, преподобных Саввы Освященного, Нила Столбенского, Даниила Столпника, Александра Свирского, Никона Печерского, Игнатия Печерского, Онисифора Прозорливого, Иоанна Многострадального, Еразма, Агафона, Феофана, Евфимия, Мартирия, Силуана, Григория иконописца и неизвестного святого. См.: Минорский П. М. Вытегорские Кондужи // Олонецкие губернские ведомости. 1874. № 21. С. 264; Тихомиров Алексей, священник. Кондушский приход, Вытегорского уезда // ОЕВ. 1899. № 18. С. 19.
- ⁶⁵ Шайжин Н. Слава Святителя и Чудотворца Николая в Олонецкой губернии // ОЕВ. 1909. № 4. С. 105.
- ⁶⁶ НА РК. Ф. 25. Оп. 18. Д. 2/36. Л. 71.
- ⁶⁷ Барсов Е. В. Алфавитный указатель монастырей и пустынь, упраздненных и существующих в Олонецкой епархии, с их настоятелями // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 год. Петрозаводск, 1867. Ч. 3. С. 14–15.
- ⁶⁸ НА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 68/3. Л. 53; Д. 82/11. Л. 203–203 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Капустя Л. И. Марциальные воды. Страницы истории первого русского курорта. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 100 с.
- Коженикова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Изд-во Спасо-Кижского Патриаршего подворья, 2009. 304 с.
- Коженикова Ю. Н. Петропавловская Лобанова пустынь: предания о царских дарах // Словесность и история. 2020. № 2. С. 96–111.
- Николаева С. Г. Коллекция гравированных антиминсов в собрании Государственного музея истории религии. СПб.: Акционер и К, 2003. 178 с.
- Олонецкая епархия: страницы истории / Сост. Н. А. Басова и др. Петрозаводск, 2001. 256 с.
- Пашков А. М. Петровский курорт «Марциальные Воды» в восприятии современников-иностранцев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.488
- Петровские памятники России и Европы: Изучение, сохранение, культурный туризм: Материалы VII Международного Петровского конгресса / Сост. А. В. Кобак и др. СПб.: Европейский дом, 2016. 696 с.

8. Петровские памятники России: Историко-культурная энциклопедия / Сост. А. В. Кобак и др. СПб.: Про-пилеи, 2022. Т. 1. 516 с.
9. П и г и н А. В. Повесть об основании Лебяжьей пустыни – малоизвестное произведение каргопольской книжности XVIII века // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2008. Т. 58. С. 753–772.
10. Урванцева Н. Г. «Места памяти» Петра I в городе Петрозаводске // *Studia Humanitatis Borealis*. 2021. № 1 (18). С. 50–62. DOI: 10.15393/j12.art.2021.3702
11. Ш а х н о в и ч М. М. Троицко-Суворецкий монастырь в западном Прионежье: археологические работы 2007–2011 гг. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: Паренто-Принт, 2017. Вып. 10. С. 257–272.

Поступила в редакцию 04.09.2022; принята к публикации 17.10.2022

Original article

Yulia N. Kozhevnikova, Cand. Sc. (History), Leading Re-
searcher, Barents Centre of the Humanities – Branch of the
Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian
Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozevnikova@gmail.com

MONUMENTS OF PETER THE GREAT’S EPOCH IN THE MONASTERIES OF THE OLONETS EPARCHY

Abstract. The article deals with the monuments of the Peter the Great’s epoch (dating to the period between the late XVII century and the first quarter of the XVIII century) existing in the functioning and abolished monasteries of the Olonets Eparchy founded in 1828, which have not been previously studied in Russian historiography. The main sources for the study were property inventories, clerical documents from the funds of individual monasteries and the Olonets and Novgorod ecclesiastical consistories, income and expense books, the published records of the meetings of the Imperial Archaeological Commission, as well as the local history literature of the XIX and the early XX centuries. The paper for the first time summarizes the surviving written evidence of stone and wooden churches built in local monasteries during the late XVII century and the first quarter of the XVIII century, and some monastic relics associated with Peter the Great and his time. The monks received sacred vestments and *vozdukhs* (veils) made of expensive imported fabrics, richly decorated liturgical books, bells, and special gifts (a reliquary cross, cast-iron cannons, wooden chairs made by the monarch) from the tsar and his relatives. It turns out that of all the many Peter the Great’s legacies only few churches in the functioning monasteries of St. Alexander of Svir and St. Alexander Oshevsky as well as some objects of that glorious epoch that ended up in Soviet museums have survived to this day.

Key words: monasteries, Olonets Eparchy, Petrine epoch, relics, churches

Acknowledgements. The article was written as part of the project “Peter the Great and his epoch in the historical memory of the peoples of Karelia” under the Russian Foundation for Basic Research grant “Peter the Great’s epoch” for 2020–2022 (project No 20-09-42034).

For citation: Kozhevnikova, Yu. N. Monuments of Peter the Great’s epoch in the monasteries of the Olonets Eparchy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):76–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.837

REFERENCES

1. Капустя, Л. И. The Marcial Waters. Pages of the history of the first Russian resort. St. Petersburg, 2006. 100 p. (In Russ.)
2. Kozhevnikova, Yu. N. Monasteries and monasticism of the Olonets Eparchy between the second half of the XVIII century and the early XX century. Petrozavodsk, 2009. 304 p. (In Russ.)
3. Kozhevnikova, Yu. N. The Peter and Paul Lobanova Hermitage: folk legends about royal gifts. *Texts and History*. 2020;2:96–111. (In Russ.)
4. Nikolaeva, S. G. Collection of engraved antiminses of the State Museum of the History of Religion. St. Petersburg, 2003. 178 p. (In Russ.)
5. The Olonets Eparchy: pages of history. Petrozavodsk, 2001. 256 p. (In Russ.)
6. Pashkov, A. M. Petrine Marcial Waters resort in the perception of foreign contemporaries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):99–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.488 (In Russ.)
7. Monuments of the Petrine epoch in Russia and Europe. Study, preservation, cultural tourism: Proceedings of the VII International Peter the Great Congress. (A. V. Kobak et al., Eds.). St. Petersburg, 2016. 696 p. (In Russ.)
8. Monuments of the Petrine epoch in Russia: Historical and cultural encyclopedia. (A. V. Kobak et al., Eds.). St. Petersburg, 2022. Vol. 1. 516 p. (In Russ.)
9. Pigin, A. V. The tale of the foundation of the Lebyazhya Hermitage, a little-known eighteenth-century book from Kargopol. *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature*. (N. V. Ponyrko, Ed.). St. Petersburg, 2008. Vol. 58. P. 753–772. (In Russ.)
10. Urvantseva, N. G. Places of memory associated with Peter the Great in the city of Petrozavodsk. *Studia Humanitatis Borealis*. 2021;1(18):50–62. DOI: 10.15393/j12.art.2021.3702 (In Russ.)
11. Shakhnovich, M. M. The Holy Trinity Monastery on the Suna River in Western Prionezhye: archaeological works of 2007–2011. *Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages*. Tver, 2017. Vol. 10. P. 257–272. (In Russ.)

Received: 4 September, 2022; accepted: 17 October, 2022

МАРК МИХАЙЛОВИЧ ШАХНОВИЧ

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0771-675X; marksuk62@mail.ru

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ КУТЬКОВ

независимый исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
kut46@rambler.ru

ДВОРЕЦ ПЕТРА I В ПОСЕЛКЕ МАРЦИАЛЬНЫЕ ВОДЫ: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

А н н о т а ц и я . Археологическая экспедиция Национального музея Республики Карелия в 2019 году проводила обследование на территории поселка Марциальные Воды с целью поиска остатков комплекса строений первой половины XVIII века. В ходе работ установлено наличие неповрежденных культурных напластований, которые можно соотнести с петровским этапом истории поселения в первой четверти XVIII века. По архивно-библиографическим материалам, в данном месте располагались дворец Петра I, минеральные источники и дворовая территория. Археологические работы позволили локализовать распространение культурного слоя, определить его сохранность и перспективность дальнейшего изучения. Археологический шурф показал присутствие слоя фашинника и положенных на него досок. Отсутствие следов строений и предметных находок не умаляет значения и важности для понимания строительной истории обследованной территории. Проведение новых раскопок в будущем, скорее всего, позволит обнаружить артефакты периода функционирования околоводных источников дворца Петра I.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Марциальные Воды, дворец Петра I, историко-археологические исследования

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено в рамках госзадания по теме НИР FMEZ-2022-0028 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI вв.: исторический и антропологический ракурсы». Искренняя признательность за помощь Е. В. Гусаровой.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Шахнович М. М., Кутьков Н. П. Дворец Петра I в поселке Марциальные Воды: история и археология // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 85–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.838

ВВЕДЕНИЕ

В 2019 году археологической экспедицией Национального музея Республики Карелия было произведено историко-культурное археологическое обследование (разведка) на территории поселка Марциальные Воды. Цель наших изысканий – натурный поиск остатков комплекса строений первой половины XVIII века. Предполагалось изучение антропогенных отложений, которые можно соотнести с петровским периодом в истории поселения; определение их основных характеристик: состава, мощности, стратиграфии, датировки и сохранности.

Проведение работ было обусловлено научными и практическими задачами, связанными с уточнением сведений для комплекса охраняемых мероприятий на территории первого рос-

сийского курорта. Такого рода исследования позволяют локализовать на местности участки сохранившегося культурного слоя, где в дальнейшем необходимо будет осуществлять надзор или производить раскопки. Археологические работы на данной территории ранее не проводились. На этапе анализа историко-архивных материалов мы опирались на накопленный к настоящему моменту блок письменных, иконографических и, что особенно важно, картографических документов по истории поселения около минеральных источников. Это во многом облегчило наши полевые изыскания.

ИСТОРИЯ МАРЦИАЛЬНОВОДСКОГО ДВОРЦА

Первый российский курорт основан по указу Петра I в 51 км к северу от Петровского завода

(ныне г. Петрозаводск), в 6,5 км к северо-западу от Кончезерского медеплавильного завода. Целебные ключи были открыты в 1714 году во время добычи руды на «железной пожне» Равболото. Поселение Дворцы было устроено в болотистом понижении рельефа, непосредственно около железистых минеральных источников. Вряд ли это малоудобное место ранее обживалось людьми. Ближайший удобный для долговременного поселения водоем Габозеро находится в 2 км к юго-востоку. Петр I лечился на «олонецких водах» в 1719, 1720, 1722 и 1724 годах¹.

Основное здание поселения – это деревянный «Дворец Императора», который спешно построили «при минеральных колодезях» за два месяца зимой 1717 года (сдан в январе 1718 года). Он был рассчитан на проживание царя с царицей и «ближней свиты». В плане это было вытянутое, одноэтажное здание с «22 окнами» и боковыми ризалитами (32 x 11,5 сажений). Перед фасадом находился источник, соединенный с просторным «залом» (длина 15 сажений, площадь около 90 кв. сажений) короткой крытой галереей («сени до колодца, над которым крытый шатер»). Еще один «колодезь» с лесенкой вниз располагался к востоку от дворца. Комплекс зданий окружала изгородь из рогаток (рис. 1).

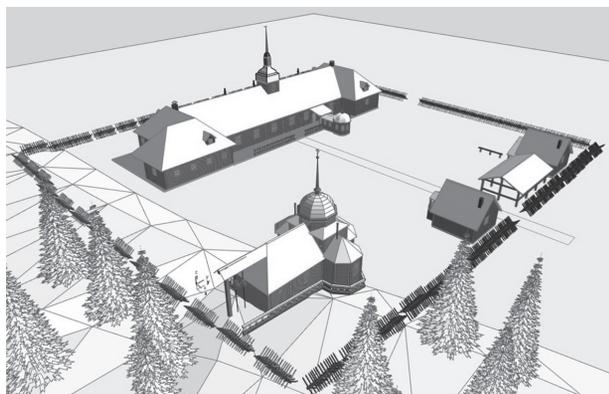

Рис. 1. Реконструкция дворцового комплекса при марциальных источниках в 1721 году. Авторы Е. Ю. Пермяков, Н. П. Кутьков

Figure 1. Reconstruction of the palace complex at the Martial Waters in 1721. Authors: E. Yu. Permyakov, N. P. Kut'kov

Автор проекта курорта, начальник олонецких горных заводов Виллим Геннин уже имел опыт сооружения подобных объектов в Санкт-Петербурге. Мы можем предположить, что в традициях петровского барокко к центру марциальноводской резиденции царя должна была вести прямая подъездная магистраль, а на симметричном здании существовал высотный акцент в виде башнеобразной надстройки [3: 23]. Зда-

ние возвели непосредственно на болоте, что потребовало свайного укрепления фундамента². Для сохранения водоносного слоя осушение прилегающей территории предположительно не проводилось, и поверх торфяных отложений был уложен настил из фашины³. В этот же период были построены «на высокой горе Дворец летний», рядом с царским домом «дворец» царицы Прасковьи Федоровны с двумя погребями и теплицей, дома для лекаря и его помощника, две караульни и другие вспомогательные строения. В 1721 году возводятся церковь «апостола Петра при водах» и гостиница на двадцать комнат с сорока окнами («линнея»). Во второй половине XVIII века в деревне также стояли дома священника и дьячка, небольшой купоросный завод [1].

В нашем распоряжении есть три опубликованных разновременных плана поселения при минеральных источниках XVIII века: «Чертеж дворца Государя Петра I при Олонецких минеральных водах», выполненный В. Геннином для Петра I в 1719 году⁴; план Дворецкого рудника, приведенный в книге академика Н. Я. Озерецковского «Путешествия по озерам Ладожскому и Онежскому», вычерченный в 1780 году предположительно берггешвореном Козьмой Князевым; датируемый декабрем 1788 года «План и профиль Дворецкому железному руднику, какое он положение имеет и сколько в оном какого строения явствует ниже всего под литерами», также подписанный К. Князевым⁵.

Два последних плана незначительно разнятся. В более позднем варианте дворец обозначен штриховой линией, то есть как несуществующий. Но есть и некоторые отличия, имеющие значение для археологического поиска. Например, контур дворца на плане 1788 года примерно на пять сажений (не менее 10 м) смещен, с учетом магнитного склонения – в северо-восточном направлении. Поэтому сохранившийся колодец лечебной воды отмечен напротив середины дворца, что не соответствует ситуации, отраженной на более ранних чертежах, где он был расположен к востоку от центра здания. Ошибка объяснима: план 1788 года был составлен уже при поглощении карьером и дворца, и большей части прилегающей дворцовой территории (рис. 2). По этой причине при локализации дворца относительно церкви наиболее достоверным следует считать план 1780 года.

Виллим Геннин, вероятно, планировал расположить здание дворца строго в широтном направлении, по оси запад – восток. Южная

экспозиция фасада здания в северном климате создавала дополнительное комфортное преимущество для пребывания посетителей курорта. Продольная ось сохранившегося здания церкви ап. Петра и построенный ранее дворец, однако, не ориентированы строго в направлении запад – восток со значительным отклонением не менее 25°. Скорее всего, при закладке здания строители полагались только на инструментальные измерения, не учитывая поправки на магнитное склонение [2: 166].

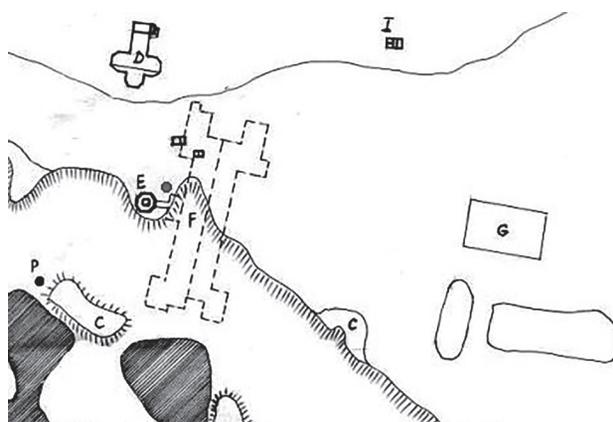

Рис. 2. Место работ 2019 года на плане К. Князева 1788 года (фрагмент). D – церковь; F – Большой дворец; E – «марциальный колодец»; G – купоросный завод; I – казарма

Figure 2. Location of works in 2019 on K. Knyazev's plan of 1788 (fragment). D – church; F – Grand Palace; E – “Martial well”; G – vitriol factory; I – casern

Железная руда из болот около курорта считалась наиболее качественной для металлургического производства, и в 1774 году А. С. Ярцов был вынужден расконсервировать Дворецкий рудник и расширить карьер. Пласты руды в его северо-западной части были гораздо тоньше, чем в юго-восточной. Первоначально рудокопы «не трогали» дворец и находившиеся рядом более поздние постройки (дом священника, просвирию, амбары). Постепенно дворцовая территория была «освоена», и в 1782 году восточную часть обветшавшего большого дворца разобрали. Из всех дворцовых сооружений сохранился только основной минеральный колодец с остатками восьмигранного шатра⁶.

Убедившись в незначительности объемов рудодобычи, а главное, в ее низком качестве, Ярцов в рудокопных работах не продвинулся дальше площади, околонтуренной на плане 1788 года. Археологизированные остатки западного крыла дворца, где размещались апартаменты императорской четы, остались тогда в неприкосновенности. Сейчас этот участок располагается под насыпью

шоссе и недоступен для археологических раскопок. Возможно, какие-то части фундамента уцелели при строительстве дороги.

Разработка южной части рудника продолжалась как минимум до 1795 года в основном для нужд чугунолитейного Кончезерского завода⁷. В качестве «пушечного» и «полупушечного» сырья для Александровского завода болотные руды при директорстве Чарльза Гаскойна уже не употреблялись. Материал от разборки дворца частично пошел на починку «купоросного завода»⁸, действовавшего с 1751 года более полувека, и строительство жилья для его работников. Карьер затапливался и заболачивался, но вода стекала по каналу в Габручей.

В 1858 году к приезду Александра II привели в порядок дорогу, над старым петровским колодезем соорудили открытую беседку в «мавританском стиле». Вплоть до 1958 года, когда началось масштабное строительство корпусов санатория, это было небольшое, малопосещаемое придорожное поселение.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Древний рельеф местности в современном центре поселка Марциальные Воды в целом сохранился, но по дошедшим до нас картам можно отметить и существенные изменения по сравнению с ситуацией, существовавшей в первой половине XVIII века. Это значительное расширение в 1770-е годы болотного карьера к западу, повлекшее разборку обветшавшего дворца и, вероятно, некоторых рядомстоящих деревянных жилых и хозяйственных строений; прокладка вдоль восточного склона холма дороги, перестроенной во второй половине XX века в шоссе республиканского значения с мощной насыпью и асфальтовым покрытием⁹; возведение курортной инфраструктуры и общее благоустройство около источников в 1960–1970-е годы. Особо отметим, что в XX веке, после строительства насыпи шоссе, гидрорежим обследуемой территории при сопоставлении с состоянием, существовавшим триста лет назад, изменился в сторону снижения уровня грунтовых вод.

К счастью, существуют важные для наших изысканий основные ориентиры на местности – хорошо выраженный в рельефе карьер 1770-х годов, отстоящий от насыпи шоссе на 15 м, место минерального источника и церковь апостола Петра. При совмещении картосхем XVIII века и современной топоосновы к северо-востоку от церкви можно выделить небольшой участок,

перспективный для обнаружения остатков строений петровского времени. Ровная, без видимых повреждений небольшая площадка находится между питьевым бюветом на юге и сувенирным павильоном на севере. Она и стала местом наших работ в 2019 году (см. рис. 2).

С запада данный участок ограничен высокой насыпью шоссе Петрозаводск – Спасская Губа, с востока – краем поросшего лиственным мелколесьем карьера (глубиной до 2 м). Площадка задернована, обезлесена, по краю карьера растут крупные лиственницы. Ее размеры – 16 x 10–12 м (площадь около 200 кв. м). Присутствует небольшой наклон современной поверхности от насыпи шоссе к востоку (к карьере) и к югу – в сторону бювета. С севера на юг, параллельно дороге, к источнику проложена асфальтовая дорожка без бордюра (шириной 1,9 м) с фонарным освещением.

С целью выяснения характера и мощности культурных напластований в условном центре площадки, в 8 м к северо-западу от угла фундамента бювета, в 10 м к востоку от асфальтового полотна шоссе был заложен археологический шурф площадью в 4 кв. м. В этом месте современная дневная поверхность относительно ровная, с небольшим естественным понижением в сторону карьера – 0,05 м на 1 м (рис. 3).

Рис. 3. Поселок Марциальные Воды. 2019 год. Шурф. Вид с запада

Figure 3. The village of Martial Waters, 2019. The pit. View from west

Культурный слой разбирался вручную мелким раскопным инструментом, зачистками по условным горизонтальным слоям мощностью по 0,1 м. Грунт дополнительно просеивался на мелкоячеистом сите. По завершении работ шурф был рекультивирован.

Общая мощность антропогенных напластований в шурфе составила 0,65 м, при глубине вскрытия 0,75 м. Усредненная стратиграфическая колонка выглядит следующим образом: дерн мощностью 0,05 м; желтый песок (отсыпка) – 0,15–0,18 м; темно-желтый с красноватым оттенком ожеженный песок (отсыпка) – 0,1–0,12 м; темно-серый с углистостью слой – 0,05–0,12 м, прослойка с неровным верхним уровнем, отделяющая балластную отсыпку второй половины XX века от слоя XVIII века; истлевшая, спрессованная разнородная древесина (плахи, ветки, береста – 0,05–0,1 м); черный слой истлевшей органики с включениями бересты – 0,16–0,2 м; темно-бурый болотный торф – материк. В границах шурфа не отмечены западания культурного слоя ниже общего уровня материка.

Прослеженные, хорошо стратифицированные культурные отложения (0,65 м) можно разделить на два условных разновременных горизонта. Верхний (0–0,25–0,35 м) – балластная отсыпка второй половины XX века, находящаяся сверху неровного слоя более ранних земляных работ (темно-серый с углистостью песок). Нам наиболее интересен нижний слой (1718 год?) – «гать», уложенная поверх природного слоя болотного торфа¹⁰ (рис. 4).

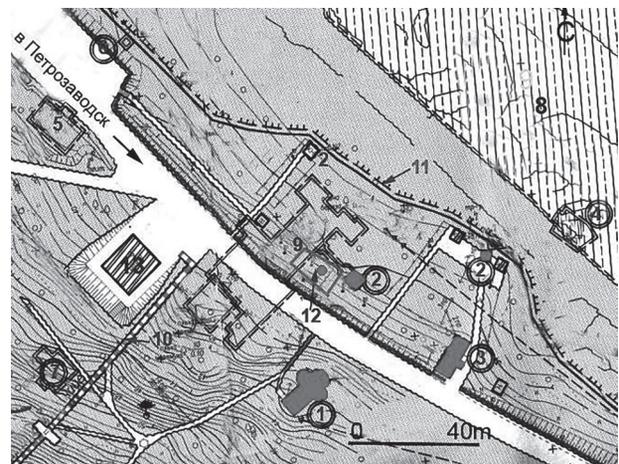

Рис. 4. Поселок Марциальные Воды. Топооснова Генплан 2007 года. Месторасположение исторических и современных зданий. 1 – церковь; 2 – павильоны; 3 – музей; 4 – дом священника; 5 – купоросный завод; 6 – колодец завода; 7 – летний дворец; 8 – болото; 9 – дворец Петра; 10 – лестница; 11 – обрыв; 12 – сохранившийся культурный слой и шурф; 13 – кафе

Figure 4. The village of Martial Waters. Topographic basis of the General Plan of 2007. Location of historical and modern buildings. 1 – church; 2 – pavilions; 3 – museum; 4 – priest's house; 5 – vitriol factory; 6 – factory well; 7 – Summer Palace; 8 – swamp; 9 – Peter the Great's Palace; 10 – stairs; 11 – cliff; 12 – preserved cultural layer and the pit; 13 – cafe

ВЫВОДЫ

Таким образом, в ходе археологических исследований 2019 года установлено наличие в поселке Марциальные Воды хорошо сохранившихся, неповрежденных культурных напластований, которые можно соотнести с начальным, петровским, этапом поселения первой четверти XVIII века. Этот небольшой участок площадью 200 кв. м с севера ограничивает дренажная канава, с востока – край карьера, с запада – насыпь шоссе и с юга – понижение к источнику. По архивно-библиографическим материалам, в данном месте располагался дворец Петра I и часть дворовой территории перед его фасадом, к западу от галереи, ведущей к источнику. Археологические работы позволили локализовать распространение культурного слоя, определить его сохранность и перспективность дальнейшего изучения.

Отсутствие следов строений и предметных находок не умаляет значения и исторической важности обследованной территории. В будущем при продолжении раскопок, скорее всего, будут встречены артефакты периода функционирования близ водных источников дворца Петра I. Можно высказать определенные оптимистичные прогнозы и по возможности обнаружения других объектов Петровской эпохи на территории поселения Марциальные Воды.

Данная публикация еще раз подтверждает тезис о том, что только археологические исследования могут уточнить информацию исторических документов. Других способов восстановить утраченные архитектурные и строительные детали объектов не существует. Результаты наших работ имеют не только научный, но и практический интерес для последующих реставрационных проектов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Приезды Петра I приходились преимущественно на февраль – март (всего 98 дней). См.: Данков М. Ю. Полгода жизни царя Петра Алексеевича в Олонецком уезде // Двинская земля. Вып. 9. Котлас: ИД Юг Севера, 2021. С. 121–129.
- ² В экспозиции Музея истории Первого российского курорта «Марциальные воды» хранится бревно (диаметр 25 см, длина 184 см) – предположительно остатки фундаментной сваи Дворца (КГМ 8059).
- ³ «В железной оной руде, которая желта и рыхла, попадаются березовые и ольховые круглые поленья, которые приняли на себя вид железной ржавчины... Сказывают, что при начале заведения на Марциальных водах строения поделаны были на одной низкой равнине мосты из фашичника, который по времени заплыл землею». См.: Озерецковский Н. Я. Путешествие академика Н. Озерецковского по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 145.
- ⁴ ВИМАИВиВС. А-2178.
- ⁵ НА РК. Ф. 4: Олонецкая казенная палата. Оп. 51. Д. 2/3а. Л. 125–126.
- ⁶ На плане К. Князева 1788 года отмечен литерой Е.
- ⁷ НА РК. Ф. 4: Олонецкая казенная палата. Оп. 51. Д. 9/26. Л. 53.
- ⁸ На плане К. Князева 1788 года отмечен литерой F.
- ⁹ Дорога первоначально доходила только до комплекса дворцовых строений, первое асфальтовое покрытие сделано в 1964 году.
- ¹⁰ «Сказывают, что при начале заведения на Марциальных водах строения поделаны были на оной низкой равнине мосты из фашичника, который по времени заплыл и, напаявшись соками, отвердел и тем спасся от согнития». См. Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому... С. 145, 146.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Капуста Л. И. Первый российский курорт Марциальные Воды. Петрозаводск: Периодика, 2018. 128 с.
- Кутыков Н. П. Дворцовый комплекс Марциальных Вод. История его развития и разрушения в конце XVIII в. // Народное зодчество. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 161–168.
- Штиглиц М. С. Промышленная архитектура Петербурга. СПб.: Журнал «Нева», 1996. 132 с.

Поступила в редакцию 07.09.2022; принята к публикации 17.10.2022

Original article

Mark M. Shakhnovich, Cand. Sc. (History), Research Associate, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-0771-675X; marksuk62@mail.ru

Nikolai P. Kut'kov, Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)

kut46@rambler.ru

PETER THE GREAT'S PALACE AT THE MARTIAL WATERS RESORT: HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Abstract. The 2019 archaeological expedition of the National Museum of the Republic of Karelia explored the territory of the Martial Waters resort in order to search for the remains of a complex of buildings dating back to the first half of the XVIII century. The works revealed the intact cultural strata in the settlement, which can be correlated with the Petrine stage of its history in the first quarter of the XVIII century. According to the archival and bibliographic materials, the palace of Peter the Great, the mineral springs and a courtyard area were located in this place. The archaeological works made it possible to localize the spread of the cultural layer, to determine the level of its preservation, and evaluate the prospects for further research. The archaeological pit showed the presence of a fascine layer covered with boards. The absence of traces of buildings and any other objects does not diminish the importance of the surveyed area for understanding the construction history. Future excavations are likely to reveal some artifacts from the period when the near-water sources of Peter the Great's Palace were fully functional.

Keywords: Martial Waters resort, Peter the Great's Palace, historical and archaeological research

Acknowledgements. The study was conducted as part of the state-funded project No FMEZ-2022-0028 “Sociocultural, scientific and technological development of the northwestern part of the Russian Arctic from the XIX to the XXI centuries: historical and anthropological perspectives”. The authors express their sincere gratitude to E. V. Gusarova.

For citation: Shakhnovich, M. M., Kut'kov, N. P. Peter the Great's Palace at the Martial Waters resort: history and archaeology. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):85–90. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.838

REFERENCES

1. Kapusta, L. I. The Martial Waters – the first Russian resort. Petrozavodsk, 2018. 128 p. (In Russ.)
2. Kut'kov, N. P. The palace complex of the Martial Waters. The history of its development and destruction at the end of the XVIII century. *Folk architecture*. Petrozavodsk, 1999. P. 161–168. (In Russ.)
3. Shtiglitz, M. S. Industrial architecture of St. Petersburg. St. Petersburg, 1996. 132 p. (In Russ.)

Received: 7 September, 2022; accepted: 17 October, 2022

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ЯКОВЛЕВ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории перспективных проектов в образовании
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5364-3614; nii.region@mail.ru

ХРОНОГРАФ ОСОБОГО СОСТАВА И РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ О ПОЕЗДКЕ ПЕТРА I В СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В 1694 ГОДУ

А н н о т а ц и я . Поднимается вопрос о необходимости привлечения для изучения эпохи Петра I такого вида исторического источника, как русские летописи. Он рассматривается на примере сведений, сохранившихся в русских летописях XVIII века и рассказывающих о поездке Петра I в Соловецкий монастырь в 1694 году – Двинском летописце, Летописце Льва Вологодина, Вологодской летописи, Летописце Соловецкого монастыря. Особое внимание уделяется неопубликованному и малоизвестному памятнику Петровской эпохи – Хронографу особого состава, изучение которого было предпринято автором статьи. Ставится задача продолжить работу в архивах и рукописных собраниях по обнаружению неизвестных летописных сочинений, посвященных этой теме, и введению их в научный оборот. Представляется это актуальным также и потому, что даже в современной научной литературе зачастую рассказ об этом событии основывается не на исторических источниках, а на пересказе работ исследователей XIX века или популярных сочинений того времени. При этом у такого выдающегося историка, как С. М. Соловьев, в его «Истории России» при кратком упоминании об этом событии отсутствуют какие-либо ссылки на источники.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Петр I, русские летописи, Хронограф особого состава, Соловецкий монастырь, поездка Петра I на Север в 1694 году, источниковедение

Д л я ц и т и р о в а н и я : Яковлев В. В. Хронограф особого состава и русские летописи о поездке Петра I в Соловецкий монастырь в 1694 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 91–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.839

ВВЕДЕНИЕ

Русские летописи и хронографы в качестве исторического источника обычно воспринимаются применительно к древнейшему периоду отечественной истории. Действительно, всем знакомый образ Нестора Летописца и самое известное летописное сочинение «Повесть временных лет» относят нас к первым векам существования Русского государства. Но традиция составления летописных произведений насчитывает более семи веков (вплоть до конца XVIII века, а в некоторых случаях, в частности в старообрядческой среде, летописи составлялись и в XIX веке), и большую часть этого времени именно они являются основным источником при изучении отечественной истории. Традиция эта была настолько сильной, методы и подходы отработаны, что даже в новое время, когда появились и были широко распространены и иные формы исторического повествования, летописцы продолжали свое дело, стараясь не отходить от традиционных древнерусских

канонов. Но, с другой стороны, они начали использовать в своей работе и современные материалы, совсем не типичные для предшествующего времени, включая газеты. При этом, несмотря на то что летописание XVIII века не привлекало такого пристального внимания исследователей, как памятники более раннего времени, в научной литературе нашло отражение изучение ряда летописных сочинений позднего происхождения, целый ряд был опубликован (см., напр.: [2], [4], [5], [6], [13] и др., см. также: [1]).

Интересным временем в истории летописания была эпоха Петра I. Во второй половине XVII века создается большое количество весьма объемных летописных памятников, на основании которых появляются многочисленные сокращенные варианты, которые были популярны практически до царствования Павла I. Сохранившиеся с них списки насчитываются сотнями. И если события вплоть до конца этого века подаются в традиционной для летописи форме, то с изложением Пе-

тровских реформ возникали сложности. Связаны они в первую очередь с источниками. Привычных не хватало, а новые (Ведомости, реляции, переводная литература и т. п.) были не всегда доступны, непривычны, да и форма изложения в них также не всегда позволяла их переписывать буквально (чем обычно и занимались составители летописей). Требовалось как-то приспособить их к устоявшейся традиции изложения, что далеко не всегда получалось.

В результате события царствования Петра часто излагаются кратко и неполно, во многих случаях остается неотмеченной конкретная дата тех или иных событий – для них оставляется место, которое, кстати, при дальнейшем переписывании порой так и остается незаполненным. Очевидно, что события развивались стремительно, их было много и зачастую они были настолько необычными и непонятными летописцу, что их осмысление и изложение требовало не столько времени, сколько изменений в подходах к изложению и самой форме летописного повествования. Уже нельзя было излагать текущие события так, как это делалось ранее. При этом сведения иного, более привычного характера (строительство храмов и монастырей, чудеса, перенесение икон, воздвижение на престол церковных иерархов, их смерть, стихийные бедствия, пожары, события местного значения и т. п.) без всяких проблем излагались в привычной для летописца форме в течение всего XVIII века.

Свою роль в этом сыграло и то обстоятельство, что именно в XVIII веке начинается серьезное изучение отечественной истории, появляются первые исследовательские работы, проводится анализ летописных текстов, закладываются основы критического их изучения и пр. Признать, что исследователи этого периода являются и современниками составления летописей, которые воспринимались как произведения далекого прошлого, было сложно. На подобное творчество порой просто не обращали внимания, даже отказывали летописям в праве на существование в это время. Все большее распространение получают новые формы исторического повествования, начинает зарождаться история в качестве научного знания, а не просто как описание тех или иных событий. И, как в любую переломную эпоху (а петровское царствование является в этом отношении, конечно, одним из самых значительных в русской истории), старое и новое некоторое время существуют одновременно, но затем новое неумолимо берет верх. Сказалось это и на освещении событий правления Петра I в летописях.

Подробное рассмотрение этой темы требует отдельного исследования, в данной статье будет

проанализирован только один сюжет – поездка Петра I в Соловецкий монастырь в 1694 году, нашедший отражение в неопубликованном Хронографе особого состава 1720 года и ряде летописей, а также поставлен вопрос о необходимости дальнейшего изучения источников летописного происхождения, в первую очередь неопубликованных и хранящихся в архивах и рукописных собраниях.

ЛЕТОПИСНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПОЕЗДКЕ ПЕТРА В СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В 1694 ГОДУ

Этой поездке посвящен целый ряд публикаций¹ [9: 472], [10] и др. В основном они содержат пересказ известий, сохранившихся в тех или иных летописных источниках (порой без каких-либо ссылок), а также местных легенд. Даже у такого выдающегося историка, как С. М. Соловьев, в его «Истории России» при кратком упоминании об этом событии отсутствуют какие-либо ссылки на источники, что для него совсем не характерно [9: 472].

Сохранилось также письмо Петра, адресованное брату Федору Алексеичу, в котором он кратко описал свой визит в Соловецкий монастырь (от 14 июня 1694 года):

«А которае, государь братец, было завещание прошлого году о поклонении мощей чудотворцев Зосима и Савватия, и некаким случаем того обещания не снес, а ныне соизволением Божиим тот залог содержал, и будучи во обители и раки их чудотворцевы видеть сподобился, и оттуды во всяком здравии, за их святыми молитвами и поспешением Божиим, доехали до Города июня в 13 день, слава Богу, во всяком здравии, со всеми будущими со мною. И для сей видимости, яко к отцу и брату, посылаю ведомость»².

При этом и сами летописные известия порой кратки и немногословны. Например, в иностранной редакции Двинского летописца (в краткой редакции имеется рассказ только о поездке Петра в Холмогоры в 1693 году) под 7202 (1694) годом помещена статья «О пришествии втором великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеича всея России на Двину на Холмогоры и к Архангельскому городу». В ней поездка в Соловецкий монастырь описывается следующим образом:

«29-го того же месяца великий государь пошел на яхте в Соловецкой монастырь. С ним был преосвященный Афанасий архиепископ Холмогорский, а при нем, архиереи, были ризничий его Ефрем и подьякон Иван Протопопов, царского синклита боярин Тихон Никитич Стрешнев и ближние люди немногие. А прочие все бояре и служилые люди были оставлены у города Архангельскаго. А из Соловецкаго монастыря к городу пришел июня 13-го в добром здравии»³.

Более развернуто повествуется в Вологодской летописи:

«Того же году месяца мая 24 день изволил великий государь от Архангельскаго города поплыл в Соловецкий монастырь к великим чудотворцам Зосиме и Саватею молиться и в морском плавании волнение великое претерпе, на яхте пловучи. И Господь Бог спасе его от всего волнения. И великих чудотворцев святых обители достигох, и пребысть же в монастыре четверы сутки, и великим чудотворцем Зосиме и Саватею молебное пение сотворити повелел. Архимандрит же и священники со всею братьею за его государское величество молебствовали собором о душевном его спасении и о телесном здравии. И подавание велие сотвори, архимандрита и братство упокоил и милостынею удоволил: архимандрита и келаря по десяти рублев одарил, казначея и священников такожде по пяти рублев, а братство оделил по три рубли; коемуждо брату сам великий государь своими руками дарова им милостыню. А с ним, великим государем, был у чудотворцев в походе Афонасий архиепископ Холмогорский и Важский. А в путнем путешествии его было времени две недели со днем. А к городу Архангельскому пришел великий государь июня в третие на десят число в среду в вечернее время»⁴.

В летописи отмечено, что Петр «волнение великое претерпе, на яхте пловучи», но при этом она не содержит упоминания об Антипе Тимофееве, согласно известной легенде, спасшем царя, а также об установлении памятного креста, посвященного именно этому событию. Примечательно, что даже С. М. Соловьев, который эту легенду приводит как факт, не дает никаких ссылок на источник (современные историки в основном просто ссылаются на его авторитет или вовсе ни на что не ссылаются).

Летописец Льва Вологодина подробно перечисляет, в частности, сопровождавших Петра лиц (вплоть до: «иноземца три человека, трубач один, потешных десять человек»), но только при посещении Устюга в 1693 году; о поездке 1694 года повествуется более чем кратко, без упоминания посещения Соловецкого монастыря:

«Второе шествие великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича мимо град Устюг к Архангельскому порту. В лето 7202, а от Рождества Христова 1694. Мая в 13 день в вечеру на воскресный день приплыл к Устюгу великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич и стоял тую ночь до половины дни, а потом в путь отправился. А с ним, государем, были бояре и всяких чинов люди»⁵.

При этом в Устюжском летописце вообще нет никаких сведений за 1693–1694 годы.

На первый взгляд, исчерпывающая информация о визите Петра в монастырь должна содержаться в Соловецком летописце. История его создания восходит к XVI веку [3], в дальнейшем он неоднократно переписывался с различными

изменениями, сокращениями и добавлениями. Сохранилось много списков этого памятника, представленного в нескольких редакциях [7: 360–361]. Он неоднократно публиковался. Однако в этом летописце информация касается в основном денежных даров Петра:

«В лето от сотворения мира 7202 (1694), Июня 7 дня, индикта 2, Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец, прииде от города Архангельскаго в обитель соловецкую помолиться со всем своим Царским сигклитом не со многими, и с Холмогорским архиепископом Афанасием, и изволил отбыть к Архангельскому городу июня 10 дня; и в ту Его Царского Величества бытность было жалованье, а именно:

Пожаловал на молебны, и на чудотворцовы раки, на покровы и на монастырское строение 745 рублей 25 копеек. Ручныя милостыни архимандриту, келарю и казначею по 5 рублев, и того 15 рублев. Соборным старцам пяти, головщикам шести, уставщику, канархистом двум, и того четырнадцати человекам, по два рубли, и того 28 рублев. Иеромонахам одиннадцати человекам по рублю по пятидесяти копеек человеку, и того 16 рублев 50 копеек. Иеродиаконам семи человекам по рублю по двадцати по пяти копеек человеку, и того 8 рублев 75 копеек. Псаломщикам шестнадцати, пономарям четырем, рядовой братии, которые в монастыре, восьмидесяти одному, и которые в отсылках на берегу, восьмидесяти двум, всего сто осьмидесяти трем человекам, по рубли человеку, и того 183 рубли. Больничным монахам сорока человекам, по рублю по сороку по пяти копеек человеку, и того 58 рублев. Слугам и подьячим тринадцати человекам, по пятидесяти копеек человеку, и того 6 рублев 50 копеек. Чудотворцовым и больничным крылоносным и дьячкам тринадцати человекам, по двадцати по пяти копеек человеку, и того 3 рубли 25 копеек. Всего ручныя милостыни 319 рублев.

Он же Великий Государь пожаловал в приклад к Евангелию 6 золотых на 4 ефимка. И в ту его Великого Государя бытность приказал сделать на берегу часовню и крест водрузить, которая и доныне стоит в память пришествия Его Величества»⁶.

Очевидно, в летописец был просто включен список пожертвований. Постоянное упоминание «итога» свидетельствует об этом. Однако несколько странно, что более ни о каких деталях пребывания Петра на Соловках монастырский летописец не повествует, в отличие от очень подробного изложения обстоятельств второго визита в монастырь в 1702 году⁷.

Рассказ о поездке Петра в Соловецкий монастырь, отличающийся от всех приведенных сведений, содержится в неопубликованном Хронографе особого состава 1720 года, который хранится в рукописном собрании Российской национальной библиотеки⁸. Составителем этой обширной компиляции был священник Николорубленской церкви Ярославля Феодор Петров (имел прозвище Рак, происхождение которо-

го пока остается невыясненным). Завершение основной работы над памятником приходится на 1720 год, в дальнейшем были сделаны небольшие дополнения и записи, большей частью принадлежавшие читателям. Хронограф практически не исследовался. Небольшую заметку о нем, а также описание рукописи опубликовал А. Ф. Бычков в конце XIX века⁹, дальнейшее его изучение связано с автором настоящей статьи [11], [12], [14].

Петровскому времени посвящен особый раздел Хронографа, озаглавленный «Царство благочестивейших великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержцев». В качестве источников здесь используются, в частности, печатные документы петровского времени – Ведомости, реляции о военных действиях и др., которые Ф. Петров как переписывает, так и использует для дополнения основной части своего сочинения. В первую очередь он уделяет внимание военным походам Петра, но не удерживается и от включения в Хронограф рассказов о частных событиях – слоне, который был подарен Петру «индейским царем», московским происшествиям, событиям, связанным с Олонцом (про попа Ивана Окулова, который, «собрав охотников пеших 1000 человек, ходил за рубеж в Свейскую границу и разбил свейских ругозенников, и гиппойскую, и сумерскую, и кексурскую заставы», обнаружении в Фоймогубской волости медной руды и др.). При этом не забывая указывать, что Ведомости, которые он использовал, были «присланы февраля дне из Олонца, генваря 23 день»¹⁰.

На особое отношение составителя к Петру I указывает и своеобразный титульный лист, следующий после оглавления и предисловия, представляющий собой вырезанный печатный герб с орнаментом. На этом листе Ф. Петров приписывает большое обращение к Петру Алексеевичу:

(нач.: «Божию милостию пресветлейшему и великодержавному государю царю и великому князю Петру Алексеевичу всея Великия и Малыя России самодержцу и многих государств и земель восточных и западных и северных...»)¹¹.

Сообщение о посещении Соловецкого монастыря выглядит следующим образом:

«В лето 7202-го года месяца иулиа во второй день по своему праведному обещанию изволил сам великий и храбрый монарх, благоверный и христоробивый великий государь, царь, великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, во святую киновию благолепнаго Спаса Преображения и преподобных отцем Зосиме и Саватию соловецким чудотворцем корабле плавателством шествовати. По-

веле же благочестивый государь, царь быти при своей царской державе в путешествии. Страны оныя архиерею Афанасию, епископу колмогорскому и важескому, православныя веры истинному проповеднику евангельскому. Сему убо архиерею Афанасию последствующу за великим государем в соловецкую обитель и протчия приморския святыя места, во Анзерский монастырь, и в Пертоминский монастырь, такожде и святого чудотворца Николая в корелскую киновию. Вшед убо пресветлый государь царь в киновию соловецкую и видево свое царское богомолия, возрадовася зело, обзе Спасе своим и со многу радостию и умилением, моляся Господу Богу, и Пресвятой Богородице, и преподобным отцем Зосиме и Саватию соловецким чудотворцем.

И глаголяше в молитве благодарне: «Слава тебе, святая Троице, Отце и Сыне и Душе святый, в трех ипостасех единый Боже наш, яко сподобил мя еси видети труды преподобных твоих, молю убо, господи мой, буди ми милостив, заступник, и хранитель, и помощник на вся видимыя и невидимыя враги, и покори под ноги нам, рабом твоим, всякаго врага и супостата, брани хотящаго, и даждь царству моему. Его же вручил ми еси державу мирну и безмятежну быти. Благославляя его всецем благословением и избытием плодов земных, и над враги победами и одолении, молитвами пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии и преподобных отцем Зосимы и Саватия соловецких чудотворцев, и всех святых во славу пречестнаго и великолепнаго имени твоего Отца, и Сына, и Святаго Духа, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

Сими убо словесы и прочими подобне помолися во святой обители, во святой церкви и протчим святым местам, благоверный и христоробивый государь царь зело милостивно яви свою государскую милость, и настоятелю обители тоя архимандриту Фирсу, и всему братству, и послушным белцем, и многу свою царскую милостыню подаде. В обители же общия казне и монахам даяще тысящи. И поручи некоему из сигклита своего, да в соборной церкви Преображения иконостас всезлатый построит вскоре да будет. И вся прошения оных богомольцев своих исполни, и благодари Бога, возвратися в царствующий град Москву, милостивое свое царское слово остави святой киновии, яко всегда будет оную соловецкую обитель своею царскою милостию снабдевать»¹².

Очевидно существенное отличие этого текста от приведенных выше. Например, о денежных дарах упомянуто очень кратко. Особое, центральное место занимает прямая речь Петра – его молитва, отсутствующая в иных летописных источниках. Очевидно, что Ф. Петров использовал какой-то источник, который был недоступен составителям других летописей.

Обращают на себя внимание и разные даты посещения монастыря: 29 мая (Двинский летописец), 24 мая (дата отплытия из Архангельска в Вологодской летописи), 7 июня (Летописец Соловецкого монастыря) и даже «месяца иулиа во второй день» (Хронограф Особого состава). Связано это, вероятно, с теми источниками, которые использовали составители. Их выявление,

текстологический и исторический анализ требуют самостоятельного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разумеется, только приведенными в этой статье летописными свидетельствами информация о поездке 1694 года не ограничивается. Дальнейшая работа в архивах и рукописных собраниях по выявлению и изучению неопубликован-

ных и неизвестных текстов, списков летописей и других свидетельств, введению их в научный оборот, сравнительно-текстологический анализ, а также исследование в качестве исторического источника приведут к расширению источниковедческой базы и придадут дополнительный интерес к изучению этой страницы как в биографии Петра Первого, так и в истории Соловецкого монастыря.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Архим. Досифей (Немчинов). Топографическое и историческое описание Ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1834. 191 с.; Двукратное посещение государем Петром Великим Соловецкого монастыря. СПб., 1872. 16 с.; Двукратное посещение государем Петром Великим Соловецкого монастыря. Архангельск, 1902. 48 с.; Петр Великий на Севере: Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере / Под ред. А. Ф. Шидловского. Архангельск, 1909. 168, 66 с.; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и азовские походы. СПб., 1858. 582 с.
- ² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887. С. 21.
- ³ Полное собрание русских летописей. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. С. 197.
- ⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. С. 189.
- ⁵ Там же. С. 142.
- ⁶ Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790. С. 60–62; Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847-й год. Издание четвертое. М., 1847. С. 82–84. См. также: Соловецкий летописец (текст по списку конца XVIII в. из фондов НБ РК) / Подгот. к публ. и текстол. коммент. Е. Н. Кутьковой. Петрозаводск, 2003.
- ⁷ Летописец Соловецкого монастыря... С. 87–103.
- ⁸ РНБ. F.IV.679.
- ⁹ Заметка о хронографе ярославского священника Феодора Петрова / Сообщ. А. Ф. Бычков // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. М., 1890. Вып. 1. С. 3–15; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1887 г. СПб., 1890. С. 149–164.
- ¹⁰ Там же. Л. 624 об.–625.
- ¹¹ Там же. Л. 53.
- ¹² Там же. Л. 624–624 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева. М; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 354 с.
2. Васильев Ю. С. Летописное наследие Поморья // Вспомогательные исторические источники. Л.: Наука, 1979. Т. 11. С. 38–39.
3. Дмитриева Р. П. Летописец Соловецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л.: Наука, 1989. С. 23–26.
4. Зиборов В. К. Русское летописание XI–XVIII веков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 512 с.
5. Казакова Н. А. Вологодское летописание XVII–XVIII вв. // Вспомогательные исторические источники. Л.: Наука, 1981. Т. 12. С. 73–86.
6. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII. М.: Наука, 1969. 555 с.
7. Панченко О. В. Книгохранитель и уставщик черный дьякон Иеремия: (из истории соловецкой книжности XVII в.) // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 336–370.
8. Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1985. 138 с.
9. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII (тома 13–14). М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 726 с.
10. Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1975. 184 с.
11. Яковлев В. В. Феодор Петров (по прозвищу Рак) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. Вып. 3. Ч. 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 104–105.
12. Яковлев В. В. О Хронографе особого состава Феодора Петрова (конец XVII в. – первая четверть XVIII в.) // XLV Международная филологическая научная конференция. 10–15 марта 2015 года. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. С. 68.
13. Яковлев В. В. Погодинская летопись – памятник новгородского летописания XVIII века // *Petra Philologica*. Литературная культура России XVIII века. СПб.: Нестор-история, 2015. Вып. 6. С. 517–533.

14. Яковлев В. В. Царствование Петра Первого в русских летописях // Петровское время в лицах – 2018: К 200-летию конференции «Петровское время в лицах 1998–2018»: Материалы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. С. 399–406.

Поступила в редакцию 26.09.2022; принята к публикации 17.10.2022

Original article

Vladimir V. Yakovlev, Cand. Sc. (History), Leading Researcher,
Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian
Federation)
ORCID 0000-0001-5364-3614; nii.region@mail.ru

SPECIAL ISSUE OF CHRONOGRAPH AND RUSSIAN CHRONICLES ON PETER THE GREAT'S 1694 TRIP TO THE SOLOVETSKY MONASTERY

Abstract. The article reflects on the need to use Russian chronicles for the study of the epoch of Peter the Great. As an example of such usage it deals with the data provided by the eighteenth-century Russian chronicles, such as The Dvina Chronicler, The Chronicle of Lev Vologdin, The Vologda Chronicle and The Chronicler of the Solovetsky Monastery, telling about Peter the Great's visit to the Solovetsky Monastery in 1694. Particular attention is paid to an unpublished and little-known account of the Petrine epoch – the Special Issue of Chronograph studied by the author of the article. The paper substantiates the need for further inquiry and research on currently unknown accounts on this topic in archives and manuscript collections with the purpose to introduce them into scholarly circulation. This task seems to be especially relevant because even in modern works this event is often addressed based not on historical sources, but on retelling the works of the nineteenth-century researchers or popular writings of that time. Even such an outstanding historian as S. M. Solovyov in his *History of Russia* mentions this event only briefly and does not refer to any sources.

Keywords: Peter the Great, Russian chronicles, Special Issue of Chronograph, Solovetsky Monastery, Peter the Great's 1694 trip to the Solovetsky Monastery, source studies

For citation: Yakovlev, V. V. Special Issue of Chronograph and Russian chronicles on Peter the Great's 1694 trip to the Solovetsky Monastery. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):91–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.839

REFERENCES

1. Bibliography of Russian chronicles. (R. P. Dmitrieva, Comp.). Moscow, Leningrad, 1962. 354 p. (In Russ.)
2. Vasilyev, Yu. S. Chronicle heritage of Pomorye. *Auxiliary historical sources*. Leningrad, 1979. Vol. 11. P. 38–39. (In Russ.)
3. Dmitrieva, R. P. The Chronicler of the Solovetsky Monastery. *Dictionary of scribes and literature of Ancient Russia*. Issue 2. Part 2. Leningrad, 1989. P. 23–26. (In Russ.)
4. Ziborov, V. K. Russian chronicles between the XI and the XVIII centuries. St. Petersburg, 2002. 512 p. (In Russ.)
5. Kazakova, N. A. Vologda chronicles of the XVII and the XVIII centuries. *Auxiliary historical sources*. Leningrad, 1981. Vol. 12. P. 73–86. (In Russ.)
6. Nasonov, A. N. The history of Russian chronicles between the XI and the early XVIII centuries. Moscow, 1969. 555 p. (In Russ.)
7. Panchenko, O. V. The black deacon Jeremiah: bibliognost and senior choir singer (from the history of seventeenth-century Solovetsky Monastery's booklore). *Book centers of Ancient Russia. Scribes and manuscripts of the Solovetsky Monastery*. St. Petersburg, 2004. P. 336–370. (In Russ.)
8. Serbina, K. N. Ustyug chronicles between the XVI and the XVIII centuries. Leningrad, 1985. 138 p. (In Russ.)
9. Solovyov, S. M. History of Russia from ancient times. Book VII (volumes 13–14). Moscow, 1962. 726 p. (In Russ.)
10. Frumenkov, G. G. The Solovetsky Monastery and defense of the White Sea area between the XVI and the XIX centuries. Arkhangelsk, 1975. 184 p. (In Russ.)
11. Yakovlev, V. V. Feodor Petrov (aka Crayfish). *Dictionary of scribes and literature of Ancient Russia. XVII century*. Issue 3. Part 4. St. Petersburg, 2004. P. 104–105. (In Russ.)
12. Yakovlev, V. V. The Special Issue of Chronograph by Feodor Petrov (the late XVII and the first quarter of the XVIII century). *XLV International Philological Research Conference, March 10–15, 2015*. St. Petersburg, 2016. P. 68. (In Russ.)
13. Yakovlev, V. V. Pogodin's Chronicle – an artefact of Novgorod chronicle writing of the XVIII century. *Petra Philologica. Literary culture of eighteenth-century Russia*. Issue 6. St. Petersburg, 2015. P. 517–533. (In Russ.)
14. Yakovlev, V. V. Peter The Great's reign in Russian chronicles. *Peter the Great' Time in Persons – 2018: Commemorating the 200th anniversary of the conference "Peter the Great's Time in Persons 1998-2018": Proceedings of the research conference*. St. Petersburg, 2018. P. 399–406. (In Russ.)

Received: 26 September, 2022; accepted: 17 October, 2022

ИГОРЬ ГЕННАДИЕВИЧ ЛИМАН

аспирант сектора истории Института языка, литературы
и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение на-
уки Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)

igorrlim@gmail.com

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАЗДНОВАНИЯ ДВУХСОТЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ПЕТРА I В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ

А н н о т а ц и я . В 1872 году в Российской империи широко отмечался двухсотлетний юбилей со дня рождения Петра I, который с особой торжественностью праздновали и в Олонецкой губернии. Данная коммеморативная практика позволяет судить о некоторых ценностно-смысловых ориентирах социума в этот момент времени. Актуальность статьи обуславливается новизной методологического подхода и пристальным вниманием к ранее малоизученным аспектам организации петровского юбилея. Целью является исследование формальной и идейной составляющих празднования двухсотлетнего юбилея со дня рождения Петра I в Олонецкой губернии. На основе архивных документов и материалов периодической печати анализируются юбилейные мероприятия в Петрозаводском, Лодейнопольском и Вытегорском уездах. В результате было установлено, что они имели одинаковое формальное и идейное содержание, которое было направлено на формирование общей культурной памяти на территории Российской империи. Посредством празднования петровского юбилея имперская власть в очередной раз представила обосновывающую историю, которая обеспечивала ее собственную легитимацию, а также выполняла функции идентификации и целеполагания для «воображаемого сообщества», которому надлежало отождествлять себя с империей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Карелия, Олонецкая губерния, Петр I, петровский юбилей, коммеморация, историческая память

Б л а г о д а р н о с т и . Благодарю своего научного руководителя Ольгу Павловну Илюха за ценные советы и рекомендации в процессе работы над статьей.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лиман И. Г. Социокультурные аспекты празднования двухсотлетнего юбилея Петра I в Олонецкой губернии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 97–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.840

ВВЕДЕНИЕ

В 1872 году в Российской империи широко отмечался двухсотлетний юбилей со дня рождения Петра I. Данное событие стало значимым явлением общественной жизни, оно позволяет судить о некоторых ценностно-смысловых ориентирах социума в этот момент времени. В Олонецкой губернии торжественные мероприятия проходили в Петрозаводском¹, Лодейнопольском и Вытегорском уездах. Юбилейные торжества составляют особый вид праздников, которые имеют мемориальный характер². Важной задачей каждого праздника является выполнение идентификационной функции, потому что он пробуждает в памяти обосновывающее прошлое, которое определяет идентичность вспоминающей группы [4: 55]. Целью настоящей статьи является исследование формальной и идейной составляющих

празднования двухсотлетнего юбилея со дня рождения Петра I в Олонецкой губернии. Углубленный анализ данной коммеморативной практики позволит определить ее значение в процессе формирования общей культурной памяти как в Олонецкой губернии, так и во всей Российской империи.

Изобретение юбилея как новой формы публичной активности стало одним из способов решения проблемы, которая ярко обозначилась после Великой французской революции. Каждому монарху – рано или поздно – ради сохранения власти необходимо было понять, как изменить свой статус с «короля Франции» на «короля французов» [18: 281–282]. В общем виде проблема заключалась в том, чтобы совершить переход от империи разрозненных подданных к империи как единому сообществу,

но не утратить легитимность скрепляющей силы монархии [11: 89]. Обозначенная проблема не обошла стороной модернизирующуюся Российскую империю, которой потребовалось ответить на этот вызов времени. На протяжении XIX – начала XX века количество отмечаемых в стране юбилеев постоянно увеличивалось, пока к окончанию периода не достигло настоящей «юбилеемании» [16: 99]. Празднование юбилеев является одним из способов формирования общей культурной памяти, которая обеспечивает основу существования любого «воображаемого сообщества». В то же время имперская власть была не единственным действующим актором: оппозиционно настроенная общественность отмечала годовщины других событий [16: 103], а также осторожно критиковала официальные юбилеи, в том числе петровский [1: 28].

Вплоть до начала XXI века отечественные историки практически не обращали внимания на большое количество праздновавшихся юбилеев в Российской империи³. Первопроходцами в изучении данного феномена стали Г. Н. Ульянова [13] и К. Н. Цимбаев [16], которые смогли привлечь внимание многих исследователей к столь важному явлению общественной жизни. В настоящий момент можно обнаружить десятки исследований, посвященных изучению юбилейной культуры Российской империи. Среди них имеются работы, в которых пристальное внимание уделяется празднованию двухсотлетнего юбилея со дня рождения Петра I. Его изучением занимались не только отечественные (Т. Ю. Айдунова [1: 23–34], Н. Р. Славнитский [12] и др.), но и зарубежные исследователи (Р. Уортман [14: 173–180] и др.). Отдельные аспекты празднования петровского юбилея в Олонецкой губернии рассматривались в работах А. М. Пашкова [9], Н. Г. Урванцевой [15] и других исследователей.

ПРОГРАММА ПРАЗДНИКА

К празднованию двухсотлетнего юбилея со дня рождения Петра I тщательно готовились во многих местах Российской империи. В Петрозаводске сочли необходимым обратиться к решению проблем городского благоустройства, которое находилось «в далеко неудовлетворительном виде»⁴. Об этом задумались уже в июле 1871 года, потому что в праздничный день на открытие памятника Петру I ожидалось прибытие многочисленных гостей⁵. Данное обстоятельство обусловило высокий уровень репутационной ответственности. По этой причине был существенно расширен перечень плановых работ: решили отремонтировать дороги и тротуары, привести

в порядок городские здания и общественные места⁶. Большое количество новых работ стало причиной запроса дополнительных финансовых средств⁷, а процесс их выполнения оказался под строгим контролем местных властей⁸. Петровский юбилей значительно ускорил решение проблем городского благоустройства, что имело как эстетическое, так и утилитарное значение.

Крайне важной частью процесса подготовки к предстоящему юбилею являлась работа над церемониалом празднования, которая сопровождалась серьезными процедурами согласования и утверждения. Программные пункты церемониала⁹ выполнялись с филигранной точностью, о чем свидетельствуют материалы периодической печати о произошедших событиях¹⁰. Наиболее масштабное торжество планировалось устроить в Санкт-Петербурге, но в провинциальных городах – даже весьма отдаленных [6: 235] – стремились соответствовать столичной модели празднования, которую утвердил лично Александр II [12: 585]. Процесс подготовки к предстоящему юбилею в подробностях освещался на страницах центральных и местных газет, которые к тому же считаются одной из основных форм репрезентирования «воображаемого сообщества» [2: 46]. В результате юбилейные мероприятия получились не просто однотипными, но во многих деталях даже повторяющимися друг друга.

В соответствии с петрозаводской программой празднования юбилея первые запланированные мероприятия начались 29 мая. В их перечень входила панихида по Петру I, которую отслужил преосвященный Ионафан, епископ Олонецкий и Петрозаводский, в Петропавловском соборе. На панихиде присутствовали гражданские и военные чины, в том числе губернатор Г. Г. Григорьев, а также представители городской думы и земства. На следующее утро, 30 мая, вновь начались богослужения: молебен с водоосвящением и провозглашением «многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому, вечной памяти Императору Петру I-му и благоденствия всему Российскому Государству», божественная литургия и другие священнодействия. Одним из наиболее значимых мероприятий стало освящение обновленного Петропавловского собора, во время которого прозвучала речь преосвященного Ионафана¹¹. Затем состоялся крестный ход на Петровскую площадь, где планировалось совершить закладку памятника Петру I. После ее окончания крестный ход отправился обратно к Петропавловскому собору. В то же время на площади началась военная часть торжества, которая включала пушечный салют, церемони-

альный марш и другие элементы. В завершение церемонии губернатор Г. Г. Григорьев произнес верноподданнический тост за здоровье императора, а военные ответили ему громким и единодушным «ура»¹².

После окончания церемониальной части торжества ее главные участники были приглашены на завтрак к губернатору Г. Г. Григорьеву. В его доме большой интерес у гостей вызвала гипсовая модель памятника Петру I, изготовленная в четверть величины проекта скульптора И. Н. Шредера и архитектора И. А. Монигетти. Там же «по желанию общества» было решено отправить телеграмму министру внутренних дел А. Е. Тимашеву. В ней содержалось послание для Александра II от «всех сословий», которые сообщали о праздновании юбилея в Петрозаводске, а также приветствовали открытие политехнической выставки в Москве¹³. Вскоре А. Е. Тимашев передал ответное сообщение от Александра II, который выражал «признательность... с желанием всех благ Петрозаводскому краю». Оно было озвучено на заседании Петрозаводской городской думы, которая выслушала его «с чувством глубочайшей благодарности»¹⁴. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что юбилейные мероприятия не только воспроизводили формализованный ритуал, но и демонстрировали двустороннюю связь между монархом и его подданными.

Одновременно с завтраком у губернатора Г. Г. Григорьева начался народный праздник на Петровской площади. Для всех желающих были организованы игры и другие развлекательные мероприятия. Подобные массовые гуляния состоялись во многих местах Российской империи¹⁵. В этот день на Петровской площади собралось большое количество людей: отдыхая и развлекаясь, они неосознанно оказались вовлечены в особую деятельность, которая так или иначе служила формой причастия к культурной памяти, возвышающейся над уровнем повседневности и дополняющей ее своим символическим содержанием [4: 60–61]. Прибывших людей было чрезвычайно много, поэтому они не смогли уместиться на площади и заняли прилегающую Английскую улицу, где оставались до глубокой ночи. Еще накануне торжества городские здания украсили праздничными атрибутами, и в обстановке небывалого воодушевления, как свидетельствуют материалы периодической печати, звучало народное «ура» в честь Александра II¹⁶.

Празднование двухсотлетнего юбилея со дня рождения Петра I в Лодейнопольском и Вы-

тегорском уездах было менее масштабным, чем в губернском городе, но в общем виде воспроизводило уже знакомую модель торжества. В Лодейном Поле духовенство отслужило божественную литургию, на которой присутствовало большое количество людей, в том числе местные чины. После ее окончания у памятника Петру I состоялся молебен с водоосвящением и провозглашением «многолетия Государю Императору и всему Царствующему Дому, вечной памяти Императору Петру I-му и благоденствия всему Российскому Государству». В данном случае крестный ход не состоялся, потому что памятник находился в непосредственной близости от собора. В честь юбилейного события лодейнопольское общество пожертвовало дорогостоящую икону во имя святого апостола Петра в местный собор¹⁷. В вечернее время город был иллюминирован¹⁸, что в период белых ночей имело не столько утилитарное значение, сколько подчеркивало торжественность события.

Юбилейные мероприятия в Вытегорском уезде проходили в деревне Рубеж, что соответствовало общей тенденции устраивать торжество в том месте, которое непосредственно связано с деяниями Петра I. Здесь в юбилейных мероприятиях участвовали не только местные жители, но и большое количество прибывших с этой целью гостей. Общее количество участников составило примерно 500 человек¹⁹. В день юбилея, 30 мая, духовенство отслужило божественную литургию, а затем панихиду по Петру I. После окончания панихиды состоялся крестный ход к его памятнику, который располагался у Петровского шлюза – места, где «великий император в 1711 году, отдыхая, помышлял о соединении вод Балтийского и Каспийского бассейнов». Вблизи украшенного памятника был совершен молебен с водоосвящением и провозглашением «многолетия Государю Императору и Царствующему Дому, вечной памяти императору Петру I и благоденствия всему Российскому государству». Перед началом молебна протоиерей П. Ф. Мишуриин произнес речь, в которой указал народу на заслуги «гениального монарха» перед Россией, особенно перед «пустынным севером»²⁰. Из импровизированной батареи был произведен пушечный салют, а затем крестный ход отправился обратно в церковь. В том же месте начался народный праздник, который включал бесплатный обед и развлекательные мероприятия. Для почетных гостей был организован отдельный обед в палатке. В вечернее время место проведения праздника было иллюминировано площадками и смоляными бочками²¹.

ИДЕЯ ПРАЗДНИКА

Двухсотлетний юбилей со дня рождения Петра I вновь актуализировал идею воздвижения ему памятника в губернском городе, которая впервые была высказана в 1850 году [15: 52]. Спустя два десятилетия ее удалось осуществить, что случилось благодаря последовательной деятельности губернатора Г. Г. Григорьева. Он обратился к министру внутренних дел А. Е. Тимашеву с представлением, в котором убедительно обосновал необходимость воздвижения памятника²². Генерал-адъютант А. Е. Тимашев оказал большую поддержку проекту, что нашло отражение в содержании надписи на бронзовой доске, заложенной в основание будущего памятника²³, а также послужило поводом для присвоения ему звания почетного гражданина Петрозаводска²⁴. При его содействии удалось получить одобрение Александра II, который распорядился воздвигнуть памятник за счет средств казны²⁵. В июне 1871 года новость об этом успехе была объявлена на заседании Петрозаводской городской думы, которая встретила ее единодушным и продолжительным «ура»²⁶. После торжественной речи городского головы было решено составить верноподданнический адрес с выражением «глубочайших чувств народной благодарности... за одобрение общего желания местных жителей»²⁷.

Памятник как таковой является одним из кодирующих сообщество знаков [4: 149], который формирует и поддерживает идентичность вспоминающей группы. Двухсотлетний юбилей со дня рождения Петра I рассматривался как «лучший и соответствующий... момент для открытия памятника» в Петрозаводске²⁸, а ранее их уже воздвигли в Лодейнопольском и Вытегорском уездах. В обосновании необходимости воздвижения нового памятника указывалось, что память о монархе занимает «самую светлую страницу в истории Олонецкого края». Там же приводился подробный перечень с результатами его деятельности, которые способствовали оживлению прежде «пустынного края»²⁹. Обозначенная мысль постоянно повторялась в многочисленных речах, которые звучали в период подготовки к петровскому юбилею и в день его празднования. Изначально планировалось открытие памятника к этому времени, но из-за отсутствия средств и бюрократических проволочек состоялась только его закладка [9: 29]. Тем не менее уже летом был доставлен и установлен пьедестал для будущего памятника³⁰, а в следующем году произошло его долгожданное открытие.

Во время церемонии закладки памятника прозвучала речь протоиерея П. Ф. Щеглова, который занимал должность ректора Олонецкой духовной семинарии. Уже в начале своей речи он подчеркнул, что Петру I «город наш обязан своим основанием, а край наш началом своей цивилизации». Воздвижение памятника, по его мнению, мотивируется не только прославлением имени и деяний Петра I, но и является свидетельством сохранения памяти о его наследии, которое потомки будут приумножать «чрез сильное подражание». Им утверждалась мысль, что успешным и правильным может быть только то развитие общества, которое «опирается на широкую историческую почву». П. Ф. Щеглов иносказательно предостерегал, что всякие попытки разорвать связь с прошлым обречены на провал, в том числе «красивые и обольстительные» свершения «мудрецов, которые со вчерашнего дня ведут начало своим созиданиям». В его словах можно услышать призыв не вступать на бесперспективный революционный путь. В данной консервативной мысли заключался глубокий смысл торжества, что подтверждают слова самого П. Ф. Щеглова, который неоднократно акцентировал внимание собравшихся на необходимости чтить заветы отцов и оберегать их наследие³¹.

Речь протоиерея П. Ф. Щеглова является одним из примеров утверждения и опоры на идею происхождения вспоминающего сообщества, которая нашла отражение в большом количестве мероприятий юбилейного торжества. Идея происхождения представляет собой версию мифологического повествования [8: 36] – обосновывающую историю, которую рассказывают не ради самого прошлого, а чтобы на его основе объяснить настоящее [4: 55]. В этом взгляде на историческое событие через призму идентичности прошлое сохраняется в настоящем и указывает ориентацию на будущее [3: 39]. Посредством празднования петровского юбилея имперская власть в очередной раз представила обосновывающую историю, которая обеспечивала ее собственную легитимацию, а также выполняла функции идентификации и целеполагания для «воображаемого сообщества»³². Лояльных подданных надлежало воспитывать в духе триединой формулы «православие, самодержавие, народность» [17: 197], которая утверждалась – эксплицитно или имплицитно – во всех официальных юбилеях, праздновавшихся на протяжении XIX – начала XX века.

Одним из многочисленных инструментов утверждения триединой формулы стали театральные представления. В конце праздничного дня в новом здании Петрозаводского благотворительного общества состоялся спектакль по пьесе «Дедушка русского флота», впервые опубликованной Н. А. Полевым в 1838 году³³. В то время взгляды бывшего издателя «Московского телеграфа» уже претерпели коренные изменения, что нашло отражение в появившейся патриотической пьесе. Ее ждал мгновенный успех на сцене театра, а одно из первых представлений посетил Николай I, который высоко оценил «необыкновенные дарования» Н. А. Полевого, устроившего ему «семейный праздник». После обозначенного случая «Дедушка русского флота» стал «народной пьесой»: представления показывали трижды в неделю, а места в театре были полностью заняты³⁴. Спустя несколько десятилетий спектакль по пьесе Н. А. Полевого был с воодушевлением принят петрозаводскими зрителями, которые «приветствовали игру любителей постоянными аплодисментами»³⁵. Сведения о премьере нового театра оказались включены в годовой отчет олонецкого губернатора³⁶, в котором сообщалось о наиболее значимых событиях 1872 года.

Вплоть до начала XX века повседневная жизнь большинства населения страны была проникнута религиозными чертами [17: 245], что послужило мощным ресурсом в деле формирования имперской властью «воображаемого сообщества». Православной церкви как надежной опоре имперской власти принадлежала ведущая роль в юбилейных мероприятиях³⁷, в которых подчеркивались «глубоко православные убеждения и взгляды» Петра I, а также его «горячая любовь к России и ко всему русскому – истинно... православному»³⁸. В данном контексте можно заметить наступающие изменения в модели легитимации правящей династии: если ранее монарх и элита представляли перед подданными в облике иноземцев, чем утверждали прочность и неизбежность своего господства над подвластным населением [14: 21], то уже во время празднования петровского юбилея обнаруживается стремление подчеркнуть национальный характер монархии. В то же время последовательное утверждение прямой связи между понятиями «православный – русский»³⁹ имело особое значение на территории Карелии, которая издревле занимала место окраины православного мира, где вероисповедание преврати-

лось в один из основных этнодифференцирующих признаков [10: 108].

Большое значение для внутреннего сплочения государства имело утверждение у всех народов империи единого представления о себе как о подданных российского монарха и о правителе как заботливом отце [7: 104]. С этой целью формировался и укреплялся положительный образ монархии, что было одной из задач празднования двухсотлетнего юбилея со дня рождения Петра I. Посредством восхваления великих монархов прошлого осуществлялось возвеличивание их правящих потомков в настоящем [8: 36]. Юбилейная политика была одним из тех средств, с помощью которых имперской власти удалось добиться значительных успехов в деле национальной консолидации, что проявилось, например, в самом начале Первой мировой войны, когда произошел небывалый всплеск патриотизма. Его спецификой стало единодушное выражение верноподданнических чувств, которые продемонстрировали лояльность населения по отношению к государственной политике [5: 55]. Патриотический подъем и его специфику можно объяснить успешностью юбилейной политики имперской власти в предшествующие годы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В праздничных мероприятиях, посвященных двухсотлетнему юбилею со дня рождения Петра I, представители власти различных уровней обращались к самым разным – как материального, так и идеального порядка – «местам памяти». Одинаковое формальное и идейное содержание юбилейных мероприятий было направлено на формирование общей культурной памяти на территории Российской империи. Успешная юбилейная политика стала одним из факторов возникновения «воображаемого сообщества», которому надлежало отождествлять себя с империей. Посредством празднования петровского юбилея имперская власть в очередной раз представила обосновывающую историю, которая обеспечивала ее собственную легитимацию, а также выполняла функции идентификации и целеполагания для «воображаемого сообщества». Глубинной составляющей обосновывающей истории оставалась триединая формула «православие, самодержавие, народность», которая утверждалась – эксплицитно или имплицитно – во всех официальных юбилеях, праздновавшихся на протяжении XIX – начала XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В рамках настоящей статьи обращается внимание на юбилейные мероприятия в Петрозаводске, но они состоялись и в Марциальных Водах, где празднование было «самое скромное, без видимой торжественности».

- См.: Празднование двухсотлетия со дня рождения Императора Петра Великого на Олонецких Марциальных водах // Олонецкие губернские ведомости (далее – ОГВ). 1872. № 47. С. 8–9.
- ² Антощенко А. В. Культура исторической памяти российских эмигрантов «первой волны» (1919–1939 гг.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. Ч. 3. С. 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.petrstu.ru/book.shtml?id=28997> (дата обращения 01.08.2022).
- ³ Обзор редких случаев упоминания в отечественной историографии праздновавшихся юбилеев в Российской империи приводится в: Цимбаев К. Н. Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42.
- ⁴ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 71. Оп. 1. Д. 5/125. Л. 21.
- ⁵ Там же. Л. 188 об.
- ⁶ Полный перечень новых работ включал более 25 позиций. См.: НАРК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 5/125. Л. 187–193 об.
- ⁷ Там же. Л. 189.
- ⁸ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 58/35. Л. 27–34 об.
- ⁹ Научный архив Карельского научного центра РАН (далее – НА КарНЦ РАН). Р. VI. Оп. 6. Д. 43. Л. 111–111 об.
- ¹⁰ Празднование 200-летия со дня рождения Императора Петра Великого // ОГВ. 1872. № 42. С. 8–10.
- ¹¹ Преосвященный Ионафан подчеркнул заслуги Петра I в деле основания Петропавловского собора, который имел важное значение для распространения и утверждения православной веры. См.: Слово при освящении обновленного Петропавловского собора в г. Петрозаводске, 1872 г. мая 30 дня, сказанное Епископом Олонецким и Петрозаводским Ионафаном // ОГВ. 1872. № 67. С. 7–8.
- ¹² Празднование 200-летия со дня рождения Императора Петра Великого // ОГВ. 1872. № 42. С. 8–9.
- ¹³ Там же. С. 9–10.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 5/127. Л. 204–204 об.
- ¹⁵ Петров П. Н., Шубинский С. Н. Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого. СПб., 1872. С. 280–291.
- ¹⁶ Празднование 200-летия со дня рождения Императора Петра Великого // ОГВ. 1872. № 42. С. 10.
- ¹⁷ Стоимость иконы составила 75 рублей.
- ¹⁸ Празднование двухсотлетия со дня рождения Императора Петра Великого в г. Лодейном-Поле // ОГВ. 1872. № 44. С. 9.
- ¹⁹ На основе материалов периодической печати можно сделать разные выводы о количестве участников: либо значительно больше 500 человек, либо не более 500 человек. Речь идет об участии «простого народа» в подготовленном для него обеде, но в отдельной палатке обедало еще до 80 «избранных лиц».
- ²⁰ Полный текст речи был напечатан на страницах «Олонецких губернских ведомостей». См.: Празднование 200-летия со дня рождения Императора Петра Великого, на Мариинской системе, при шлюзе св. Петра // ОГВ. 1872. № 51. С. 8.
- ²¹ Внутренняя почта. Вытегра // Вечерняя газета. 1872. № 161. С. 2–3.
- ²² НА КарНЦ РАН. Р. VI. Оп. 6. Д. 43. Л. 20.
- ²³ Там же. Л. 110.
- ²⁴ НАРК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 5/125. Л. 148.
- ²⁵ Впоследствии Александр II распорядился выделить сумму в размере 15 000 рублей. См.: НАРК. Ф. 71. Оп. 1. Д. 5/125. Л. 218.
- ²⁶ Там же. Л. 145 об.
- ²⁷ Там же. Л. 147 об.
- ²⁸ НА КарНЦ РАН. Р. VI. Оп. 6. Д. 43. Л. 21.
- ²⁹ Там же. Л. 20.
- ³⁰ НАРК. Ф. 1. Оп. 66. Д. 1/18. Л. 27 об.
- ³¹ НА КарНЦ РАН. Р. VI. Оп. 6. Д. 43. Л. 116–117 об.
- ³² Династическая имперская власть во все времена была озабочена проблемой собственной легитимации и воспитания лояльности у подданных. См.: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 68.
- ³³ Полевой Н. А. Дедушка русского флота. Русская быль. СПб., 1838. 75 с.
- ³⁴ Полевой К. А. Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., 1888. С. 445–446.
- ³⁵ Празднование 200-летия со дня рождения Императора Петра Великого // ОГВ. 1872. № 42. С. 10. В результате показа спектакля было выручено «чистого сбора» 171,82 руб., что свидетельствует о большом количестве посетителей, возможно, об аншлаге. См.: Доход от спектакля 30-го мая // ОГВ. 1872. № 49. С. 7.
- ³⁶ НАРК. Ф. 1. Оп. 66. Д. 1/18. Л. 10 об., 28.
- ³⁷ Более того, 11 мая 1872 года была получена телеграмма от синодального обер-прокурора Д. А. Толстого, который предписал совершить в день празднования юбилея в каждой церкви торжественные молебны с водосвящением и провозглашением «многотлетия Государю Императору и Царствующему Дому, вечной памяти Императору Петру I-му и благоденствия всему Российскому Государству». См.: О праздновании 30 мая 1872 года // ОГВ. 1872. № 38. С. 1.
- ³⁸ НА КарНЦ РАН. Р. VI. Оп. 6. Д. 43. Л. 117.
- ³⁹ Дебаты о содержании «русскости» носили ожесточенный характер: одни отводили ключевую роль православию, другие – языку и культуре, третьи – расе или крови. См.: Миллер А. И. Империя Романовых и национализм... С. 69.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айдунова Т. Ю. Петр I в русской общественно-исторической мысли середины XIX – начала XX в. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2020. 150 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
4. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
5. Борщукова Е. Д. Особенности общественного сознания российских подданных в начальный период Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. Т. 16, № 4. С. 55–59.
6. Костецкая Е. В., Суслова Л. Н. Образ Петра I в газетных материалах «Тобольских губернских ведомостей» (1857–1909) // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 1. С. 220–242. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-220-242
7. Назарова Е. Л. Образ монархов в воспитании малых народов империи (латыши в XIX – начале XX века) // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. С. 104–131.
8. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой, Науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.
9. Пашков А. М. 200-летний юбилей Петра I в переписке столичных историков и петрозаводских краеведов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 28–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.765
10. Пулькин М. В. Три облика русификации в Карелии // Вестник Евразии. 2005. № 3 (29). С. 107–125.
11. Сдвижков Д. А. Империя в наполеоновском наряде: восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // Imperium inter pares. Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 67–104.
12. Славнитский Н. Р. Празднование 200-летия со дня рождения Петра I как элемент прославления петровских преобразований // Образ Петра Великого в мировой культуре. СПб.: Европейский Дом, 2020. С. 584–592.
13. Ульянова Г. Н. Национальные торжества (1903–1913 гг.) // Россия в начале XX века. М.: Новый хронограф, 2002. С. 542–576.
14. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. Т. 2. 796 с.
15. Урванцева Н. Г. «Места памяти» Петра I в городе Петрозаводске // Studia Humanitatis Borealis. 2021. № 1. С. 50–62. DOI: 10.15393/j12.art.2021.3702 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sthb.petrsu.ru/journal/article.php?id=3702> (дата обращения 01.08.2022).
16. Цимбаев К. Н. Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98–108.
17. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
18. Hobbs E. Mass-producing traditions: Europe, 1870–1914 // The invention of tradition. New York: Cambridge University Press, 2012. P. 263–308. DOI: 10.1017/CBO9781107295636

Поступила в редакцию 30.08.2022; принята к публикации 17.10.2022

Original article

Igor G. Liman, Postgraduate Student, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
igorrlim@gmail.com

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF CELEBRATING THE BICENTENNIAL ANNIVERSARY OF PETER THE GREAT IN THE OLONETS PROVINCE

Abstract. In 1872, the Russian Empire widely celebrated the bicentennial anniversary of Peter the Great with the celebration being particularly solemn in the Olonets Province. This commemorative practice can lead to certain conclusions about the axiological components of the society at that moment. The relevance of the article is determined by the novelty of the methodological approach and particular attention to the understudied aspects of the organization of Peter the Great's anniversary. The purpose of the article is to study the formal and ideological components of Peter the Great's bicentennial anniversary celebration in the Olonets Province. The article analyzes the anniversary events in Petrozavodsk, Lodeynoye Pole and Vytegra uyezds (districts) on the basis of archival documents and materials of the

periodical press. It was concluded that the events had the same formal and ideological components, which were aimed at building a common cultural memory on the territory of the Russian Empire. Through the celebration of Peter the Great's anniversary the imperial government once again presented the foundational history that ensured its own legitimacy, as well as performed the functions of identification and goal-setting for the "imagined community" that was supposed to identify itself with the Empire.

Key words: Karelia, Olonets Province, Peter the Great, Peter the Great's anniversary, commemoration, collective memory

Acknowledgements. The author expresses his deep gratitude to his scientific supervisor Olga Ilyukha for her valuable advice and recommendations given in the process of writing the article.

For citation: Liman, I. G. Socio-cultural aspects of celebrating the bicentennial anniversary of Peter the Great in the Olonets Province. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):97–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.840

REFERENCES

1. Ayduanova, T. Yu. Peter the Great in the Russian socio-historical thought of the mid-XIX and the early XX centuries. Rostov-on-Don; Taganrog, 2020. 150 p. (In Russ.)
2. Anderson, B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. Moscow, 2001. 288 p. (In Russ.)
3. Assman, A. The long shadow of the past: memorial culture and historical policy. Moscow, 2014. 328 p. (In Russ.)
4. Assman, J. Cultural memory and early civilization: writing, remembrance, and political imagination. Moscow, 2004. 368 p. (In Russ.)
5. Borshchukova, E. D. Characteristics of social consciousness of Russian subjects at the beginning of World War I. *Vestnik of Kostroma State University*. 2010;16(4):55–59. (In Russ.)
6. Kostetskaya, E. V., Suslova, L. N. Image of Peter I in newspaper materials of "Tobolsk Gubernskiy Vedomosti" (1857–1909). *Nauchnyi dialog*. 2022;11(1):220–242. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-220-242 (In Russ.)
7. Nazarova, E. L. The image of monarchs in the upbringing of the small peoples of the Empire (the Latvians in the XIX and the early XX centuries). *The 400th anniversary of the Romanovs: the politics of memory and the monarchical idea, 1613–2013*. St. Petersburg, 2016. P. 104–131. (In Russ.)
8. Nora, P. Between memory and history. The problematics of places of memory. *France-memory*. (P. Nora, M. Ozouf, G. de Puymege, M. Winock; D. Khapaeva, N. Kuposov, Transl.). St. Petersburg, 1999. P. 17–50. (In Russ.)
9. Pashkov, A. M. Two-century anniversary of Peter the Great in the correspondence of metropolitan historians and Petrozavodsk local historians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):28–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.765 (In Russ.)
10. Pulkin, M. V. Three faces of Russification in Karelia. *Acta Eurasica*. 2005;3(29):107–125. (In Russ.)
11. Sdvizhkov, D. A. Draping the Empire in Napoleonic clothes: the adoption of French neoclassicism in the Russian Empire. *Imperium inter pares. The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917)*. Moscow, 2010. P. 67–104. (In Russ.)
12. Slavnitsky, N. R. Celebration of the 200th anniversary of Peter the Great as an element of the glorification of Petrine transformations. *The image of Peter the Great in the world culture*. St. Petersburg, 2020. P. 584–592. (In Russ.)
13. Ulyanova, G. N. The national celebrations (1903–1913). *Russia in the early XX century*. Moscow, 2002. P. 542–576. (In Russ.)
14. Wortman, R. Scenarios of power. Myth and ceremony in Russian monarchy. Moscow, 2004. Vol. 2. 796 p. (In Russ.)
15. Urvantseva, N. G. Places of memory associated with Peter the Great in the city of Petrozavodsk. *Studia Humanitatis Borealis*. 2021;1:50–62. Available at: <https://sthb.petrso.ru/journal/article.php?id=3702> (accessed 01.08.2022). (In Russ.)
16. Tsimbaev, K. N. The phenomenon of jubilee-mania in Russian public life in the late XIX and the early XX centuries. *Issues of History*. 2005;11:98–108. (In Russ.)
17. Schenk, F. B. Alexander Nevsky in Russian cultural memory: saint, ruler, national hero (1263–2000). Moscow, 2007. 592 p. (In Russ.)
18. Hobbsawm, E. Mass-producing traditions: Europe, 1870–1914. *The invention of tradition*. New York, 2012. P. 263–308. DOI: 10.1017/CBO9781107295636

Received: 30 August, 2022; accepted: 17 October, 2022

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА БОДРОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5312-6692; o.bodrova@ksc.ru

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5960-9772; irinarazumova@yandex.ru

**ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ БРЕНДИРОВАНИИ
(на примере Мурманской области)**

А н н о т а ц и я . Целью статьи является анализ роли и специфики интернет-технологий в отношении этнокультурного брендинга северных территорий России на примере Мурманской области. Исследование опирается на методы виртуальной антропологии, феноменологии, визуального и текстуального анализа источников с учетом результатов исследований теоретиков и практиков территориального брендинга. Рассмотрены интернет-технологии, используемые в процессе создания и функционирования этнических брендов северных территорий России, в сопоставлении с литературными и визуальными приемами создания этнического образа «доинтернетовской эпохи». Показано, что предшествующие способы конструирования образов северных народов в этнокультурных брендах усиливаются за счет усложняющейся интертекстуальности и дискретного представления информации, свойственных Сети в наше время. Сделан вывод о ведущем значении интернет-технологий в территориальном и этнокультурном брендинге Мурманской области при одновременном недостаточном уровне их развития, что негативно сказывается на направлении этнографического туризма в регионе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : этнокультурный бренд, территориальный бренд, брендинг, образ, этническое сообщество, Интернет, технологии, общественный институт, визуальная идентичность, северные народы

Б л а г о д а р н о с т и . Статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания № FMEZ-2022-0028.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бодрова О. А., Разумова И. А. Интернет-технологии в этнокультурном брендинге (на примере Мурманской области) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 105–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.841

ВВЕДЕНИЕ

С развитием технологий и сервисов Интернета меняются социальные институты, в том числе их способы формирования общественного мнения, географических образов территорий и образов «воображаемых» этнических сообществ, населяющих эти территории. Актуальность изучения этих трансформаций определяется возрастающим значением брендинга регионов в контексте политического и экономического управления, укрепления региональной идентичности населения, популяризации и сохранения этнокультурного наследия.

Для современного этнологического и антропологического знания интернет-технологии представляют интерес не сами по себе, а как часть социокультурной системы [16]. Речь и о дополнительном исследовательском поле, которое предоставляет Интернет, и о модернизированных рабочих методах. Как отмечают исследователи, если раньше для этнографов важно было зафиксировать вид, форму, назначение объекта традиционной культуры, то сегодня фокус внимания перемещается на технологические приемы, в том числе сетевые [9: 32]. Открываются новые воз-

возможности кросскультурной и межэтнической коммуникации, хотя сам принцип этничности, определенный еще Ф. Бартом [13], остается прежним: идентичность группы проявляется только в условиях взаимодействия с другими социальными группами. Данный подход актуален, несмотря на появление новой, виртуальной этничности (или киберэтничности, веб-этничности), выделенной М. Постером и понимаемой как взаимодействие реальных и виртуальных элементов в конструировании этнических групп [17]. Этническая группа, все более обрастая виртуальными элементами, становится «воображаемым сообществом», которое, по Б. Андерсону, функционирует благодаря институтам общественного мнения [1]. Современный Интернет, по сути, соединяет в себе все эти институты, так как служит площадкой, на которой действуют СМИ, органы административной власти, образовательно-просветительские учреждения и мн. др.

На смену понятию этнического образа, которым оперировали этнологи, говоря о межэтнической коммуникации, приходит понятие бренда. Соответственно, процесс продвижения бренда – брендинг. Большей частью это явление рассматривается в цифровом формате, обозначаемом как e-branding. Под территориальным брендом (или имиджем места в терминологии Ф. Котлера) обычно подразумевают сумму убеждений, представлений и впечатлений людей в отношении этого места [15], совокупность эмоциональных, материальных и других элементов, создающих уникальный набор ассоциаций с местом в общественном сознании [14]. Как в случае этнического образа и «воображаемого сообщества», создание и продвижение бренда происходит за счет институтов общественного мнения или, иными словами, за счет «креативной стратегии, основанной на современных коммуникациях, умении правильно использовать имеющийся потенциал, на способности преподнести его потребителю» [8: 88].

Территориальные бренды помогают понять и изучить этнокультурные бренды. Во всяком случае, в знаменитом «шестиугольнике Анхольта» население региона, его история и культура являются неотъемлемой частью структуры территориального бренда [12: 21]. Территориальный и этнокультурный бренды восходят к общей идее – путешествию, перемещению в пространстве с некоторыми целями. Изначально в идею этнографического познания было заложено путешествие по новым, неизведанным территориям, и межэтническая коммуникация, особенно в сети Интернет, бесконечно расширяющей или, наоборот, стирающей любые пространственные гра-

ницы, воспринимается во многом как межпространственная коммуникация. Аналогом виртуальному погружению в этническую культуру посредством Интернета является реальное явление – этнографический туризм. Сама виртуальная сеть тесно связана с понятием пространства, пусть и не строго в географическом смысле:

«Современный этап в отношениях человека с компьютером опирается на человеческие навыки распознавания в пространстве. <...>. Вместо одномерной линейной строки символов – двумерное пространство, в котором распределена информация, так что фокус внимания пользователя может перемещаться от одного места к другому» [11: 139].

Территориальное и этнокультурное брендинга (брендинг) объединяются и основополагающим понятием границ: в случае территориального брендинга – фиксированных, возникших исторически вместе со становлением государственности и разделением границ между возникающими землями [15: 57], в случае этнокультурного брендинга – субъективных, определяемых такими символическими маркерами, как язык, религия, ритуалы, общее прошлое [13].

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ИНТЕРНЕТ-БРЕНДИРОВАНИЯ

Этнокультурное брендинг эпохи Интернета, безусловно, расширилось за счет новых, специфических методов виртуальной сети по сравнению с письменной, «доинтернетовской» традицией. Бренд требует своего выражения в визуальных, вербальных и ментальных проявлениях, то есть репрезентации, процесса визуализации и вербализации образа [5: 231]. Однако если классические печатные репрезентации этнокультурных образов строились только на сочетании текстов и изображений, то интернет-ресурсы представляют собой синкретизм множества различных форм передачи информации и коммуникации. К тексту и изображению добавляются видео- и аудиоформат, интерактивные формы: возможности обратной связи, диалога между создателем сайта и пользователем, коммуникация экономического и юридического характера (оформление актов купли-продажи, подписание соглашений и пр.). При этом на смену «насыщенному описанию» классических этнографических текстов [2] пришли мозаичность и клиповость, дискретность современных интернет-текстов (если только электронный ресурс не использует текст старого печатного источника).

Характер представления этнокультурной информации в текстуальных описаниях практически не изменился, а только усилился за счет

особенностей языка Интернета. Наряду с клиповым, дискретным способом представления текстуальной информации особенностью виртуального брендинга является многообразная визуальность, что отмечают все теоретики бренда. Визуальных способов передачи информации с помощью картинки, фотографии, видео на сайтах часто оказывается больше, чем текстового наполнения, и в смысловом отношении они бывают более точными [3]. Ориентация на визуальные символы изначально характерна для презентаций этнической любой эпохи и является одним из основных инструментов создания бренда [15: 215]. Вспомним первые российские этнографические альбомы XVIII–XIX веков с их иллюстрациями народов Российской империи, в которых нарочито изображалось то, что понимается под «культурным телом» [10]: антропологические черты (стереотипные представления о них), традиционный костюм, жилище, орудия труда, ландшафтные особенности края, элементы флоры и фауны. В изображениях северных народов преобладали черты, подчеркивающие их экзотический образ: орудия охоты, рыболовства и оленеводства, ассоциирующиеся с традиционным образом жизни, меховая одежда, специфические виды жилища, природные символы, в которых отражались представления европейцев об этнической территории этих народов, так что создаваемый этнический образ одновременно персонифицировал народ и страну. Позднее в российской этнографии помимо «портретных» изображений распространились пейзажи, в которых этнические персонажи перестали быть центральной фигурой, а рисовались как часть ландшафта, за своими хозяйственными занятиями, почти за кулисами. В начале XX века фотография практически полностью сменила рисунок. Например, в изданиях, посвященных Кольскому полуострову и саамам, чаще всего иллюстрациями служили почтовые открытки с фотографиями И. Ю. Соберга, а первые фотографии, запечатлевшие различные аспекты жизни обских угров, относятся к фотоколлекциям У. Т. Сирелиуса [7].

Традиционную визуальность, типичную для презентации любых этнографических образов в чувственной форме, от виртуальной визуальности отличает «визуальная идентичность» (айдентика, identity, ID). Она является своего рода инструментом, с помощью которого определенный бренд формируется посредством визуальных идентификаторов. Для визуальной идентичности характерна та же дискретность и символичность, что и для текстуальных описаний этнокультурных сообществ в Интернете. Поиск визуальной идентичности при заказе со стороны

какого-либо социального института на территориальный или этнокультурный бренд (которые обычно не разделяются) занимаются не этнографы и антропологи, а профессиональные дизайнеры. Как правило, визуальная идентичность отражается в логотипе – специфическом элементе визуализации бренда. Иногда специалисты-практики (на наш взгляд, ошибочно) называют логотипы брендами, тогда как бренд – это не просто визуальная форма, а развернутый сюжет, набор ассоциаций, соединенных некоторой «легендой». Так, в логотипе г. Кировска Мурманской области, выполненном по заказу городской администрации студией Артемия Лебедева, сочетаются природно-географическая (территориальная) и этнокультурная (саамская) символика. Как сообщается на сайте студии, в этом изображении читаются несколько символов: голова оленя, буква X и силуэт гор (горный массив Хибины – горнолыжный туристский объект и место горнодобывающей разработки апатит-нефелина), снежинка (символ снега и севера), кувакса (традиционное переносное жилище саамов)¹.

ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО БРЕНДИРОВАНИЯ

Специфические технологии виртуального этнокультурного брендинга определяются способами обратной связи в конкретном веб-ресурсе: пользователь сайта может оставлять комментарии, участвовать в интеракциях, устанавливать интерактивные приложения, пользоваться гиперссылками и таким образом самостоятельно выстраивать собственный гипертекст, выбирая нужные фреймы из всего пространства вариантов. Возможности виртуальной коммуникации приводят к формированию нового антропологического типа – «человека коммуницирующего», «юзера», «погруженного в поле коммуникации, захватываемого потоком коммуникаций, со всеми вытекающими отсюда последствиями» [6].

К специфическим интернет-технологиям относятся анкеты, тесты, опросы, голосования, размещенные в Сети. Этот метод сбора информации популярен не только среди представителей киберантропологии, но и во властных структурах, изучающих общественное мнение, в том числе для разработки стратегии регионального брендинга. Огромное количество опросов проводится сегодня в «этнических» виртуальных сообществах, к которым можно относить веб-ресурсы, во-первых, ориентирующиеся на представителей одной этнической группы, во-вторых, с преобладающей этнической тематикой. Заметим, что комментарии к опросам часто представля-

ют больший исследовательский интерес, чем содержание ответов на вопросы анкеты, хотя они и не всегда доступны не членам виртуальной группы. К веб-опросам можно отнести и раздел «Обсуждения», доступный любой группе социальной сети «ВКонтакте». Обсуждения позволяют изучать проблемы этнокультурной идентичности, играющей важную роль в процессе этнокультурного брендинга. Так, в группе «Самьблмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте»² при обсуждении вопросов использования саамской символики в индустрии туризма предусмотрена возможность принять участие в анонимном опросе.

Разнообразны виртуальные технологии, направленные на сохранение языка этнических групп: тесты, вебинары и семинары (и их видеозаписи), комиксы, интерактивные приложения и т. д. Являясь этническим маркером, язык одновременно символизирует территорию. Наибольшим потенциалом в плане брендинга обладает топонимия. В частности, исследование петрозаводских ученых показало, что карельские топонимы можно считать «знаком местной идентичности, брендом места»³. Топоним как бренд часто используют коммерческие структуры. Крупный объект туристской индустрии в Мурманской области, горнолыжный курорт, позаимствовал саамское название озера Большой Вудьявр, ставшее известным брендом. Создатель бренда «Умптек» (изделия из натуральной кожи) использовал для названия своей марки саамский вариант топонима, обозначающего знаменитый горный массив Кольского полуострова (Хибины), чтобы подчеркнуть этнокультурный компонент бренда⁴. Потенциал коммерческого использования Интернета настолько широк, что подавляющая часть веб-ресурсов давно превратилась в площадку для поиска покупателя или осуществления акта сделки.

Чрезвычайную популярность в Интернете приобрела такая эффективная технология маркетинга, как вирусная реклама, существующая чаще в виде видеороликов, реже – фотографий. Ее распространение происходит стихийно, от одного пользователя к другому, без участия агентов рекламы, нарастая в геометрической прогрессии, подобно настоящим вирусам. Как правило,

вирусные ролики не содержат прямой рекламы, а привлекают внимание потенциальных потребителей неожиданным сюжетом, неформатным выступлением известной личности, смешными животными и т. п. Они могут использоваться и для продвижения регионального или этнокультурного бренда. Так, всероссийскую популярность приобрела вирусная реклама «пафосных» унтов. В действительности, это дизайнерские унты бурятской компании «Дулаан», для оригинального стиля и пошива которых были заимствованы элементы различных северных традиций, но в восприятии более чем широкой аудитории рекламируемые унты закрепились как реальный этнокультурный бренд традиционной культуры бурят⁵.

Для продвижения территории используются и привычные медийные технологии. Практически все СМИ имеют собственные сайты, и если новостные видеосюжеты быстро теряют актуальность, то теледайджесты, например, просветительского характера, долгое время доступны для неограниченного количества просмотров.

ВЫВОДЫ

Интернет-технологии на сегодняшний день играют важнейшую, ключевую роль в территориальном и этнокультурном брендинге, так как Сеть предоставляет наиболее эффективные технические и коммуникативные возможности для «гаджетирования» и обратной связи [9]. Более того, недооценка роли Интернета и виртуальных СМИ в продвижении этнокультурных брендов способствует общественному мнению об их отсутствии. Так, несмотря на интерес туристов к культуре саамов и поморов Кольского полуострова, в литературе встречается мнение, что в Мурманской области «совершенно не развит этнографический туризм, как, впрочем, и в других арктических регионах страны» [4: 73], а «самой актуальной достопримечательностью выступает горный массив Хибины, в котором расположен главный горнолыжный курорт»⁶. В этом смысле точнее всего роль Интернета в территориальном и этнокультурном брендинге отражают слова: «Если тебя нет в Интернете, то ты не существуешь», – приписываемые Биллу Гейтсу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Логотип для туристической зоны «Хибины» // Студия Артемия Лебедева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.artlebedev.ru/khibiny/> (дата обращения 02.03.2022).

² Самьблмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/board932308> (дата обращения 15.03.2022).

³ Борьба за топонимы // Республика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rk.karelia.ru/special-projects/ucheniy-sovet/borba-za-toponimy/> (дата обращения 15.03.2019).

- ⁴ Чемодан с навигацией // Дважды Два [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gazeta2x2.ru/?p=58207> (дата обращения 02.03.2022).
- ⁵ «Унты купил, совсем пафосный стал», или как вирусная реклама из Бурятии покорила Интернет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nao24.ru/biznes/3391-untuy-kupil-sovsem-pafosnyu-stal-ili-kak-virusnaya-reklama-iz-buryatii-pokorila-internet.html#> (дата обращения 02.03.2022).
- ⁶ EvgenySolomin. Брендинг северных регионов Российской Федерации // Брендинг городов, регионов, стран. 2016, 3 мая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://evgenySolomin.livejournal.com/592088.html> (дата обращения 15.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1. С. 171–200.
3. Головнев А. В., Белорусова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108
4. Голубчиков С. Н., Плисецкий Е. Е., Хетагурова В. Ш. Перспективы развития этнографического туризма в Арктике (на примере Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9, № 4. С. 72–78.
5. Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
6. Калмыков А. А. Онтология цифровой цивилизации // Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании. СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2013. С. 82–89.
7. Пивнева Е. А. Фоторепрезентации этнической культуры обских угров // Вестник угроведения. 2018. Т. 8, № 4. С. 716–728. DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-716-728
8. Савельев Ю. В. Особенности формирования бренда территории на основе ее культурно-исторического наследия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 3 (116). С. 88–93.
9. Тискин А. К. Обертон и рингтон. Методология и инновации в вопросах сохранения и продвижения культуры Горного Алтая // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 31–35.
10. Тхостов А. Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
11. Утехин И. В. Взаимодействие с «умными вещами»: введение в проблематику // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 134–156.
12. Anholt S., Hildreth J. Brand America: The mother of all brands. London: Cyan Books, 2004. 192 p.
13. Barth F. Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference. Bergen; Oslo: Universitetsforlaget; London: George Allen and Unwin, 1969. 153 p.
14. Kavaratzis M., Ashworth G. City branding: An effective assertion of identity or a transitory marketing trick? // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2005. Vol. 96, № 5. P. 506–514.
15. Kotler P., Haider D., Rein I. Marketing places: Attracting investment industry and tourism to cities, states and nations. New York: The Free Press, 1993. 388 p.
16. Pfaffenberger B. Social anthropology of technology // Annual Review of Anthropology. 1992. Vol. 21. P. 491–516.
17. Poster M. Virtual ethnicity: Tribal identity in an age of global communications // Cyber Society 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community. Thousand Oaks, 1998. P. 184–211.

Поступила в редакцию 01.07.2022; принята к публикации 17.10.2022

Original article

Olga A. Bodrova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-5312-6692; bodrova@rambler.ru

Irina A. Razumova, Dr. Sc. (History), Chief Researcher, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-5960-9772; irinarazumova@yandex.ru

INTERNET TECHNOLOGIES FOR ETHNOCULTURAL BRANDING (the case of the Murmansk region)

Abstract. The paper reviews the role and specifics of certain Internet technologies in the context of the ethnocultural branding of the northern territories of the Russian Federation. The study uses the methods of visual anthropology,

phenomenology, and visual and textual source analysis, taking into account the results of theoretical and practical research on the issue of territorial branding. The article explores certain Internet technologies used for the establishment and functioning of ethnic brands of Russia's northern territories in comparison with the literary and visual methods of creating ethnic images in the "pre-Internet era". It is revealed that the previous ways of constructing ethnic images of northern peoples for ethnocultural branding are reinforced by the intertextuality and discreteness of modern web information. The study concludes that Internet technologies play a leading role in the territorial and ethnocultural branding of the Murmansk region, but the low level of their development has negative impact on the ethnographic tourism in the region.

Key words: ethno-cultural brand, territorial brand, branding, image, ethnic community, Internet, technology, public institution, visual identity, northern peoples

Acknowledgements. The article was funded from the federal budget as part of the state task No FMEZ-2022-0028.

For citation: Bodrova, O. A., Razumova, I. A. Internet technologies for ethnocultural branding (the case of the Murmansk region). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):105–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.841

REFERENCES

1. Anderson, B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. Moscow, 2001. 288 p. (In Russ.)
2. Geerts, C. Thick description: Toward an interpretive theory of culture. *Anthology of cultural studies*. St. Petersburg, 1997. Vol. 1. P. 171–200. (In Russ.)
3. Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu., Kissner, T. S. Web-ethnography and cyber-ethnicity. *Ural Historical Journal*. 2018;1(58):100–108. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108 (In Russ.)
4. Golubchikov, S. N., Plisetsky, E. E., Hetagurova, V. Sh. Prospects for the development of ethnographic tourism in the Arctic (experience of Berezovskiy district of the Khanty-Mansi Autonomous okrug). *Service and Tourism Current Challenges*. 2015;9(4):72–78 (In Russ.)
5. Zamyatin, D. N. Culture and space. Modeling of geographical images. Moscow, 2006. 488 p. (In Russ.)
6. Kalmykov, A. A. Anthropology of the digital civilization. *Philosophy of communication: smart systems and modern communication and information technologies in education*. St. Petersburg, 2013. P. 82–89. (In Russ.)
7. Pivneva, E. A. Photo-representations of the Ob Ugrians' ethnic culture. *Bulletin of Ugric Studies*. 2018;8(4):716–728. DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-716-728 (In Russ.)
8. Savel'ev, Yu. V. Features of the territory brand formation on the basis of its cultural and historical heritage. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2011;3(116):88–93. (In Russ.)
9. Tiskinek, A. K. Overtone and ringtone. Methodology and innovations in preserving and advancing of culture in Altai. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series "Humanities"*. 2017;3:31–35. (In Russ.)
10. Thostov, A. Sh. Psychology of physicality. Moscow, 2002. 287 p. (In Russ.)
11. Utehin, I. V. The interaction between humans and smart artifacts: introductory remarks. *Forum for Anthropology and Culture*. 2012;17:134–156. (In Russ.)
12. Anholt, S., Hildreth, J. Brand America: The mother of all brands. London, 2004. 192 p.
13. Barth, F. Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference. Bergen, Oslo, London, 1969. 153 p.
14. Kavaratzis, M., Ashworth, G. City branding: An effective assertion of identity or a transitory marketing trick? *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2005;96(5):506–514.
15. Kotler, P., Haider, D., Rein, I. Marketing places: Attracting investment industry and tourism to cities, states and nations. New York, 1993. 388 p.
16. Pfaffenberger, B. Social anthropology of technology. *Annual Review of Anthropology*. 1992;21:491–516.
17. Poster, M. Virtual ethnicity: Tribal identity in an age of global communications. *Cyber society 2.0. Revisiting computer-mediated communication and community*. California, 1998. P. 184–211.

Received: 1 July, 2022; accepted: 17 October, 2022

ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА ЗМЕЕВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3909-1582; zmeyeva@rambler.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК НА МУРМАНСТРОЙКЕ. ЧАСТЬ 2. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ И СОЦИАЛЬНАЯ ДЕВИАЦИЯ¹

А н н о т а ц и я . Цель статьи – на материале архивных документов показать, как в процессе создания многотысячного полиэтнического рабочего коллектива, в ситуациях повседневных, часто конфликтных, взаимодействий разрешались актуальные проблемы этносоциальных противоречий. Объект исследования – сформированная по этническому принципу группа охранников – стражников-«кавказцев», которые воспринимались другими участниками строительства в качестве коллективно действующего субъекта. Особенность их поведения заключалась в систематическом нарушении установленных норм и правил, действовавших на строительстве Мурманской железной дороги в 1915–1916 годах. С учетом должностной инструкции, в которой не только зафиксированы функции стражников, но и представлены приемлемые образцы их поведения при взаимодействии с представителями местного населения, «ближайшими» начальниками, группами военнопленных и другими участниками строительства, показано влияние последствий группового девиантного поведения. Сделан вывод, что ситуативное отклоняющееся поведение группы стражников-«кавказцев» в условиях сформировавшегося этнического порядка приветствовалось системой управления как промежуточный этап этнокультурной адаптации. Определены мотивы сотрудничества отдельных групп работников. Выявлено влияние культурных моделей этнических групп на выбор способов восстановления социального порядка. Выстраивание охранниками специфических межгрупповых и внутригрупповых коммуникаций осуществлялось под влиянием общей системы ценностей, близости традиционных представлений о власти и подчинении, а также групповой ответственности перед коллективом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Мурманская железная дорога, 1915–1916 годы, охрана, стражники, «кавказцы», «горцы», девиация, адаптация, порядок, культурная модель

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено в рамках темы государственного задания ЦГП КНЦ РАН № FMEZ-2022-0028.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Змеева О. В. Социальный порядок на Мурманстройке. Часть 2. Этнокультурные модели и социальная девиация // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 111–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.842

ВВЕДЕНИЕ

К концу 1916 года задача по прокладке рельсового пути от столицы Российской империи до побережья Северного Ледовитого океана была выполнена. Поскольку управленческий аппарат создал и организовал систему, которая достигла поставленной цели, значит, разнообразные профессиональные, этнические и социальные коллективы оказались достаточно мотивированными к сотрудничеству. С одной стороны, руководство создало социальную структуру, которая учитывала потребности каждой этнической группы, способствовала их функциональному разделению, организовала их

пространственное распределение по участкам. Это позволило избежать дополнительных противоречий и крупных этнических конфликтов. С другой стороны, контролировать отдельные элементы системы было невозможно в силу большого числа строителей, которые не имели опыта совместного проживания или работы. Цель настоящей работы – на примере этносоциальных взаимодействий представителей нижних чинов охранной структуры показать, как в процессе создания сообщества строителей Мурманской железной дороги разрешались некоторые проблемы, связанные с адаптацией многочисленного полиэтнического коллектива.

СТРАЖНИКИ: СТАТУС, ФУНКЦИИ И ОЖИДАНИЯ

Охрана Мурманской железной дороги включала этнически разнообразные команды стражников, среди которых были русские, лезгины, черкесы, чеченцы, ингуши, киргизы. Для них был разработан нормативный документ, в котором фиксировались должностные обязанности. Это «Инструкция стражникам, находящимся на постройке Мурманской железной дороги» (далее – Инструкция)². Именно представители нижних чинов непосредственно исполняли функции охраны людей, осуществляли надзор за военнопленными и рабочими. Они следили «за порядком», «правильностью исполнения военнопленными распоряжений технической администрации дорог», обязаны были «пресекать побег», а также «сопровождать пленных на работы»³. Также в их обязанности входило наблюдение за объектами, принадлежащими Управлению работ по постройке железной дороги: мостов, складов, касс и т. п.

Стражники, занимая в структуре полицейско-строевых отношений нижнюю ступень, подчинялись не только железнодорожному начальству, но и губернской полиции [10: 13–15]. Привлечь стражника к исполнению обязанностей могли местный жандармский унтер-офицер, заведующий командой, пристав участка, начальник жандармского отделения и управления.

Охрана разбивалась на группы, которые затем распределялись по участкам. Каждая команда имела иерархию. Назначался заведующий командой, затем выбирался старший стражник, который и был обязан наблюдать «за правильным несением службы», а также порядком в помещениях. Кроме старшего, определялся дежурный по команде, функции которого заключались в соблюдении режима и сохранении «приличного» поведения команды в казарме.

Службу стражники несли караульным порядком. При этом сам охранник оказывался в жестких нормативных условиях. Так, в отношении этой должности весьма условно определялись понятия «рабочего» / «свободного времени» / «отдыха». Обязательства вести непрерывный надзор за работниками не всегда позволяли стражнику разграничивать рабочее и нерабочее время. Не стоящий в карауле представитель охраны все равно оставался на службе, продолжал исполнять должностные функции. Он следовал предписанию в случае необходимости «явиться на службу», и поэтому совершенно свободным мог считать себя, «только получив разрешение на отлучку из казармы»⁴.

Служба стражником на Мурманской железной дороге в условиях Первой мировой войны по-

зволяла считать себя участником военных действий, поскольку она приравнивалась к работе «в войсках» и подразумевала присягу государю и родине о защите их интересов⁵.

Привлечение к дорожному строительству многочисленных групп военнопленных оправдывало несение военной службы теми, кто обязан их охранять, а отсутствие на месте должного числа рабочей силы позволило руководству аргументировать необходимость найма в охрану крупных этнических групп, привлеченных с территорий, далеких от Мурманстройки [4: 190–195].

Социальные взаимодействия стражников с окружающими строго регламентировались. Так, среди условий обращения охранников с военнопленными особо выделялось требование гуманности. Сострадательное отношение обосновывалось особым статусом военнопленных. Они, как и стражники, находились на службе своему отечеству и даже в плену продолжали оставаться действующими, а не бывшими участниками войны. В функции охраны входил «ближайший надзор» за военнопленными на рабочем месте и в местах отдыха с обязательным контролем их деятельности. Охранники не должны были «позволять играть в карты, пить спиртные напитки и производить беспорядки»⁶. Даже в случае нежелания военнопленного работать стражнику не рекомендовалось как-либо воздействовать на него. Следовало лишь доложить о нарушении начальнику. За неодобряемое поведение, несоблюдение правил караульной службы и требований начальства представители охраны подвергались дисциплинарным наказаниям. В отдельных случаях предписывалось отдать стражника под суд: если его действия «повлекут за собою убытки казны», «выяснится злой умысел или преступная небрежность». Дисциплинарные взыскания для нижних чинов охранной стражи – это устные или письменные замечания, выговоры, арест не более пятнадцати суток, увольнение⁷. Наказания на стражников накладывали их непосредственные руководители. Главы участков дистанций сообщали о провинившихся начальнику отделения. Он принимал решение о дальнейшей судьбе сотрудника – наложить взыскание или ходатайствовать перед начальником Жандармского управления об увольнении виновного.

Стражник в любой ситуации должен был действовать в соответствии с предписаниями. Его действия регулировались уставными документами. Правила позволяли стражникам применить санкции в случае нарушения поведения «чужими»⁸. В Инструкции оговаривались также потенциальные способы взаимодействий представителей охраны и окружающих. Услов-

ное разделение на тех, кому можно доверять (ближайший круг), и тех, с кем следует вести себя осторожно (так называемые «посторонние»), имело целью оградить стражника от влияния «злонамеренных» личностей. В реальности уровень доверия к людям, естественно, колебался в зависимости от субъективного понимания стражниками опасности и от разделения окружающих на «своих» и «чужих». В результате в ситуациях социального взаимодействия охранники получали возможность действовать так, как считали нужным и правильным, руководствуясь задачами наблюдения и контроля за поведением рабочих, местных жителей, беженцев и других людей, находившихся в местах строительства железной дороги [7]. Поскольку в организации работ на участках не удавалось избежать социальных противоречий, руководство предполагало, что формальное следование участников установленным нормам (или строгое соблюдение предписанных обязанностей) должно способствовать созданию системы действия, обеспечивающей поддержание устоявшихся образцов поведения в сообществе рабочих. Так социальная система могла успешно функционировать при условии действия механизмов социального контроля. Анализ социальных взаимодействий среди групп охраны и отдельных групп рабочих показал, что на строительстве Мурманской железной дороги использовались и неинституциональные формы социального контроля [5]. Несмотря на строгое регламентирование поведения стражников, необходимость быстро принять решение, например, в конфликтной ситуации позволяла им влиять на систему повседневных взаимодействий. Таким образом, представитель охраны выступал не только в роли наблюдателя-надзирателя, но и в качестве «карателя» или «палача». Статус «стражника» по отношению к подконтрольным группам (прежде всего военнопленным) позволял охране ситуативно использовать «исправительное» и «нормализующее» наказание. Это характерно для модели власти, которую М. Фуко назвал «дисциплинарной» [11: 14, 22, 200].

СТРАЖНИКИ-«КАВКАЗЦЫ» КАК КОЛЛЕКТИВНЫЙ АКТОР

Мобилизация трудовых ресурсов, активизация миграционных процессов на огромной территории (от Петрозаводска до Мурманна) способствовали созданию армии рабочих. Многотысячный коллектив строителей, который вдобавок к производственным трудностям аккумулировал проблемы этнокультурной адаптации разных «народностей»⁹, непрерыв-

но требовал регулирования отношений, включая контакты между акторами-субъектами и социальными объектами [8: 344]. Социальная организация на Мурманстройке включала систему акторов – этнических групп [6], функционально распределенных на участках строительства. Одной из групп, которая по существу не являлась этнически однородной¹⁰, были стражники.

Обширная структура охранного комплекса имела своеобразное этническое устройство. Документы Национального архива Республики Карелия (НАРК) и Государственного архива Мурманской области (ГАМО) содержат перечни сотрудников охраны, составленные по этническому принципу. Анализ именных списков показал, что при группировке нижних чинов варьировались критерии систематизации. Существуют материалы, в которых представители охраны не разделены по этническому признаку, основным показателем служит обозначение статуса – списки стражников¹¹. В других случаях охранники распределяются на несколько больших квазиэтнических групп: «русские стражники», «стражники-черкесы», «стражники-кавказцы»¹². Есть и реестры, которые объединяют представителей только одной этнической группы (стражников-чеченцев, стражников-лезгин)¹³.

Именно группу стражников-«кавказцев» (или «охрану из кавказских народностей»¹⁴) мы рассматривали в качестве коллективного актора, полагая, что они являлись «субсистемой более широкой социальной системы, взаимодействующей как отдельная единица с другими субсистемами» [8: 349]. Изучение группы «кавказцев» как коллектива обусловлено и оценкой их в качестве действующих субъектов другими участниками строительства. Действия отдельного стражника воспринимались окружающими как действия коллектива, а не индивидуальные поступки. В этом случае их можно анализировать как «сегменты» действий, в соответствии с терминологией Т. Парсонса. Действия организуются в систему, когда они «эмпирически не разрознены, но совершаются как бы плеядами» [8: 341]. Эти «сегменты» Т. Парсонс и называет системой, то есть организацией (или объединением) элементов действия в социальные системы, системы личности и культурные системы «мотивированного действия, организованные вокруг отношений акторов друг к другу» [8: 341–342]. Проще говоря, речь идет о видах, способах и процессах социальных взаимодействий в различных ситуациях и внутри этнической группы, и при ее взаимодействии с другими этническими общностями.

Если понимать действия коллектива стражников-«кавказцев» как подсистему, то существенное значение приобретают ее «символические эталоны» («культурные системы»). На них основывается выбор ценностей, общих для членов коллектива. Общее видение и оценка ситуации определяют ответственность индивида перед коллективом, руководят его предпочтениями и формируют специфические межгрупповые и внутригрупповые коммуникации.

Отсутствие достаточного количества желающих поступить в охрану строящейся железнодорожной линии – результат несоответствия требований к нанимаемым их финансовым ожиданиям¹⁵. Неудачная попытка Управления завербовать местных жителей привела к тому, что мотивация стражников, которые формировали нижнюю ступень охранной структуры, по всей видимости, не имела прямых установок на получение прибыли. В ситуации острого недостатка в рабочей силе наемные охранники опирались на предшествующий опыт работы в такой или похожей должности, а также на должностные требования о формировании команд охраны военным ведомством. Повторим, что служба в системе охраны Мурманской железной дороги приравнивалась к военной, следовательно, давала отсрочку от мобилизации.

Дополнительным обстоятельством найма стражников стала практика формирования этнических коллективов. Один из стражников, ранее работавших в должности охранника, писал министру путей сообщения: «Я Ингуш и могу представить на эту службу сколько Вам потребуется своих единокровцев ингушей»¹⁶. Подобные коллективы формировались из чеченцев, лезгин, черкесов и др. Окружающие воспринимали их в качестве объединенного сообщества «кавказских народностей». О них говорили как о коллективе кавказцев, кавказских горцев, кавказских инородцев. Описания ситуаций, в которых одной из действующих сторон была группа стражников-«кавказцев», демонстрируют образ инородца: человека, не знающего языка социального окружения, неграмотного, ленивого, нечистоплотного и т. д. (об истории поэтапного формирования этносоциального стереотипа «кавказец-горец» см., напр.: [12]). Употребление названий конкретных этнических групп указывает на действия этно-профессионального коллектива (стражников-чеченцев, стражников-ингушей) вместо индивидуальных действий. Статусная и этническая отчужденность охранников способствовала обособлению групп стражников-«кавказцев» от других социальных формирований. Она создавала систему общения, в которой статус (военнопленные, землекопы, плотники

и др.) отдельных этнических групп имел значение в выборе способа коммуникации со стороны групп охраны [5: 66–70].

Каждая профессиональная группа постепенно структурировалась. Формирование статусной иерархии осуществлялось и внутри групп, и между ними. То же произошло с большим коллективом Мурманстройки, включающим множество профессиональных групп. Несмотря на формальную разработанность социальной структуры, неизбежен был период традиционной борьбы за статусы, своего рода войны за старшинство (как официальное, предусмотренное должностью, так и неофициальное). Социальные взаимодействия, сопровождающиеся разного рода конфликтами и соперничеством, стали способом межгрупповой адаптации разных этнокультурных моделей. Сравнение взаимоотношений этнических групп в «новой среде» (на Мурманстройке) с процессами социальной адаптации современных мигрантов позволяет говорить о второй стадии «общей продолжительности адаптации» как этапе столкновения с «чужими» социокультурными условиями, на котором происходят конфликты с принимающей стороной [13].

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕВИАЦИИ И НАРУШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Архивные документы содержат многочисленные описания нарушений социального порядка. Так или иначе, его ситуативно разрушали все участники строительства – и различные группы рабочих (независимо от квалификации), и те, кто с ними взаимодействовал. Документы свидетельствуют о действиях, основанных на естественных межэтнических противоречиях коллективов рабочих. Этнический фактор доминировал в системе повседневных взаимодействий. Поскольку некоторые участники строительства регулярно оказывались в состоянии потенциального конфликта, условием функционирования большого коллектива была актуализация механизмов социального контроля [9: 272–283]. Судя по поведению охранников, не оправдались ожидания руководства, рассчитанные на поддержание ими социального порядка между враждующими группами по принципу справедливости. Более того, стражники-«кавказцы» часто выступали одной из сторон социального или этнического конфликта.

Для начальников, которые призваны были контролировать коллективы охраны, очевидным был факт систематического нарушения отдельными этническими группами общепринятых и установленных на строительстве правил. Предписанные Инструкцией способы поведения в тех

или иных ситуациях не исполнялись. Стражники не проявляли качеств, которым должны были соответствовать при взаимодействии с другими группами рабочих, «горцами» [7: 65].

Социальное благополучие коллектива строителей, регулярно нарушаемое действиями отдельных групп, одной из которых были сотрудники охраны, должно было восстанавливаться силами самих стражников как представителей команды. В результате рабочий процесс, внешне контролируемый, изнутри преодолевал ежедневные противоречия, вызванные девиантным поведением тех, кто обязан был осуществлять контроль¹⁷. Поскольку речь идет только о зафиксированных в документах нарушениях систем действия, трудно сказать, каким в действительности был набор ситуаций контактов стражников-«кавказцев» и других групп рабочих. Переписка отражает проблемы, конфликты и прочие нарушения со стороны исполнителей тех или иных должностей. Допуская, что действующие в соответствии с уставными документами субъекты не попадали в поле зрения соответствующих отделов, можно делать заключения только о части коллектива охраны, представители которого совершали нарушения. Мы имеем в виду лишь повторяющиеся ситуации взаимодействия, в которых одна из сторон – стражники-«кавказцы». Налицо противоречие: действующая и мотивированная охрана обязана обеспечить порядок внутри системы этносоциальных взаимодействий, при этом коллектив стражников регулярно становится участником конфликта, а в отдельных случаях – его источником.

Представители охраны одновременно и нарушали, и создавали порядок. Даже если в данный момент стражник был не на посту, он рассматривался как человек при исполнении. В Инструкции подчеркивалось: «всегда должен», «обязан быть», «всегда следует»¹⁸. Складывались ситуации, в которых охранники, нарушая правила, исполняли должностные обязанности. При этом задачи по строительству дороги на всех участках в общем выполнялись. Цель управленческих структур была реализована «беспримечной в истории железнодорожного строительства скоростью постройки Мурманской железной дороги»¹⁹. Нарушения поведения со стороны стражников, таким образом, можно рассматривать как элемент «дозволенности» власти в процессе достижения рабочим коллективом единой цели – завершения строительства [9: 289–290]. Более того, в условиях функционального и пространственного разделения коллективов рабочих у этнических групп получалось взаимодействовать без знания языка,

специфических особенностей и потребностей каждой отдельной группы.

Некоторые крупные этнические общности были специфически организованы как самостоятельные команды, и рабочие находились внутри своей группы (например, китайцы или «кавказцы»). Представители сообществ, из которых формировалась общая социальная структура, выполняли интегрирующие функции внутри своих коллективов. Однако эти группы не могли быть акторами без взаимодействия с другими участниками строительства, так они становились социальными объектами для вышестоящих структур. При этом официальная власть являлась главной силой, способной преодолеть межгрупповое противоборство. В результате члены коллектива действовали в соответствии с собственными представлениями о ситуативной справедливости. Например, «кавказцы», рассчитывая, что поступают на государственную службу стражниками, не предполагали, что из положенного им жалования будут вычтены расходы на табак и прочие товары, приобретаемые ими в торговых точках, расположенных вдоль линии дороги. Здесь включался принцип «дозволенности» поведения, которое власти считали допустимым в известных обстоятельствах, даже если оно отклонялось от нормы. Охранникам иногда прощались «халатность» в отношениях с военнопленными, бежавшими со стройки [2: 102]. А в ответ на наказания за нарушения порядка стражники образовывали своего рода группировки, члены которых совершали преступные действия²⁰. Возможность ношения и использования оружия, субъективные представления о нормах поведения и возможной системе наказаний позволяли охране регулярно нарушать порядок. Несмотря на то что система воспринимала их действия как девиантные, не соответствующие уставным отношениям, а следовательно, требующие применения санкций и наказаний, внутри сообщества сами нарушители не считали такое поведение отклоняющимся. С их точки зрения, в подобных ситуациях работал принцип эквивалентного обмена. Стражники действовали на основании, с одной стороны, формальных правил, с другой стороны, практик реципрокации и представлений конкретной этнической группы о справедливом распределении. Поскольку их собственные средства изымались вышестоящими, то денежное вознаграждение за возможность побега военнопленного или отъем денег у бригады рабочих (нижестоящих) рассматривались как естественная компенсация.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стражник – непосредственный представитель власти на месте. Проконтролировать его

в каждой конкретной ситуации было практически невозможно, поэтому социальный контроль во многих случаях не осуществлялся. Охранник имел возможность способствовать адаптации, интеграции групп, воспроизводству привычных культурных образцов. При этом стражники использовали групповое девиантное поведение как способ привлечения внимания и одновременно разрешения конфликтных ситуаций, с которыми не справлялась нормативная система.

Нарушение предписанного поведения со стороны стражников-«кавказцев» по отношению к группам, за действиями которых осуществлялся надзор, представляет один из этапов организации социальной системы, частично поддерживаемой отклонениями от норм. Используемые охраной насильственные и ненормативные способы воздействия (сила, обман, торговля и др.) позволяли руководству корректировать действия коллектива стражников внутри их системы для реализации общих системных потребностей. В результате нарушения группой охраны норм взаимодействия с подчиненными и начальниками создавалось

пространство для адаптации других групп к социальной среде, друг другу и системе в целом. Например, «назначение» стражников врагами того или иного рабочего коллектива вызывало групповое противостояние, которое частично преодолевалось. В итоге отдельный случай взаимодействия и выбранная участниками строительства модель поведения могли повлиять на изменение порядка.

Сроки возведения объекта были ограничены, и нормативная контролирующая структура мирилась с нарушениями со стороны участников строительства. Управление, сосредоточенное на макропроблемах, было не в состоянии решать все микропроблемы, в частности, повседневных взаимодействий.

Выбранный принцип организации этнической структуры позволил сохранить разнообразие культурных моделей. Взаимодействие культур в социальной системе отразилось и на установленной социальной структуре: в нее были встроены элементы, основанные на множестве культурных привычек, традиций, знаний, ценностей и норм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Настоящая статья является продолжением ранее опубликованной в журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» работы «Социальный порядок на Мурманстройке. Часть 1. Этнические группы – акторы социальной системы» [6].
- ² Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 180–190 об.; Д. 7/43. Л. 14–24.
- ³ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 185.
- ⁴ Там же. Л. 181–181 об.
- ⁵ Там же. Л. 180.
- ⁶ Там же. Л. 184 об.
- ⁷ Там же. Л. 189 об.–190.
- ⁸ О «своих» – «чужих» здесь и далее мы говорим как о синонимах понятий «ближний круг» – «посторонние». Последние (именно в такой формулировке) определены в «Инструкции стражникам...» (НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 182–182 об.). Это образцы статусно-близких групп: тех, кому стражник мог доверять; и всех остальных: тех, кому он не мог доверять. В военных условиях на строительстве железнодорожных сооружений любое лицо, оказавшееся на объекте или в поле зрения стражника, могло быть рассмотрено им в качестве постороннего (этого требовала Инструкция). Дистанция между «своими» и «чужими» динамична и ситуативна. «Свои» – люди (группы людей), находящиеся в одном культурном и статусном поле. В случае с охраной «свои» – это собственная команда стражников, затем – другие команды охраны и, наконец, их непосредственные начальники (особенно те, кого они знали в лицо). Все остальные: те, за кем они наблюдали, те, кого они охраняли, те, кто мог случайно попасть на вверенный им объект, – «чужие» или «посторонние» (с ними, по Инструкции, стражник и должен вести себя осторожно).
- ⁹ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурманск с описанием ее района. Пг.: Издание Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. С. 71.
- ¹⁰ Исследователи-историки, соблюдая терминологию, которая чаще использовалась в документах и публикациях времен строительства, объединяли социальные, профессиональные и этнические группы в более крупные коллективы, имеющие условно-этническую структуру. Например, А. А. Голубев использовал обозначения общностей: «российские рабочие», «канадцы», «финские рабочие», «рабочие-китайцы», «контрагенты-англичане», «полицейские – уроженцы Кавказа», «представители кавказских народностей» [1: 114–128]; Е. Ю. Дубровская, Н. А. Кораблев – «русские рабочие», «финны», «военнопленные австро-венгерской армии преимущественно славянских национальностей», «представителей кавказских народностей», «китайцы» [3: 103–106; 110] и др.
- ¹¹ Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. 72-И. Оп. 1. Д. 13. Л. 203–341 об.
- ¹² НАРК. Ф. 784. Оп. 1. Д. 5. Л. 8, 65.

- ¹³ НАРК. Ф. 777. Оп. 1. Д. 1. Л. 44, 237–237 об., 258–258 об.
- ¹⁴ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурманск с описанием ее района... С. 65, 72.
- ¹⁵ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 4/25. Л. 4.
- ¹⁶ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 68/531. Л. 33.
- ¹⁷ Девиантное поведение рассматривается как нарушение предписанного официальными инстанциями и зафиксированного в нормативно-распорядительной документации поведения охраны. В реальности вовлечение стражников в любую конфликтную ситуацию и затем выбранный ими способ выйти из нее могли интерпретироваться окружающими как примеры «неправильного» поведения: вышестоящим руководством – прямое нарушение должностной инструкции, превышение полномочий, а рабочими-строителями – проявление произвола, жестокости, «карательности» власти.
- ¹⁸ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 7/43. Л. 14–24.
- ¹⁹ Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурманск с описанием ее района... С. 7.
- ²⁰ НАРК. Ф. 320. Оп. 3. Д. 45/362. Л. 123.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917 гг.). СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.
2. Дубровская Е. Ю. Пространство сооружения магистрали: строители Мурманской железной дороги и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны // Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов. М.: Наука, 2022. С. 76–133.
3. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
4. Змеева О. В. От станционных поселков до промышленных городов: историко-этнографический профиль региона // Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов. М.: Наука, 2022. С. 177–239.
5. Змеева О. В. Система взаимодействий в полиэтничном сообществе строителей Мурманской железной дороги // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 13, № 2-22. С. 62–75.
6. Змеева О. В. Социальный порядок на Мурманской железной дороге. Часть 1. Этнические группы – акторы социальной системы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 70–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.695
7. Змеева О. В. Стражники Мурманской железной дороги: регулирование отношений и формирование этносоциального порядка (1915–1916 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2-16. С. 53–67.
8. Парсонс Т. О структуре социального действия: Пер. с англ. М.: Академический Проект, 2018. 435 с.
9. Парсонс Т. Социальная система: Пер. с англ. М.: Академический проект, 2018. 530 с.
10. Федосов А. В. Функции полиции Олонецкой губернии в годы Первой мировой войны // Studia Humanitatis Borealis. 2016. № 2. С. 4–26 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sthb.petsu.ru/journal/article.php?id=3141&ysclid=15gn7kprew396997728> (дата обращения 12.03.2022).
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
12. Хадикова А. Х. Об историческом контексте формирования стереотипа «кавказцы»: этнокультурный аспект проблемы // Вестник Владикавказского научного центра. 2019. Т. 19, № 4. С. 2–8.
13. Южанин М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5 (277). С. 70–77.

Поступила в редакцию 06.04.2022; принята к публикации 05.09.2022

Original article

Olga V. Zmeeva, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities – Branch of the Federal Research Centre “Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3909-1582; zmeyeva@rambler.ru

**SOCIAL ORDER ON MURMANSK RAILWAY.
PART 2. ETHNOCULTURAL MODELS AND SOCIAL DEVIATIONS**

Abstract. The purpose of the article is to show through the study of archival documents how the urgent problems of ethnosocial contradictions were resolved during the process of creating a vast multiethnic working collective in various, often conflicting, everyday interactions. The object of the study is the “Caucasian” guards – an ethnically-

based group of workers, which was perceived by other construction participants as a collective actor. Their behavior was different in that they systematically violated the established norms and rules during the construction of the Murmansk Railway in 1915–1916. The review of the job description for the guards, which established their functions and acceptable patterns of behavior when interacting with the local population, their direct supervisors, groups of war prisoners, and other construction participants, demonstrated the impact of the consequences of the “Caucasian” guards’ deviant group behavior. It is concluded that the situational deviations of the guards were welcomed by the management as an intermediate stage of ethno-cultural adaptation. The author also identified the motives for the cooperation between individual groups of employees and revealed the influence of ethnic groups’ cultural models on the choice of ways to restore the social order. Specific inter- and intragroup communications built by the guards were influenced by a common system of values, the similarity of traditional ideas about power and subordination, and group responsibility to the working collective.

Key words: Murmansk Railway, 1915–1916, guards, “Caucasians”, “mountaineers”, deviation, adaptation, order, cultural model

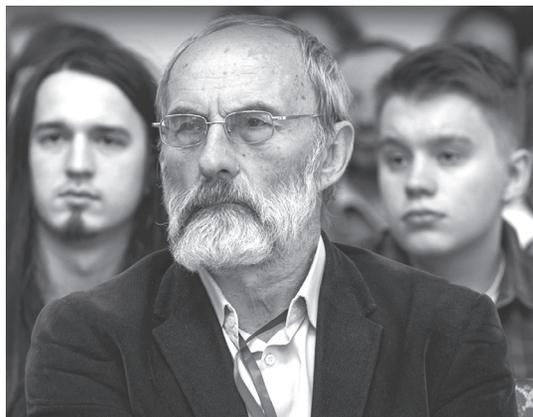
Acknowledgements. This paper continues the discussion raised in the previous article titled “Social order on Murmansk Railway. Part 1. Ethnic groups – social system actors” [6] published in the *Proceedings of Petrozavodsk State University*. The study was conducted as part of the state task No FMEZ-2022-0028 assigned to the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Zmeeva, O. V. Social order on Murmansk Railway. Part 2. Ethnocultural models and social deviations. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(8):111–118. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.842

REFERENCES

1. Golubev, A. A. Murmansk Railway. History of construction (1894–1917). St. Petersburg, 2011. 205 p. (In Russ.)
2. Dubrovskaya, E. Yu. The space of the highway construction: the builders of the Murmansk Railway and the population of adjacent territories during the First World War. *Population of the Kola Peninsula between two world wars: views of historians and anthropologists*. Moscow, 2022. P. 267–272. (In Russ.)
3. Dubrovskaya, E. Yu., Korablev, N. A. Karelia during the First World War: 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 432 p. (In Russ.)
4. Zmeeva, O. V. From station settlements to industrial cities: historical and ethnographic profile of the region. *Population of the Kola Peninsula between two world wars: views of historians and anthropologists*. Moscow, 2022. P. 267–272. (In Russ.)
5. Zmeeva, O. V. The system of interactions in the multi-ethnic community of builders of the Murmansk Railway. *Transactions of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Studies*. 2022;13(2):32–75. (In Russ.)
6. Zmeeva, O. V. Social order on Murmansk Railway. Part 1. Ethnic groups – social system actors. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):70–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.695 (In Russ.)
7. Zmeeva, O. V. Guards of Murman Railway: regulation of relations and formation of ethnosocial order (1915–1916). *Transactions of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Studies*. 2019;10(2-16):53–67. (In Russ.)
8. Parsons, T. The structure of social action. Moscow, 2018. 435 p. (In Russ.)
9. Parsons, T. The social system. Moscow, 2018. 530 p. (In Russ.)
10. Fedosov, A. V. Olonets Province police functions during the First World War. *Studia Humanitatis Borealis*. 2016;2:4–26. Available at: <https://sthb.petrstu.ru/journal/article.php?id=3141&ysclid=15gn7kprew396997728>. (accessed 12.03.2022).
11. Foucault, M. Discipline and Punish: The Birth of the Priso. Moscow, 1999. 478 p. (In Russ.)
12. KhadiKOva, A. H. On the historical context of the stereotype “Caucasians” formation: the ethno-cultural aspect of the problem. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra*. 2019;19(4):2–8. (In Russ.)
13. Yuzhanin, M. A. Sociocultural adaptation in alien ethnic environment: conceptual approaches to analyses. *Sociological Studies*. 2007;5(277):70–77. (In Russ.)

Received: 6 April, 2022; accepted: 5 September, 2022

4 октября 2022 года исполнилось 75 лет профессору, доктору исторических наук, ординарному профессору, члену редакционного совета нашего журнала *Евгению Викторовичу Анисимову*.

Фото: Е. В. Анисимов со студентами ПетрГУ. Май 2019 года

Celebrating the 75th anniversary of Evgeniy V. Anisimov

ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ АНИСИМОВ

К 75-летию со дня рождения

Е. В. Анисимов родился в г. Александров Владимирской области. В 1970 году окончил исторический факультет ЛГПИ им. А. И. Герцена, а в 1973 году – аспирантуру Ленинградского отделения Института истории РАН. В 1975 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1985 году – докторскую. С 1970 года работает в Санкт-Петербургском институте истории РАН. В 1995 году стал профессором кафедры истории России СПбГЭУ, с 1996 года преподает в Европейском университете в Санкт-Петербурге. С 2012 года работает в НИУ ВШЭ (Санкт-Петербургский филиал), являясь научным руководителем департамента истории. С 1989 года Е. В. Анисимов преподает как приглашенный профессор в различных университетах России и за рубежом. С 2010 года – научный руководитель Института Петра Великого. В 2017–2020 годах был членом Совета по науке и образованию при Президенте РФ.

Е. В. Анисимов – специалист по политической истории России XVII–XVIII веков. Автор более 250 печатных работ. Его перу принадлежат первые в России научные биографии императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, вышедшие в серии «ЖЗЛ». Ученый является признанным популяризатором исторической науки. Многие поколения россиян зачитываются его книгами «Женщины на русском престоле», «История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты», «Петр Великий. Личность и реформы» и мн. др. Участвует Евгений Викторович и в просветительской деятельности на телеканале «Культура» в качестве автора и ведущего программ «Дворцовые тайны», «Пленницы судьбы» и «Кабинет истории».

Е. В. Анисимов неоднократно бывал в Петрозаводске. В сентябре 2018 года принял участие в конференции «Проекты Петра Великого. Роль “Осударевой дороги” в истории и культуре России». В мае 2019 года прочел в ПетрГУ серию открытых лекций и провел презентацию своей книги «Держава и топор. Политический сыск, власть и русское общество в XVIII веке». В сентябре 2019 году был участником конференции «Марциальные воды в истории Карелии и России». В нашем журнале были опубликованы интервью с Е. В. Анисимовым (2019. № 4 (181)) и его статья «Петр Великий о Боге, болезнях и минеральной воде» (2020. Т. 42, № 4).

От всей души поздравляем Евгения Викторовича с юбилеем, желаем ему крепкого здоровья и новых работ, раскрывающих смысл нашей истории.

ЛЕВ ВАЛЬТЕРОВИЧ СУНИ

(29.10.1932–03.03.2022)

Доктор исторических наук, профессор,
один из ведущих специалистов
в области истории Финляндии
и финского населения России

29 октября 2022 года исполнилось бы 90 лет со дня рождения Л. В. Суни, замечательного преподавателя и популяризатора исторических знаний. К огромному сожалению, его не стало 3 марта этого года. Лев Вальтерович родился в ингерманландском поселке Тярлево в Ленинградской области. В 1956 году он окончил историко-филологический факультет Карело-Финского государственного университета (ныне ПетрГУ) и через несколько лет поступил в аспирантуру Тартуского государственного университета, одного из ведущих на тот момент центров североевропейских исследований в СССР. Кандидатская диссертация Л. В. Суни, опубликованная в виде монографии (1963), была посвящена изучению специфики торговых отношений Великого княжества Финляндского и остальных частей Российской империи во второй половине XIX века. В советской историографии это исследование стало первым обстоятельным подходом к проблематике российско-финляндских отношений периода автономии.

В 1963–1972 годах Лев Вальтерович работал на кафедре всеобщей истории Петрозаводского государственного университета. Затем, сосредоточившись на исследовательской работе, перешел в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (ныне Карельский научный центр РАН). В 1981 году он вернулся в университет, чтобы возглавить кафедру всеобщей истории. Некоторое время был деканом историко-филологического факультета.

Лев Вальтерович Суни одним из первых в нашей стране на высоком научном уровне занялся изучением российско-финляндских отношений

в сфере политики и экономики, а также общественно-политического развития Финляндии периода автономии (1809–1917). В 1979 году в ленинградском академическом издательстве «Наука» увидела свет его монография «Очерк общественно-политического развития Финляндии, 50–70-е годы XIX в.», легшая в основу докторской диссертации (защищена в 1982 году в Академии наук Эстонской ССР). В финляндской историографии этапы становления автономии изучены досконально. В России также было немало исследований о положении Финляндии в составе Империи, однако большинство этих трудов были написаны еще в XIX веке и создавались непрофессиональными историками. Обобщающих работ по общественно-политической и экономической истории Великого княжества Финляндского второй половины XIX века в отечественной историографии до 1980-х годов не существовало, поэтому значение работ Л. В. Суни трудно переоценить. Лев Вальтерович не оставлял тему истории финляндской автономии и в дальнейшем, создавая в том числе уникальные авторские курсы для студентов. В 1990-е годы профессор Суни занялся изучением истории финского населения России, в частности ингерманландских финнов, став пионером и в этой области. Его базовые статьи о судьбах ингерманландцев в Российской империи и СССР послужили толчком к последующему глубокому изучению темы в научных центрах Санкт-Петербурга, Москвы и Петрозаводска.

Четыре монографии, несколько разделов в фундаментальных коллективных трудах, увидевших свет в России и Финляндии, более

100 статей, опубликованных в ведущих отечественных и финляндских научных изданиях, многочисленные энциклопедические статьи, руководство несколькими крупными междисциплинарными проектами – внушительная, но далеко не исчерпывающая характеристика многолетней научной биографии Л. В. Суни.

В 1960-х годах с немногочисленной группой советских исследователей Лев Вальтерович стоял у истоков научного сотрудничества советских и финляндских историков. Длительное время он был членом редколлегии и автором выходящего в Эстонии «Скандинавского сборника» – все-союзного ежегодника советских гуманитариев, посвятивших себя изучению стран Северной Европы. Начиная с 1963 года он был одним из организаторов всесоюзных конференций по изучению истории, языка, литературы и экономики Скандинавских стран и Финляндии. Значимость формирования межрегионального и международного научного сообщества специалистов в области гуманитарных исследований Скандинавских стран и Финляндии трудно переоценить. В позднесоветский период сложились не только институциональные площадки такого взаимодействия – регулярные российско-финляндские семинары и симпозиумы историков, междисциплинарная по своей природе всесоюзная конференция скандинавистов и ежегодник «Скандинавский сборник», но и неформальные дружеские контакты исследователей. Еще одной значимой стороной его работы стал перевод на русский язык и научное редактирование трудов ведущих финских исследователей. Так, российский читатель получил возможность познакомиться с трудами Вильо Расила, Мауно Йокипии, Матти Клинге, Пекки Невалайна, Юлитты Суомела, посвященными широкому спектру проблем истории Финляндии и российско-финляндских отношений.

С именем профессора Льва Вальтеровича Суни в значительной степени связаны формирование и устойчивое развитие североевропейского направления в гуманитарных исследованиях и преподавании в ПетрГУ. На базе существовавшей с начала 1970-х годов на отделении истории историко-филологического факультета «неофициальной финской группы» в 1992 году была открыта специализация по истории Финляндии и Скандинавских стран – единственная в классических университетах России. Для научно-методического обеспечения специализации тогда же появилась и Лаборатория по проблемам Скандинавских стран и Финляндии – еще одно детище профессора Суни. Под его руководством Лаборатория превратилась в хорошую базу для

учебного процесса и организации ряда исследовательских проектов.

В 2010 году под руководством Льва Вальтеровича была открыта магистерская программа «История стран Северной Европы», ставшая первой магистратурой в области гуманитарных наук в ПетрГУ. Она получила высокую оценку международного научно-педагогического сообщества и по-прежнему не имеет аналогов в России. Сегодня Петрозаводский государственный университет – единственный вуз, где целенаправленно ведется подготовка в области североевропейских исследований как на уровне профиля бакалавриата, так и в рамках магистратуры. Профессор Суни был руководителем нескольких кандидатских диссертаций по финляндской проблематике и этнополитической истории сопредельных территорий.

Многим поколениям студентов запомнились яркие и увлекательные лекции, уникальные авторские курсы, неизменно доброжелательные замечания и советы Льва Вальтеровича. Его высокий профессионализм и эрудиция, требовательность и дружелюбие, исключительное чувство юмора – об этом говорят все, кому довелось учиться у профессора Суни или работать с ним. Может быть, в это трудно поверить, но непросто найти сферу деятельности, где бы не трудились сегодня многочисленные ученики Льва Вальтеровича. Это, конечно же, наука и образование, но также и государственное и муниципальное управление, музеи и библиотеки, архивы, дипломатическая служба, средства массовой информации, международные организации, предпринимательство как в России, так и за ее пределами.

Заслуги профессора Суни в научной и педагогической работе отмечены высокими государственными наградами и почетными званиями России и Финляндии. Среди многочисленных титулов и регалий – звание заслуженного деятеля науки Карельской АССР и почетного доктора Университета Восточной Финляндии, членство в Финском историческом, Финском литературном и Калевальском обществах, высокие государственные награды России (Орден Дружбы и Орден Почета) и Финляндии (Рыцарский крест I класса Ордена Льва Финляндии).

До последних дней Лев Вальтерович не забывал университет и своих коллег, многие из которых – его ученики, интересовался их успехами, внимательно следил за всеми новациями и перипетиями развития высшего образования.

Память о Льве Вальтеровиче Суни, замечательном ученом и педагоге, будет жить в его творческом наследии, в его учениках и созданной им научной школе.

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ Л. В. СУНИ**Монографии**

Финляндско-русские торговые отношения во второй половине XIX века (1858–1885). Тарту, 1963. 174 с.

Очерк общественно-политического развития Финляндии, 50–70-е годы XIX в. Л.: Наука, 1979. 247 с.

Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80–90-е годы XIX в. Л.: Наука, 1982. 158 с.

Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 137 с.

Разделы в коллективных монографиях

Трудные судьбы Ингерманландии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 237–260.

Ингерманландские финны: Исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 4–25.

Очерк культуры российских финнов // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 44–62. (В соавторстве с Э. С. Киуру).

Ингерманландские финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 66–82.

Российские финны. Финны-ингерманландцы. Исторический очерк // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 469–484.

Inkeriläisen talonpoikaisluokan hävittämisen alkusoitto vuonna 1930 // Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1991. S. 302–310.

Inflyttningen av ingermanlandare till Karelen mot slutet av 1940-talet // Ingermanland – om land och folk. Kulturfonden för Sverige och Finland, 1993. S. 75–84.

Inkerin kova kohtalo // Itämerensuomalaiset: Heimokansojen historiaa ja kohtaloita. Jyväskylä, 1995. S. 211–231.

Inkerin suomalaiset // Yhtä suurta perhettä. Bolševikkien kansallisuuspolitiikka Luoteis-Venäjällä 1920–1950-luvuilla. Helsinki, 2000. S. 77–94.

Учебные материалы

Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв.: Учеб. пособие. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 1986. 73 с. (В соавторстве с Е. Б. Ошеровым).

Финляндия в XVIII–XIX вв.: становление нации: Программы спецкурсов. Петрозаводск, 2004. 16 с. (В соавторстве с И. Р. Такала).

История Финляндии: Программа курса лекций. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 28 с. (В соавторстве с А. Ю. Осиповым).

Великое княжество Финляндское. Первые шаги автономии: Лекция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 66 с.

Великое княжество Финляндское. Население и экономика в первой половине XIX в.: Лекция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2011. 29 с.

Переводы

Расила В. История Финляндии / Пер. с фин. и науч. ред. Л. В. Суни. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1996. 296 с.

Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / [Отв. ред. И. А. Чернякова; Пер. с фин. Л. В. Суни]. Петрозаводск, 1998. 322 с.

Йокиппи М. Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. / Сокращ. авториз. пер. с фин. Л. В. Суни. Петрозаводск: Карелия, 1999. 370 с.

Невалайнен П. Изгои: российские беженцы в Финляндии, 1917–1939 / Пер. с фин. Л. В. Суни. СПб.: Журнал Нева, 2003. 364 с.

Суомела Ю. Зарубежная Россия: идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / Авториз. пер. с фин. Л. В. Суни. СПб.: Коло, 2004. 351 с.

Клинге М. На чужбине и дома: [о финнах и Финляндии] / Пер. с фин. Л. Суни. СПб.: Коло, 2005. 302 с.

Невалайнен П. Исход: Финская эмиграция из России 1917–1939 / Пер. с фин. Л. В. Суни. СПб.: Коло, 2005. 446 с.

Расила В. История Финляндии / Пер. с фин. и науч. ред. Л. В. Суни. 2-е изд., перераб. и доп. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2006. 358 с.

*И. М. Соломец,
кандидат исторических наук, доцент ПетрГУ*

*И. Р. Такала,
кандидат исторических наук, доцент ПетрГУ,
ст. н. с. ИЯЛИ КарНЦ РАН*

О журнале «Новый Часовой»

Название журнала «Новый Часовой» восходит к замечательному опыту русской эмигрантской военной периодики, поскольку широко известный в Русском Зарубежье журнал «Часовой» размещал на своих страницах в высшей степени интересные, зачастую уникальные материалы. Первый номер «Часового» увидел свет в 1929 году в Париже. Позднее он издавался в Брюсселе и просуществовал до 1988 года. «Новый Часовой» обрел своих заинтересованных читателей в 1994 году, начиная с 2020 года журнал выходит регулярно – два номера в год. Мы исходим из того, что задача бережного сохранения исторической памяти, объективного освещения реалий прошлого сегодня приобретает особое значение. Ее актуальность, помимо всего прочего, обусловлена участвовавшими попытками фальсифицировать, извратить в угоду политической конъюнктуры прошлое нашего Отечества, особенно в его военно-исторической ипостаси. В каждом номере представлена отдельная рубрика, посвященная значимому юбилейному событию из отечественной истории. Особое внимание уделяется публикации исторических источников – воспоминаний, писем, архивных документов и пр. Некоторые материалы будут публиковаться в порядке дискуссии. Думаем, они могут вызвать общественный резонанс и стать импульсом к актуализации альтернативных подходов к решению спорных вопросов исторического прошлого. Мы надеемся на конструктивное сотрудничество и будем с нетерпением ждать читательских откликов, чтобы совместными усилиями сделать наш журнал еще лучше и содержательнее.

В юбилейном (№ 24) номере журнала (см. обложку) нашли свое отражение разные темы. О путешествии А. П. Измайлова (Великой особы) и его дневнике подробно рассказывается в статье Д. и И. Гузевичей; о деталях административного управления Адмиралтейским округом – в работе В. Г. Данченко; событий, связанных с похоронами сестры царя Натальи Алексеевны, касается А. В. Морохин; зарождению горнодобывающей и металлургической промышленности на территории Карелии посвящена работа А. М. Пашкова; о своеобразном масонском путеводителе по Петербургу А. П. Башуцкого, главным героем которого был Петр, рассказывается в статье М. М. Сафонова. Судьбам современников Петра посвящены

статьи Н. Р. Славнитского (Б. П. Шереметев и Н. И. Репнин) и В. В. Яковлева (митрополит Корнилий, митрополит Парфений, архимандрит Гедеон Одорский).

Интересен раздел, в котором впервые на русском языке представлены публикации важных для изучения петровского царствования документов и сочинений. Представлен большой фрагмент из малоизвестной широкому русскоязычному читателю книги знаменитого английского писателя Д. Дефо, полностью посвященной Петру. В нем подробно рассказывается о деле, связанном с оскорблением русского посла А. Матвеева в Лондоне. Целиком издается такой важный источник, как «Записки о северных переговорах» французского дипломата, посла при дворе Карла XII, в дальнейшем – полномочного представителя Франции в России Ж. де Кампредона, сопровождаемые «Заметкой о доме Кампредонов». Малоизвестной странице военно-морской истории петровского времени (Мадагаскарской экспедиции 1724 года) посвящено исследование Д. Н. Копелева, сопровождаемое публикацией документов вице-адмирала Д. Я. Вильстера из архива РГА ВМФ.

В разделе «Материалы и заметки» помещена публикация, которая, на первый взгляд, не имеет непосредственного отношения к царствованию Петра. Но в ней речь идет об одной из страниц истории его любимого творения – о Летнем саде, причем странице трагической – угрозе взрыва бомбы, вероятно, оставшейся там со времен Великой Отечественной войны. Существовала угроза уничтожения большей части сада. Г. А. Хвостова, которая от музея занималась организацией всех мероприятий по поиску бомбы и сохранению реликвий от возможного разрушения, на основе сохранных ею документов подробно рассказывает об этих событиях.

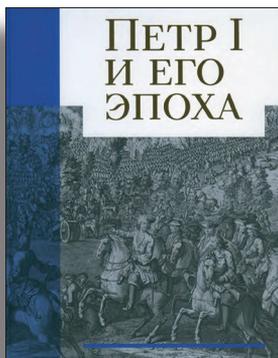
В традиционной рубрике «Отзывы и рецензии» дается характеристика нескольких книг, выпущенных к юбилею Петра: Д. и И. Гузевичей «Парадигма Герберштейна, или От Царя к Императору: Пролог ко Второму путешествию Петра I», первого научного издания на русском языке биографии Петра итальянского литератора и богослова А. Катифоро, опубликованной в Венеции еще в 1736 году, а также серии книг «Петр I в Европе».

*В. В. Яковлев, гл. редактор журнала
nii.region@mail.ru*

Vladimir V. Yakovlev, Editor-in-Chief
nii.region@mail.ru

CONTENTS

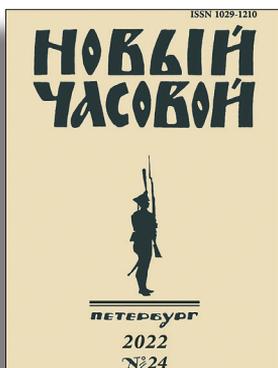
<p>Editorial note 7</p> <p>ARCHAEOLOGY</p> <p><i>Tarasov A. Yu., Summanen I. M.</i> CHOPPING TOOLS OF THE RUSSIAN KARELIAN TYPE IN KARELIA AND NORTH-EASTERN EUROPE: GEOCHEMICAL ASPECT 8</p> <p>WORLD HISTORY</p> <p><i>Fedorenko K. S.</i> PREREQUISITES FOR THE “KOREAN WAVE” PHENOMENON (LATE 1950s – EARLY 1970s) 20</p> <p>HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH</p> <p><i>Savitsky I. V.</i> RUSSIAN RESEARCHERS AND PUBLICISTS ON THE ROLE OF THE MILITARY IN THE CRIMEAN SPRING 27</p> <p>RUSSIAN HISTORY</p> <p><i>Dianova E. V.</i> NIKOLAY CHERNYSHEVSKY’S COOPERATIVE FICTION 37</p> <p><i>Zhukovskaya T. N.</i> CAPITAL CITY AND UNIVERSITY: FORMS OF PUBLICITY AND SYSTEM OF INTERACTION IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY 50</p> <p><i>Kotov P. P., Rozhina A. V.</i> ORTHODOX BROTHERHOODS IN THE VOLOGDA PROVINCE IN THE LATE XVIII AND THE EARLY XX CENTURIES: QUANTITY AND TYPES 57</p> <p>Celebrating the 350th birth anniversary of Peter the Great</p> <p><i>Pigin A. V.</i> HANDWRITTEN LITERATURE OF PETER THE GREAT’S EPOCH IN THE RUSSIAN NORTH 66</p>	<p><i>Kozhevnikova Yu. N.</i> MONUMENTS OF PETER THE GREAT’S EPOCH IN THE MONASTERIES OF THE OLONETS EPARCHY 76</p> <p><i>Shakhnovich M. M., Kut’kov N. P.</i> PETER THE GREAT’S PALACE AT THE MARTIAL WATERS RESORT: HISTORY AND ARCHAEOLOGY 85</p> <p><i>Yakovlev V. V.</i> SPECIAL ISSUE OF CHRONOGRAPH AND RUSSIAN CHRONICLES ON PETER THE GREAT’S 1694 TRIP TO THE SOLOVETSKY MONASTERY 91</p> <p><i>Liman I. G.</i> SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF CELEBRATING THE BICENTENNIAL ANNIVERSARY OF PETER THE GREAT IN THE OLONETS PROVINCE .. 97</p> <p>ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY</p> <p><i>Bodrova O. A., Razumova I. A.</i> INTERNET TECHNOLOGIES FOR ETHNO-CULTURAL BRANDING (THE CASE OF THE MURMANSK REGION) 105</p> <p><i>Zmeeva O. V.</i> SOCIAL ORDER ON MURMANSK RAILWAY. PART 2. ETHNOCULTURAL MODELS AND SOCIAL DEVIATIONS 111</p> <p>Anniversary Celebrating the 75th anniversary of Evgeniy V. Anisimov 119</p> <p>Memory <i>Solomeshch I. M., Takala I. R.</i> In memory of Lev V. Suni 120</p> <p>Scientific information <i>Yakovlev V. V.</i> New Sentry: Russian military history journal 123</p>
--	--

ПЕТР I И ЕГО ЭПОХА

В юбилейное издание, посвященное 350-летию со дня рождения Петра I, вошли архивные документы Петровской эпохи, гравюры, а также автографы Петра Великого, часть из которых публикуется впервые. Книгу предваряют статьи ведущего специалиста по Петровской эпохе Е. В. Анисимова и директора Российского государственного архива древних актов В. А. Аракчеева.

Петр I и его эпоха / составитель Н. Ю. Болотина ; авторы статей Е. В. Анисимов, В. А. Аракчеев, А. Ф. Купин [и др.]; автор текстов к разделам Н. Ю. Болотина. – Москва : Кучково поле Музеон, 2022. – 240 с.

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

Настоящий номер журнала несколько необычен. Он полностью посвящен юбилею одного из самых значительных правителей России, человеку, который как никто своей неутомимой деятельностью изменил страну и оказал колоссальное влияние на ее историческую судьбу, – Петру Первому. Об этом много всего написано, сказано и будет еще написано немало. Но личность Петра настолько грандиозна, уникальна, а его вклад не только в русскую, но и мировую историю так велик, что нет сомнений, что его фигуру и его дела еще долго будут изучать и обсуждать, о результатах – спорить, на достижениях и ошибках – учиться.

Новый Часовой (ISSN 1029-1210). 2022. № 24. 317 с.

Подробнее о журнале читайте в рубрике «Научная информация»

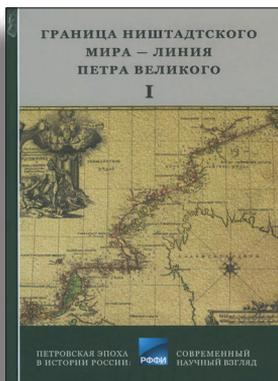
Дмитрий Серов

ЛЮДИ И УЧРЕЖДЕНИЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Дмитрий Олегович Серов (1963–2019) – один из лучших знатоков петровского периода, работавший на стыке исторической науки и истории права. Прекрасно осведомленный о специфике работы петровских учреждений, ученый был в то же время и мастером исторической биографии. Сборник статей Д. О. Серова, приуроченный к 350-летию со дня рождения Петра I, знакомит читателя с работами исследователя, посвященными законотворчеству, институциям и людям того времени. Эти статьи, дополненные воспоминаниями об авторе его друзей и коллег, отражают основные направления его научного творчества.

Серов, Д. О.

Люди и учреждения Петровской эпохи: Сборник статей, приуроченный к 350-летию юбилею со дня рождения Петра I / Дмитрий Олегович Серов; сост. и предисл. Е. В. Анисимова и Е. В. Акельева. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 440 с.

ГРАНИЦА НИШТАДТСКОГО МИРА – ЛИНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Сборник содержит материалы, посвященные различным аспектам Северной войны, заключения Ништадтского мирного договора 1721 года, формирования новой русско-шведской границы, истории пограничных территорий и отражения петровской эпохи в исторической памяти, подготовленные историками, архивистами, музейными работниками и краеведами из Бельгии, Москвы, Санкт-Петербурга, Выборга, Петрозаводска, Волгограда, Приозерска, Шлиссельбурга, Сортавалы и Куркиёки.

Граница Ништадтского мира – Линия Петра Великого : Материалы международной научной конференции (6–9 октября 2021 года, г. Выборг) / Комитет по сохранению культурного наследия Ленинградской области, Музейное агентство Ленинградской области, Выборгский объединенный музей-заповедник, Петрозаводский государственный университет, Фонд им. Д. С. Лихачева, Институт Петра Великого ; [редколлегия: А. В. Кобак, А. В. Мельнов, Ю. И. Мошник, А. М. Пашков ; под редакцией А. М. Пашкова]. – Часть I. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2022. – 176 с.

ISSN 2542-1077

9 772542 107004